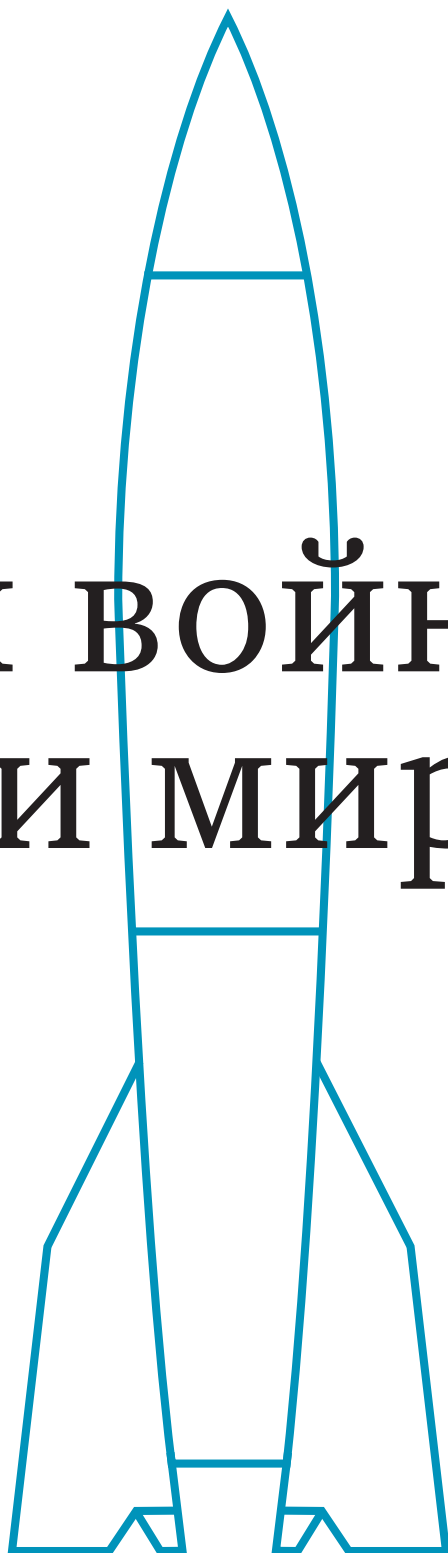

р а з н о г л а с и я

Ни войны,
ни мира

Nº 11

Разногласия.
Журнал общественной
и художественной критики.
№11: Ни войны, ни мира.
(Декабрь 2016)

«Разногласия» – ежемесячное
приложение к сайту Colta.ru.

Содержание

Слабое сопротивление	5
ГЛЕБ НАПРЕЕНКО	
АЛЕКСАНДРА НОВОЖЕНОВА	
<i>Искусство против войны. Глеб Напреенко и Александра Новоженова о влечении к смерти у сюрреалистов, «мухоморов» и Феликса Гонзалес-Торреса</i>	
Автобаны: для гонщиков и для пушечного мяса	24
ФРИДРИХ КИТТЛЕР	
<i>Фридрих Киттлер — о том, что исто- рия дорог, ставших гордостью Германии и Лос-Анджелеса, неотделима от истории мировых войн</i>	
«Перерастание империалистической войны в войну гражданскую». К юбилею 1917 года	40
ГЛЕБ НАПРЕЕНКО	
<i>Большой опрос историков о связях Первой мировой, большевиков, Октября, Граж- данской войны и о том, как они повлияли на советское будущее</i>	
Пленэр в Пальмире	75
ТАТЬЯНА ЭФРУССИ	
<i>Татьяна Эфрусси о процветании Студии имени Грекова благодаря Сергею Шойгу, Владимиру Якунину и войне в Сирии</i>	
Россия без Путина — Сирия без Асада?	87
ИВАН НАПРЕЕНКО	
<i>Почему в России не видно движения против войны в Сирии? Рассуждают Олег Журавлев, Илья Матвеев и Влад Тупикин</i>	

- Война — это культура. Комментарий к Ираку 99
НИКОЛАС МИРЗОЕВ
Николас Мирзоев о парадоксах доктрины генерала Петреуса, о глобальной борьбе США с повстанческими движениями и о том, какую роль тут играет виртуальное зрение
- Третья мировая: началась, на подходе, 124
невозможна, придумана?
МАША ИВАСЕНКО
ЛЕНА КЛАБУКОВА
О чем думают политологи, философы и художники, когда слышат о Третьей мировой войне: Фельгенгауэр, Бифо, Митрофанова, Магун, Житлина, Штейерль
- Блокадный канон 142
НИКОЛАЙ КОНОНОВ
Писатель Николай Кононов о непарадной истине блокадного Ленинграда в рисунках Алексея Пахомова, Елены Марттилы и Валентины Тонск
- Страшная сила очевидности. 151
Читая Ивана Ильина
ИЛЬЯ БУДРАЙТСКИС
Историк Илья Будрайтскис о философе, предвосхитившем союз путинского государства и РПЦ — воина и монаха
- Земо-Никози. Так и живем 168
НАТАЛЬЯ НИКУЛЕНКОВА
Художница Наталья Никуленкова попросила переживших вторжение России в Грузию зарисовать на картах, что у них отняла война

Слабое сопротивление

Франсис Пикабия.
Девочка, рожденная
без матери. 1916–18

*Искусство против войны.
Глеб Напреенко и Александра Новоженова
о влечении к смерти у сюрреалистов,
«мухоморов» и Феликса Гонзалес-Торреса*

Стабильность требует напряжения. А напряжение требует разрядки. Два юбилея, 70 лет Великой Победе в прошлом году и 100 лет революции в следующем, отбрасывают на Россию две исторические проекции, позволяя пережить как будто противоречащие друг другу сценарии разрядки через потрясение. Война и революция противопоставляются российской идеологией как два варианта развития событий: войну прославляют как доказательство народного героизма, революцию осуждают за подрыв государственного единства. В своей лекции о ре-

волюции 1917 года Владимир Мединский, глава Российского военно-исторического общества и министр культуры РФ, сообщил, что революции «всегда вредны» и «всегда несправедливы». Одновременно развивается и пропагандируется программа физического воспитания россиян «Готов к труду и обороне», одноименная аналогичной советской программе, запущенной в 1931 году, в эпоху ожидания новой мировой войны и подготовки к ней.

Год за годом фантазматически переживая Победу и ужасаясь возможности революции, мы получаем облегчение от напряжения стабильности, которое иначе называется параличом политических отношений. Картины катастроф приносят разрядку в бездействии, и наш худой мир наполнен войной. Локальными войнами, которые провоцирует государство по ту сторону своих границ или далеко в восточных мирах (как когда-то с Турцией и Японией), и Великой Отечественной войной прошлого, которая становится единственной надежной опорой политической фантазии.

В 1932 году Альберт Эйнштейн написал Зигмунду Фрейду письмо, в котором задавал вопрос о том, неизбежна ли война. Фрейд ответил статьей с одноименным названием. Его ответ был пессимистичен. Удовлетворение всех потребностей не снимает конфликта интересов и не заставляет общество перестать стремиться к разрешению его в войне. Мирный прогресс не отменяет стремления к военному столкновению. Медиатеоретики Поль Вирильо и Фридрих Киттлер рассуждают еще жестче: прогресс и война (как якобы досадное отклонение от прямого шоссе прогресса, ведущего к счастью человечества) не только не исключают друг друга, но именно война движет прогресс и определяет мир. Как пишет Киттлер, перефразируя Клаузевица, мир — это продолжение войны теми же транспортными средствами. И все существующие культурные формы, свойственные мирному существованию, в реальности являются либо последствиями прошедшей, либо пророчествами грядущей войны.

Таким образом, искусство оказывается в плену военного медиадетерминизма, еще одной версии «вульгарной социологии», но еще более тотальной и куда более пессимистичной, чем марксистское классовое объяснение искусства, одержимое революцией, а не войной. Военный детерминизм медиатеории сводит искусство не просто к объяснению его сознательных и бессознательных мотивов классовыми противоречиями. Ис-

кусство теперь полностью совпадает в своей динамике с развитием медиа, движимым интересами войны. При этом прогресс прочитывается негативно, как катастрофическое движение непрерывно совершенствующейся техники и инфраструктур, которые влекут ослепленное зрелищем развивающихся технологий человечество к очередному губительному конфликту.

Афиша выставки «XX век. От великих потрясений к Великой Победе. 1914–1945 гг.», прошедшей в 2015 году в Манеже и ставшей одним из полигонов новой проправительственной идеологии истории

Впрочем, за одержимостью Нового времени войнами марксистский анализ, в свою очередь, видит эффект капитализма, нуждающегося в постоянном захвате и переделе рынков, в разрешении кризисов перепроизводства грандиозными акциями расправы с избыточными товарами и рабочей силой. Так или иначе, идея прогресса оказывается фасадом развертывания комплекса военных технологий или роста капитала, оборачивающего прибыль лишь для новой прибыли. Ни ВПК, ни капитализм не ограничены в своем росте никаким моральным идеалом, но нуждаются в идеологической опоре, одна из которых — идея прогресса как источника общего блага. При этом войны выполняют функцию разрядки не только для экономики, но и для психики, хотя и противоречащую благостной идеологии непрерывного прогресса, но канализующую те желания, удовлетворения которым прогресс дать не может. Как пишет тот же Киттлер, «война — время исполнения желаний, в особенности для тех, у кого нет прав» (имея в виду, правда, водительские права).

Сегодня Россия существует на обочине капиталистического прогресса, переживая его скорее в воображении, как и грандиозные военные победы. Но и противопоставлявший себя капиталистическому миру СССР не сумел отказаться от милитаризации как универсального средства общественного единения. Об этом говорит Фрейд в тексте «Неизбежна ли война»:

«Большевики надеются, что они смогут совершенно избавиться от человеческой агрессивности, обеспечив удовлетворение материальных потребностей и установив равенство среди членов общества. Я считаю это иллюзией. В настоящее время они усиленно вооружаются и удерживают своих сторонников не в последнюю очередь благодаря разжиганию ненависти против всех, кто не с ними».

«

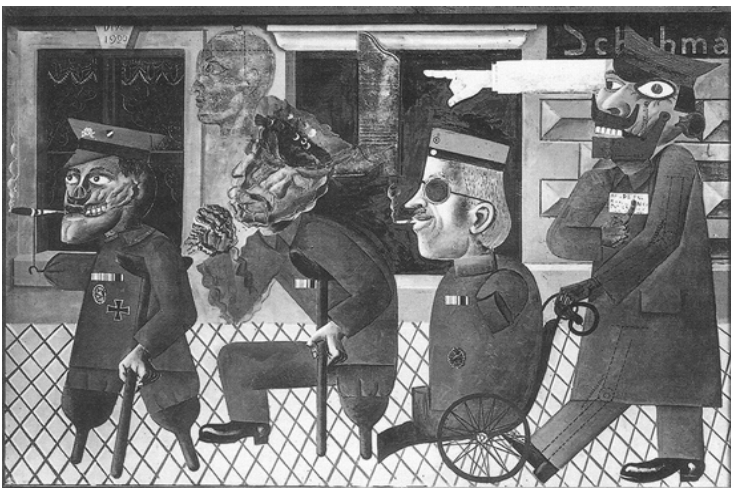
Картины катастроф приносят разрядку в бездействии, и наш худой мир наполнен войной.

»

Момент революции казался моментом выхода из империалистической (то есть капиталистической) логики войны: по формуле Троцкого, «ни мира, ни войны, войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем». Но СССР, претендовавший на то, чтобы шагнуть за горизонт революции, не переступил горизонта войны — Гражданской, Второй мировой, холодной. Идея потенциальной войны всегда оставалась идеологическим стимулом форсирования производства — «будь готов к труду и обороне».

И все же лозунг «Ни мира, ни войны», как и сам Октябрь, был моментом приостановки «нормальной» буржуазной политики с ее бинарной логикой войны и мира. Такая политическая позиция оказалась крайне неустойчивой и даже опасной, и крах ее несомненен, не важно, датировать его Гражданской войной или сталинизмом. И все же эта приостановка сохраняет свою политическую исключительность и ближе всего стоит к эстетической позиции. Искусству часто приписывают магическую способность выпадать из общей логики, детерминирующей движение всех общественных систем. Но если снова переформулировать эту «несводимую» обособленность в категориях детерминизма, то можно сказать, что зависи-

мость искусства от общей логики иногда — но только иногда — может быть не прямо иллюстративной, влекомо-линейной, но находиться в противофазе к силам и системам, значительно превышающим возможности и силы самого искусства. Техника противохода и остановки позволяет подвешивать в неразрешенном состоянии неотложные вопросы, стопоря неумолимый ход событий и мысли, который, как кажется, не оставляет иного варианта, как следовать его ритму. Троцкий, один из наиболее чувствительных к искусству вождей русской революции, незадолго до гибели, в самом начале Второй мировой войны, сблизился с лидером сюрреалистов Андре Бретоном. Вместе они пытались создать не-советскую и не-капиталистическую платформу для возможного объединения художественных сил перед лицом гитлеровской агрессии.

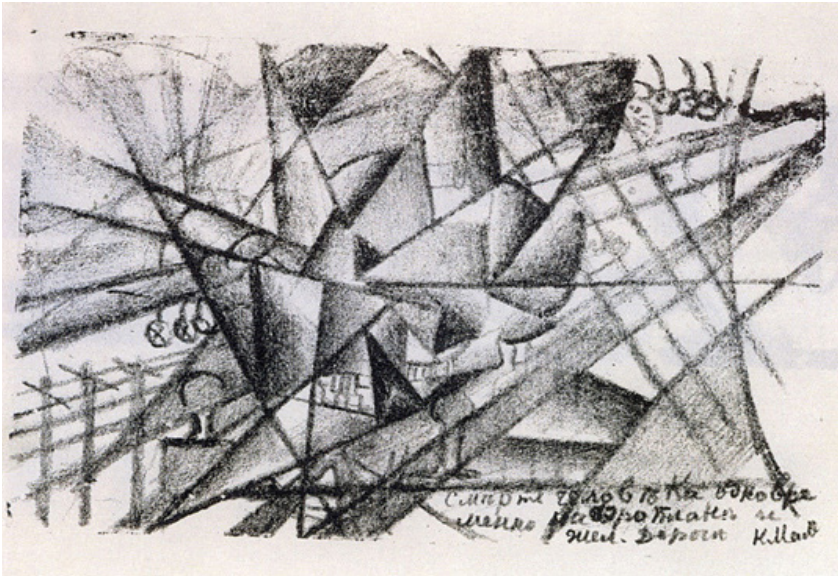
Утраченная картина Отто Дикса «Инвалиды войны» (1920)

Спиной к передовой. Сюрреалисты против бойни

Хуго Балль, один из изобретателей дадаизма, был дезертиром: он бежал в Швейцарию от Первой мировой войны. Несмотря на упоение современностью и техникой, дадаизм и вслед за ним сюрреализм стремились к исходу из детерминистской логики прогресса, разоблачившей себя как логика войны. Принято считать, что военный термин «авангард», обозначающий передовой отряд, прорывающий линию фронта, в художественном контексте означает прорыв линии фронта между искусством и жизнью, настоящим и будущим. В случае дада и сюрреалистов это был скорее не наступательный, а заградительный передовой отряд, отряд дезертиров, забредших на передовую.

Их важнейшей антидетерминистской техникой, противо-

стоящей линейности техник, орудий и траекторий войны, была техника случайности и абсурда: поиски произвольных и загадочных совпадений в словах и образах, автоматическое письмо и рисунок, «объективная случайность» Бретона. Случай не только пацифистски противостоит недиалектической линейности детерминизма, но и выявляет изнанку войны, повторяя пути, которыми война оставляет следы в психическом аппарате.

Казимир Малевич.
Смерть человека
одновременно
на аэроплане
и а железной дороге.
1913

Наблюдение за солдатами Первой мировой, страдавшими посттравматическим синдромом, из-за которого их преследовали повторяющиеся кошмары о войне, заставило Фрейда в статье «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) пересмотреть свои представления об устройстве психического аппарата. Управляющий психикой принцип удовольствия должен был быть подчинен влечению к смерти, проявляющемуся как непреодолимое повторение неразрешимого, мучительного и нелепого в судьбе человека¹. Это повторение Фрейд связал с возвращением психики к травматическому следу, не имеющему никакого смысла и неустраняемому, если попробовать ему смысл этот придать². Случайное, превращающееся в автомати-

¹ «Новый и удивительный факт, который мы хотим теперь описать, состоит в том, что “навязчивое повторение” воспроизводит также и такие переживания из прошлого, которые не содержат никакой возможности удовольствия, которые не могли повлечь за собой удовлетворения даже вытесненных прежде влечений».

² Бесплодной попыткой записать полное великого смысла произведение измощает себя лишившийся на войне ног и обезумевший герой повести Леонида Андреева «Красный смех» (1904).

ческое, встреча следа (индекса) и машины (машины войны), тела и аппарата (например, фотоаппарата) — постоянный мотив работ дадаистов и сюрреалистов: от Марсея Дюшана с его оптическими машинами и Георга Гросса с его буржуа-автоматами до постсюрреалистов вроде Яна Шванкмайера. Вместе с тем статья «По ту сторону принципа удовольствия», написанная под впечатлением от Первой мировой войны, — первый текст, где Фрейд так ясно артикулирует скепсис по отношению к прогрессу³, которому, по Фрейду, противостоит именно повторение случайного и травматического.

«

**Случайные встречи,
разрывающие
«нормальный» порядок,
были для них отблесками
революции.**

»

Пользуясь фрейдовскими идеями о бессознательном, далеко не все сюрреалисты разделяли пессимизм Фрейда в отношении революции. Случайные встречи, аналогии, столкновения, разрывающие «нормальный» (буржуазный, детерминистский, прогрессистский, милитаристский) порядок, были для них отблесками революции. Об этом писал, например, Вальтер Беньямин. Это ему принадлежит радикально антипрогрессистское определение революции как стоп-крана истории — в ответ Марксу, который называл революцию ее локомотивом.

О революции как об исходе из линейной истории фантазировал анархист Казимир Малевич: «Идите и остановите про-

³ «Многим из нас было бы тяжело отказаться от веры в то, что в самом человеке пребывает стремление к усовершенствованию, которое привело его на современную высоту духовного развития и этической сублимации и от которого нужно ожидать, что оно будет содействовать его развитию до сверхчеловека. Но я лично не верю в существование такого внутреннего стремления и не вижу никакого смысла щадить эту приятную иллюзию».

гресс» — так он подписал Хармсу свою книгу «Бог не скинут». Отношение Малевича к развитию техники всегда оставалось двусмысленным. То она одновременно обещала свободу полета и риск катастрофы, как в картине «Авиатор»⁴; то внедрялась в сельский пейзаж, как самолеты и поезда во втором крестьянском цикле; то вела к крушению, но со странным прибавочным смыслом, как на рисунке «Смерть человека одновременно на аэроплане и на железной дороге». На этом рисунке случайный сбой где-то в спутанных, видимо, в результате невиданного ускорения пространственно-временных планах приводит к столкновению самолета и поезда, идущих по двум вообще-то непересекающимся путям: смерть прерывает стремительное движение современного человека, сюрреалистически расщепленного между двумя транспортными магистралями. В конце жизни Малевич говорил, что если бы примыкал на том этапе к какому-то художественному движению, то именно к сюрреалистическому. Он был изначально близок к нему в своей любви к столкновениям и двусмысленностям слов и образов.

Александр Дейнека.
Военные фантазии.
1942

Между Первой мировой (и революцией) и Второй мировой в Советской России была предпринята попытка другого, не дадаистского и не сюрреалистского, выхода из логики роста капитала. Участники производственного движения ЛЕФ (Борис Арватов, Осип Брик, Борис Кушнер, Владимир Маяковский) пытались сформулировать модель конструктивного построе-

⁴ По версии Валерия Турчина.

ния некапиталистической и немилитаристской экономики. Ее принципами должны были стать научный расчет, рационализаторская экономия времени труда, оттачивание мастерства, позволяющего избежать бессмысленных трат психической и физической энергии. Эти принципы как будто воплощают идеал фрейдовской экономической модели психики, предшествующей модели «По ту сторону принципа удовольствия». Это модель, подчиненная принципу удовольствия как принципу гомеостаза — избегания скачков энергии и энергетических эксцессов, происходящих из-за излишков несвязанной, то есть не нашедшей себе применения в недостаточно гармонизированной общественной жизни, психической энергии.

«

**Именно такие эксцессы
пытались минимизировать
производственники:
революция для них была
не стоп-краном, но точно
рассчитанным тормозным
механизмом.**

»

Самоубийство Маяковского стало символическим крахом производственной модели. В популярном мифе об этой трагедии присутствуют два главных оппонента производственничества. С одной стороны, сталинская милитаризация, которая, как предполагают, стала одной из причин кризиса в работе поэта. С другой — сюрреалистический срыв, смертельная драма любви. И милитаризм, и сюрреализм, в отличие от экономического производственничества, отводят важное место разрушительным эксцессам, ужасным разрядам внезапных эскалаций напряжения. Милитаризм придает им лицемерную

форму неизбежного зла на дороге прогресса, в случае сюрреализма они выступают в голом, вызывающе бессмысленном, сексуально-революционном виде. Именно такие эксцессы пытались минимизировать производственники: революция для них была не стоп-краном, но точно рассчитанным тормозным механизмом. Борис Арватов осмысляет произошедшее с точки зрения производственной экономики энергии: Маяковский не мог из поэта стать «лингвоинженером устной речи», точно регулирующим энергетические траты, и именно это привело его к трагическому коллапсу.

«Мухомор».
Рисунок «Гусары
в ротик не берут».
1979

Наступавшая эпоха сталинизма, вопреки установкам Арватова, уже не собиралась экономить энергию работника. Вместо этого она требовала окончательной самоотдачи, полной мобилизации жизненного ресурса во имя ударного прогресса. Как и милитаризм Первой мировой в дадаизме, сталинский милитаризм в некоторых точках срывался в темный сюрреалистский модернизм. В жутких военных рисунках Дейнека перефразировал иконографию своих же жизнерадостных работ 1930-х годов (полет, игра в мяч, спортивное тело), давая им противоположный смысл: череп вместо мяча, падение вместо полета, скелет с обвисшими грудями вместо упругой плоти. Огромная энергия, затребованная у народа для милитаризации, запускает макабрические фантазии в отдельном психическом аппарате. Даже социалистический реализм вдруг начинает говорить о них на языке сюрреализма, в предельных координатах секса и смерти, обозначенных Фрейдом.

Уклонизм и покорность. «Мухоморы» против призыва
Секс и смерть — также координаты, в которых создаются дем-

бельские альбомы с их «военными фантазиями» (так называется рисунок Дейнеки с грудастыми медсестрами-скелетами). Секс — то, что обещано дембелю после возвращения домой, смерть — то, чему он служит в армии. Именно в статье «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд, впечатленный войной, высказывает идею, что смерть как неизбежный финал жизни отдельного организма возникла в эволюции вместе с половым размножением, и предлагает разделить влечения на два типа. Сексуальные — выводящие отдельную особь за пределы задач поддержания ее единичного существования в логику рода; и влечения «я», которые, казалось бы, служа самосохранению, в реальности подчинены влечению к смерти и лишь обходными путями ведут особь к конечной цели — умиранию⁵.

«Мухомор».
Расстрел. 1979

Жизнь, зажата между сексом и смертью под гнетом милитаризации, — постоянная тема работ группы «Мухомор». В своей графике ее участники подражают то дембельским альбомам, то подростково-непристойным рисункам старшеклассников, где порнография сплетена с войнушкой перед лицом реальной перспективы оказаться в армии. Это и случилось с «мухоморами» в 1984-м, когда их забрили в наказание за контркультурную деятельность. Один из «мухоморов», Свен Гундлах, не отступая от выработанной «мухоморами» эстетики, оформил множество воинских красных уголков на Камчатке, где он служил. Хотя как раз на период активности «мухоморов» прилась война в Афганистане, их шутовской антимилита-

⁵ «Сторожа жизни» были первоначально слугами смерти».

ризм не похож на идейный пацифизм, направленный против конкретного конфликта. Скорее он связан с массовой воинской повинностью, фоновой мобилизацией застоя — ну или стабильности.

«

Секс — то, что обещано дембелю после возвращения домой, смерть — то, чему он служит в армии.

»

Но стабильность требует напряжения, а напряжение требует разрядки. Так устроен, по Фрейду, принцип удовольствия. Стремление к разрядке — попасть наконец в вечно грозящую армию, подчиниться наконец воле государства — стоит на службе у влечения к смерти. Эта логика буквально реализована в акции «мухоморов» «Расстрел» (1979). Одетые в военную форму организаторы зачитывают обвинение приглашенным в лес участникам акции. Желающих быть наказанными просят выйти вперед. В качестве наказания предлагается расстрел. Желающих оказывается слишком много, приходится даже бросить жребий. Тут в игровой форме «мухоморы» провоцируют желание разрядки, которая заключается в достижении смерти кратчайшим путем. Как радикальная экономия зрительской энергии, этот способ показался участникам очевидно соблазнительным. За год до «Расстрела» на экраны вышел фильм Вадима Абдрашитова «Поворот», где герой, сбивший насмерть человека, вначале уклоняется от наказания, но затем начинает желать поскорее оказаться в тюрьме, чтобы разрешить мучительное напряжение и неопределенность. Возможно, стремление убедиться, что свободы не существует, и обрести покой в подчинении аппарату мобилизации свойственно именно периодам «стабильности».

В отличие от сюрреализмов, использовавших принципы травмирующих машин войны, «мухоморы» заимствуют

формы массовой военной подготовки и занятий по гражданской обороне. Сенсорная депривация в их акции «Лекция о вреде нейтронной бомбы» (1982) похожа на военные эксперименты после Второй мировой; в ней милитаристские опыты над людьми скрещены с восприятием конфликтов эпохи «диванных войн», когда зритель созерцает конфликты, идущие где-то очень далеко, по телевизору. Половина зрителей на акции была лишена способности видеть, половина — способности слышать. Невидящие четырежды прослушали лекцию о вреде нейтронной бомбы и химического оружия, причем с каждым разом лектор читал все тише. Неслышащие смотрели слайд-шоу с экзотическими пейзажами, пока проекция не была покрашена остро пахнущей нитрокраской, «нанесшей удар» по обонянию присутствующих.

«

Убедиться, что свободы не существует.

»

Изошренная концептуалистская деконструкция, разбирающая аппарат военной пропаганды и подготовки на чувственном уровне непосредственного, почти детского, восприятия, напоминает расщепление в двух планах, показанное у Малевича в «Смерти человека одновременно на аэроплане и на железной дороге». Как и там, в невозможном пересечении двух параллельных транспортных путей, у «мухоморов» тоже происходит расщепление чувственного восприятия субъекта, на которое осуществляется странная атака, разведенная на два плана. Зрение и слух угасают, как будто в момент умирания, последним ярким ощущением перед затуханием всех чувств оказывается острый запах химического оружия. Выделенные и обостренные каналы восприятия оказываются ненужными. Демобилизующий эффект этой акции — шутка бездельников-уклонистов. Их военная непригодность вторит гражданской нетрудоспособности. Тунеядцы, косящие от армии, уклоняются от движения прогресса, показавшего свою рутинную милитаристскую изнанку. В отличие от художников 1920—1930-х го-

дов или оттепели, художники эпохи застоя уже не видели в нем никакого мобилизующего обаяния.

Дистанционная война, эпидемия, постактивизм.

Феликс Гонзалес-Торрес

Ноябрь 1991 года, месяц, когда была впервые выставлена работа Феликса Гонзалес-Торреса «Портрет Росса в Л.А.», был месяцем, когда от осложнений, связанных со СПИДом, умер Фредди Меркьюри, а звезда «Лос-Анджелес Лейкерс» Мэджик Джонсон публично объявил о том, что он ВИЧ-позитивен. В этом же году возглавляемые США силы коалиции нанесли удар по Ираку, ставший на тот момент самой интенсивной авиабомбардировкой в истории и самой освещаемой по телевидению военной кампанией. Важнейшей военной инновацией в этой войне было активное использование F-117 *Nighthawk* с максимальной скоростью 1000 км/ч — малозаметного самолета, первого, как считается, ставшего невидимым для радаров.

«Мухомор».
Лекция о вреде
нейтронной бомбы.
1983

Цветные конфеты, насыпанные горой на столе в офисе галереи, не так просто объяснить исходя из совпадения событий в области искусства, поп-культуры, медиа, военной истории и истории техники на одной исторической шкале. На фотографиях с той выставки Торреса не видно никаких экспликаций, разъясняющих значение работ, — это типичный меланхолический уайт-кьюб без следа печатного текста. Все выглядит как постминимализм, озабоченный чистым опытом восприятия тел в пространстве. Но мы отлично знаем — и это знание является эффектом позднейшей рецепции Торреса, — что Росс Лэйкок,

его любовник, чей аллегорический портрет представляет собой куча конфет, умер от СПИДа ранее в том же 1991 году. Вероятно, на той, первой, выставке это знание должно было быть буквально обретоно из ниоткуда. Взаимодействие с «Портретом Росса» не сводится к тому, чтобы забрать домой съедобный сувенир. Заставить зрителя «взаимодействовать» значит заставить его совершить усилие по выяснению смысла работы из внешних источников, тогда как в замкнутом пространстве искусства непосредственные ключи к ее пониманию отсутствуют. Вынести конфету наружу значит найти внешнее значение искусства, не нарушив формальных конвенций его восприятия.

Феликс Гонзалес-Торрес.
Без названия.
(Портрет Росса в Л.А.)
19915

Акт фиксации события на исторической шкале-таймлайне можно назвать главным принципом медиатеории, которая помещает в одну последовательность военные, медиа- и визуальные разработки, чтобы выявить совпадения и взаимообусловленности, которые иначе остались бы скрытыми. Это проливает свет на то, что инновации в визуальных и медиатехнологиях и в мировосприятии являются эффектом развития военных технологий. В каком-то смысле эта методология схожа с тем, что делает «Портрет Росса»: медирующий гиперобъект — будь то автобан, волшебный фонарь, оптоволокно, как у Киттлера, либо сосательные конфеты, как у Торреса, — соотносится с внешними контекстами, которые разъясняют его значение. Но сверхдетерминизм военного фактора подчиняет себе все остальные обстоятельства, закабальет причинность человеческой жизни и не дает возможности найти на этой шкале место для такого единичного события, каким является смерть человека для его близкого.

Еще в 1980-х Гонзалес-Торрес входил в коллектив *Group*

Material («Групповой материал»), который первым начал применять таймлайн как свой основной художественный медиум. Одним из первых таймлайнов *Group Material* была «Хроника вторжения США в Центральную и Латинскую Америку» (1984), прослеживавшая развитие эпизода внешней агрессии Соединенных Штатов Америки, организованного в рамках противоповстанческой доктрины, восстанавливающей «легитимную власть» после переворота. Но самым их известным таймлайном стал «Таймлайн СПИДа» 1989 года — политическая хроника распространяющейся эпидемии и борьбы за ее признание государством, в которой заметную роль играло художественное сообщество. В 1991 году, когда впервые был показан «Портрет Росса», «Таймлайн СПИДа» был снова экспонирован в рамках Биеннале Уитни. Каминг-аут Мэджика и смерть звезды масштаба Фредди Меркьюри в том же году переводили до того маргинализованную дискуссию на уровень масс-медиа. Так что практика Гонзалес-Торреса, хотя изначально и происходила от художественного СПИД-активизма, не могла быть сведена только к нему. Ее смысл был теперь не в информировании общества, но скорее в аллегоризации смерти и вынесении знания о происходящем за скобки. Это была своего рода инволюция медиаактивизма. *Group Material* или *Grand Fury* использовали связи художественных институций с быстрыми масс-медиа-каналами. Предназначенная для пустынного уайт-кьюба и лишенная экспликаций работа Гонзалес-Торреса, казалось, напротив, замедляла передачу информации. В том числе на уровне медленного таяния конфеты во рту. Тело Росса — идеальное, как описывает его Торрес в своих интервью, и также задающее идеальный совокупный вес цветных конфет (175 фунтов) — в восприятии общества было источником заразы.

Болезнь, как и эпидемия, сама по себе есть медиум, и достаточно быстрый; также и тело ее носителя. Так что кормить изначально ничего не подозревающего зрителя такого рода конфетами было жестокой шуткой. В одном из своих интервью Торрес говорит: «Какому-нибудь гомофобному сенатору будет очень трудно доказать, что моя работа гомоэротична или порнографична. Но если бы мне пришлось в голову делать перформансы с ВИЧ-положительной кровью — этого-то ему и надо... Некоторые мои работы эффективны, поскольку более опасны.. Работы, которые выглядят как что-то, чем не являются... Нам нужна дистанция, чтобы обдумать и переварить то, что мы видим». Зная о паранойе, которую вызывает идея СПИДа, художник сделал

конфеты субстанцией, изображающей не только идеальное тело любовника, истощаемое болезнью, но также и его зараженную СПИДом кровь — злорадная шпилька в адрес христианских консерваторов и в таинство причастия.

Куча конфет — это аллегория, поскольку она создает дистанцию между тем, что дано в виде объекта, и тем, что известно как его смысл. Отсюда пустота галерейных стен, очищенных от всех объясняющих знаков. Активистское использование таймлайна (со всеми текстовыми и визуальными фактами, доводами и хронологической последовательностью, буквально *ведущей* к выводам) вкладывает информацию в сознание, не предоставляя дистанции для переваривания, о которой говорил Торрес. В то же время работа буквальна, как медиум, подсоединяющийся непосредственно к телу и распространяющий свое сообщение через него. Переносный смысл истончается по мере реального таяния конфеты на языке: «Нам нужна дистанция, чтобы обдумать и переварить то, что мы видим».

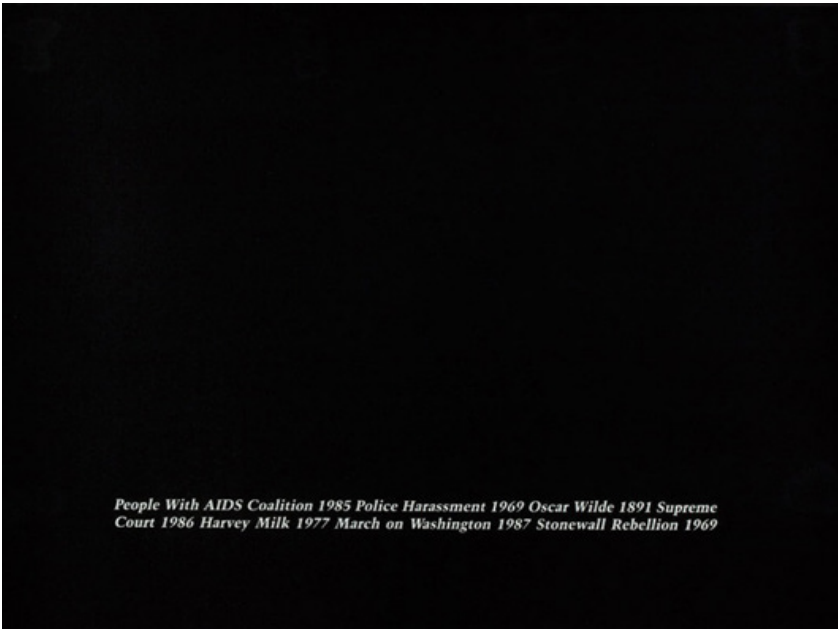
«

Болезнь, как и эпидемия, сама по себе есть медиум, и достаточно быстрый.

»

Медиатеория — особенно в версии Вирильо, который преимущественно занят изменениями в восприятии, вызванными ускорением техники и инфраструктур в капитализме, — строится не только на детерминизме взаимообусловленных фактов временной шкалы, но также на сравнительном измерении скоростей. Она заставляет нас поместить на одном и том же спидометре скорость таяния конфеты, скорость невидимого полета истребителя F-117 и скорость невидимого распространения эпидемии СПИДа, а также скорость телесигнала и охват аудитории во время эфира, в котором Мэдрик заявил о своей ВИЧ-позитивности. Там же должны быть отмечены посещаемость Музея Уитни в 1991-м и галереи *Lurig Augustine*, а также средняя продолжительность жизни человека, больного ВИЧ,

получающего и не получающего лечение. И, конечно, должно быть оценено количество времени, которое уйдет у правительства на то, чтобы перестать отрицать эпидемию и начать финансировать соответствующие здравоохранительные программы. Возможно, это будет результатом активистской и художественной кампании, возможно, осознанием того, что болезнь — это угроза госбезопасности, эпидемия, распространение которой не одолеть морализаторством. Этот последний факт может быть поставлен на одну шкалу с эпизодами внешней политики государства, которое имеет амбицию совершать военные интервенции и не заинтересовано во внутренней эпидемии, как бы она ни была питательна для консерваторов, кормящихся осуждением гомосексуальности и современного искусства.

Феликс Гонзалес-Торрес.
Без названия. 1989

Но все это было бы слишком иллюстративно. Как самостоятельный художник, Гонзалес-Торрес изобрел личный вариант таймлайна. Хотя смерть любимого прямо относится к бездействию правительства в отношении эпидемии, этот внешний контекст не способен выразить единственность этой смерти. Отмеченное на «активистском» таймлайне, это событие, даже будучи выделенным, остается статистикой. Так что таймлайны Торреса — это череда записанных фактов, не отделенных друг от друга никакой пунктуацией, не имеющих хронологической последовательности чтения, следовательно, не подразумевающих никакого прогресса. События публичной и личной жизни,

политики и поп-культуры перемешаны без объяснений. Встреча выпускников 1987 Уотергейт 1972 Росс 1984 Оскар Уайльд 1895. Таймлайны Торреса доделывают работу пессимистического просвещения, которую выполняет медиатеория: они решают проблему соотношения внутренних и внешних событий, не сводя отдельное человеческое существование к могущественной и десубъективирующей логике биополитики и войны. Для Торреса война не локализовалась в милитаристской машине, как в случае сюрреалистов, и не нависла над повседневностью в виде угрозы армейского призыва, как у «мухоморов»; она идет далеко, но одновременно расплывлена повсюду. Дистанция замедленного осмысления в работах Торреса аналогична дистанции меланхолического взгляда, направленного из Америки на войну, ведущуюся где-то за океаном.

«

Слабое торможение против жизни, бодро несущейся к очередной катастрофе.

»

Чем дальше от породивших его событий, тем чаще знаменитый «Портрет Росса» интерпретируется в прекраснодушно-оптимистическом ключе — как метафора бессмертной любви, поддерживаемой благодаря интерактивному подключению зрителя и активности музея, восполняющего запас конфет. Вместе с тем отступление Торреса от в общем-то победившей тогда линии активистского требования говорит о другом. Да и сам Торрес свидетельствует, что после смерти Росса ел снотворное горстями, «как конфеты». Угасание энергии в искусстве, идущее против полезных скоростей ВИЧ-медиаактивизма, которые на том этапе уже были подхвачены не заинтересованным в трате человеческого ресурса государством, — вероятно, то самое слабое торможение против жизни, бодро несущейся к очередной катастрофе, в субъективном противоходе которой иногда только и можно измерить цену скорости, роста и расширения.

Автобаны: для гонщиков и для пушечного мяса

La Voie Sacrée
под Верденом в 1916

*Фридрих Киттлер — о том,
что история дорог, ставших гордостью
Германии и Лос-Анджелеса, неотделима
от истории мировых войн*

*«Разногласия» публикуют статью теоретика и историка
медиа Фридриха Киттлера, впервые опубликованную
в 1984 году. На русский язык текст Киттлера перевела
Александра Новоженова.*

Трагедия, как мы все знаем, началась на перепутье трех дорог со случайного столкновения запряженной мулом повозки и пешехода — тирана по имени Лай и его неузнанного сына¹. Ее можно было бы избежать, если бы Дельфы и Коринф были соединены снабженным разделительной полосой автобаном без перекрестков. Вот поэтому Хайнер Мюллер и не Софокл, а все его публицистические ламентации об исчезновении

¹ Киттлер пересказывает сюжет «Царя Эдипа» Софокла.

драматических встреч бьют совершенно мимо цели. Там, где бог случая (чьи гермы когда-то освящали собой каждый греческий перекресток) уходит со сцены, начинают править прямые шоссе и их кентавры. Больше никакой драмы, только движение танков от Вердена до Волоколамска и дальше: «И даже если на земле сожженной / Пустые танки истребят друг друга»².

В конце романа «Радуга тяготения» вас, читателя романа, настигает последний выпуск новостей ПНС Лос-Анджелес. За секунды до того, как первая или последняя ракета V-2 взрывается над Лос-Анджелесом, «Фольксваген» Управляющего уносит вас по шоссе Санта-Моника, «шоссе для шизиков», шоссе, которое «по своему обыкновению, предстает сценой всех автоглупостей, известных человечеству» (Пинчон: 1987).

По встречной полосе «мусоровозы дружно направляются на север, к шоссе Вентура». В центре ЛА вы попадаете во все более плотный трафик. Когда вы движетесь по шоссе Голливуд, вас опережают «таинственная крытая фура и жидководородный танкер» — как раз такие конвои и моторакетные части отправлял по автобанам генерал-лейтенант войск СС Ганс Каммлер между сентябрем 1944-го и мартом 1945-го. И когда электрический детонатор, придуманный самим Гитлером, срабатывает в ракете, несущейся на ЛА, на одну миллисекунду в ослепительной вспышке ее разрывающегося заряда вы видите, что они такое — все шоссе и *рейхсавтобаны* этого мира...

Но остается вопрос, кто же придумал «автоглупость» под названием «автобан». Как это часто бывает с изобретениями, существует две версии. Первая — влиятельная и распространенная, другая — забытый военный эпизод. Про автобаны, «дороги Адольфа Гитлера», говорят, что с самого начала они были чисто немецким изобретением. Вот поэтому в их историографии, в составлении которой совсем не случайно ведущую роль играл бывший пресс-секретарь *NAFRABA*³, стерты любые следы иностранных влияний. Эту официальную версию можно изложить в двух словах. В том невообразимом прошлом, когда парками автомобилей располагали только высшие руководители и крупнейшие корпорации, некоторые высокопоставленные автовладельцы были недовольны шумом

² Хайнер Мюллер. Волоколамское шоссе. 1987. Пер. Э. Венгеровой.

³ Акроним *NAFRABA* изначально расшифровывался как «Гамбург—Франкфурт—Базель», название ассоциации, основанной в 1926 году для подготовки строительства автодорог, соединяющих эти города. *НА*, означающее *Hansestädte* («ганзейские города»), добавилось позже, чтобы включить Бремен и Любек.

и пылью тогдашних дорог. Если верить последнему кронпринцу Пруссии, эта пыль помешала установлению новых рекордов на Гамбургских автогонках 1904 года и, таким образом, заставила задуматься о предпочтительности цементного покрытия.

«

Больше никакой драмы, только движение танков от Вердена до Волоколамска и дальше.

»

Обилие шума и грязи, вспоминает гонщик Манфред фон Браухич, угрожало тем гонщикам, которые «осмеливались идти до конца и в полной мере использовать возможности двигателя». В городе им приходилось считаться с пешеходами, велосипедистами, повозками и экипажами; в сельской местности — с груженными сеном телегами, ребятишками, скотом и бегущей на свободе домашней птицей. Вне сомнения, неприемлемые условия, устранение которых стало предметом соглашения между императором и его наследником. Пока Вильгельм II, настоящий технофрик своего времени, продолжал заниматься масштабными проектами и общими исследованиями вроде судостроительной программы Альфреда фон Тирпица и военного телеграфа, которые он обсуждал со своими главными инженерами на прогулках по лесам бранденбургского Шорфхайде или за обедом в своем охотничьем замке Губертусшток, кронпринц Вильгельм получил дозволение и далее предаваться увлечению гонками, в котором он уже достиг больших успехов в Индианаполисе и Лос-Анджелесе.

И так это продолжалось до 1907 года, когда поступило «высочайшее» распоряжение построить дорогу с покрытием, рассчитанную на встречное движение. Два года спустя члены спортивного и финансового мира Берлина учредили администрацию *Automobil-Verkehrs und Übungsstraße* (автомобильного и железных дорог), больше известную под аббревиатурой

AVUS. Десять километров между Шарлоттенбургом и Ванзее, или дорога будущего: только для машин, без перекрестков, но с эстакадными развязками, трибунами для спортивных событий и (не стоит забывать) с двумя полосами, разделенными разделительной полосой.

Сложно представить, с чем должны были мириться люди. От запряженных мулами повозок, от булыжника до асфальта — тысячелетия пешей ходьбы, езды на лошадях и автовождения по всевозможным дорогам и путям, и все это без всяких разделительных полос или разметок. Пока преобладали случайные встречи, Гермес, бог дорог, сохранял свою власть над бульварами и публичными пляжами. Именно автобан наконец избавил *Verkehr*⁴ (и действие, и объект) от его непристойной двусмысленности, которая задолго до Фрейда породила множество шуток. Если быть точными, правостороннее движение было учреждено наполеоновским декретом, являясь совокупным эффектом пехотных войск и национальной дорожной системы, но сами по себе законы не могут гарантировать, что никто

⁴ По-немецки *Verkehr* означает и «дорожное движение», и «(сексуальное) совокупление».

ни в кого не врежется на дороге. Именно разделительная полоса автобанов раз и навсегда разделяет две струи, два потока, которые идут друг мимо друга и растворяются каждый в своем горизонте. Ванзее и Шарлоттенбург...

Тем печальнее в таком случае, что инициатор этой автоглупости так никогда и не смог осуществить свою фантазию.

«

**Когда детонатор,
придуманый самим Гитлером,
срабатывает в ракете, несущейся
на ЛА, на одну миллисекунду
в ослепительной вспышке
ее разрывающегося заряда
вы видите, что они такое —
все шоссе и рейхсавтобаны
этого мира.**

»

Только в своем воображении кронпринц в изгнании смог проехать по *AVUS* без пыльных облаков и встречных помех. Мировая война, первая из двух, прервала сооружение этого шоссе. Финансируемый Уго Штиннесом и построенный с помощью новых бетономешалок, *AVUS* был закончен только к 1921 году — как прогулочная трасса для джентльменов-автолюбителей. Последние, хотя и демократизировались, не выросли в числе. В любом случае бесконечные пробки, в которых машины тащатся бампер за бампером днем, огни за огнями ночью, — не немецкое изобретение. Чтобы превратить водителей-джентльменов в ответственных водителей-граждан (персонажей XX века), нужны были большие ресурсы, чем хобби Гогенцоллер-

нов. Машина как средство массового передвижения возникла во времена, когда неоконченный *AVUS* зарастал сорняками: в Первую мировую войну. Это стратегический секрет, тщательно оберегаемый героическим эпосом германского дорожного строительства. Сентябрь 1914-го: антропософский член Центрального военного управления больше, чем Плану Шлиффена,

Немецкие
военнопленные
на автобане в 1945

верит тем, кто приносит дурные вести. Вместо того чтобы просто соединить передовую телеграфным сообщением, Гельмут фон Мольтке Младший посылает на Марну оснащенного автомобилем лейтенанта Рихарда Хентча. Хентч, глава разведывательного управления Центрального штаба, шлет донесения о широко открытых фронтах и французских атаках. Да, только тонкая линия кавалерийских войск (чье тяжелое радиооборудование находится под командованием не кого иного, как известного капитана Гудериана) соединяет разрыв между Первой армией фон Клюка и Второй армией фон Бюлова. И да, генерал Галлиени, военный комендант Парижа, отдает приказ всем городским такси возить его 62-ю пехотную дивизию на фронт в Нантёй. Но пророческие импровизации в форме первой в истории моторизованной дивизии не решают исхода битв — для этого нужен ничего не замечающий джентльмен-автолюбитель Хентч. Так случилось чудо при Марне.

Февраль 1916-го: армии уже давно окопались и похоронили План Шлиффена. Окопная война от Ипра до Бельфора.

Преемником незадачливого Мольтке Младшего становится Фалькенхайн, который стоит перед своим ящиком с песком (нововведением, первоначально придуманным военными друзьями Генриха фон Клейста) и взвешивает ситуацию. С самой битвы на Марне о прорывах и окружениях, как и о полных победах, не идет и речи. Клаузевиц вышел из употребления.

«

Пыль помешала установлению новых рекордов на Гамбургских автогонках 1904 года.

»

Но что, если французов можно обескровить, применив «насос»? Вынудить их вступить в битву там, куда немцам не нужно будет доставлять боеприпасы и оборудование? Направив свой картографирующий взгляд на линию фронта, Фалькенхайн определяет единственно возможную точку: цепь укреплений под названием Верден. Даже у проваленного Плана Шлиффена есть свои преимущества: оказавшись в центре перехода вправо, предпринятого немцами в 1914-м, Верден отрезан от французских территорий, с которыми его соединяет только одна железнодорожная ветка. (В следующую мировую войну германское командование отметит, что спланированное продвижение к Уральским горам восьми танковых и четырех пехотных дивизий «по сути определяется авто- и железнодорожным сообщением».)

И Фалькенхайн начинает действовать. Кронпринцу Вильгельму, стоящему во главе Пятой армии, отдан приказ атаковать 12 февраля 1916 года. Именно ему, страстному гонщику, выпадает запустить фалькенхайновскую «мясорубку». Но из-за собственных транспортных проблем немцы вынуждены отложить начало артиллерийского обстрела, что дает французам принципиальный временной задел — и возможность войти в историю мирового автодвижения. 19 февраля немецкие

перебежчики сообщают новую дату планируемого нападения. Генерал Рагуно и майор Думанк, глава военной автомобильной службы, очевидно, понимают тяжесть ситуации. Она сводится к простой проблеме обеспечения надежного снабжения фронта. Как только немцы перережут железнодорожное сообщение, Верден будет зависеть от последней пуповины — *route nationale* (национальной дороги) на Бар-ле-Дюк. Сорок пять наполеоновских километров решают судьбу Франции. Но Дирекция автомобильных служб не считает это причиной для отчаяния. Еще до того, как германские войска открыли огонь в 7 утра 21 февраля, Думанк превратил старомодную *Route nationale 109* в автобан. Бар-ле-Дюк становится штаб-квартирой Автомобильной регулировочной комиссии (*CRA*), которая выгоняет всех пешеходов, велосипедистов и запряженные лошадьми повозки на грязные сельские дороги и расчищает *RN 109* исключительно для движения грузовиков. Двусмысленному дорожному движению Европы приходит конец.

La Voie Sacrée
под Верденом в 1916

Лакан объясняет уринальную сегрегацию западного человека, рассказывая историю о маленьком мальчике и девочке, брате и сестре, которые сидят друг напротив друга в купе поезда и смотрят «на проплывающие мимо станционные платформы, пока поезд не останавливается. “Смотри, — говорит мальчик, — мы в женском”. “Дурак! — отвечает его сестра. — Ты что, не видишь, мы в мужском”» [*Ecrits...*] И поскольку, по Лакану, рельсы «материализуют черту соссюрковского алгоритма», им даже не нужно присутствовать материально. Пока путей два, даже железнодорожная ветка, уничтоженная немецкими ударными войсками, может стать моделью автомобильной сегрегации.

Майор Думанк отдает приказ использовать *Route nationale* 109 как железную дорогу с двумя путями. То, как поезда разъезжаются друг с другом с 1830 года, становится автодорожным стандартом в 1916-м. С этих пор импровизированный разделитель разводит вход и выход современных крупномасштабных сражений. За семь месяцев нужно было вывезти и заменить 350 000 убитых. Колеса мчат к победе: по правой стороне — пушечное мясо из Бар-ле-Дюка в Верден, по левой стороне — жертв пушек из Вердена в Бар-ле-Дюк. «Две нескончаемые цепи», по словам Думанка, но цепи, нигде не соприкасающиеся. Случайные столкновения грузовиков и повозок уже нанесли немало ущерба, столкновение грузовиков с пушечным мясом и конвоя, везущего трупы, привело бы к катастрофам и мятежам. В военном смысле разделительная полоса — это санитарный кордон (*cordon sanitaire*), который может быть устранен только в чрезвычайных ситуациях, когда шоссе нужно расширить до двух полос.

«

Столкновение грузовиков с пушечным мясом и конвоя, везущего трупы, привело бы к катастрофам и мятежам.

»

Даже если «насос» Фалькенхайна уже сам по себе не был бы «декларацией бессилия, капитуляцией действующего командования перед лицом статичной войны», он все равно был бы побежден двухполосным автонасосом Думанка. Верден держится семь месяцев, затем окровавленная армия кронпринца капитулирует. Семиугольник, образованный верденскими крепостями, умудряется отстоять полностью открытую немцам сторону, потому что каждый день 13 600 грузовиков (или один грузовик в шесть секунд) поддерживают непрерывное сообщение. «*C'est la route qui mène la bataille*»⁵, — отмечает ре-

⁵ «Эта дорога командовала битвой» (фр.).

гулировочная комиссия и жалуется этому импровизированному автобану самое гордое имя, какое только выдумали империи со времен Рима: *La Voie sacrée — via sacra*⁶.

Collection des cahiers de la victoire («Собрание победных записок»), периодическое издание, печатавшее памфлеты французской военной пропаганды, посвящает *Voie sacrée* целый одноименный выпуск. Автобан, едва появившись, входит в литературу. Задолго до Тайрона Слотропа и Томаса Пинчона солдаты (почти нейтральных) Соединенных Штатов, попав в Европу, отмечают, что Старый Свет изобретает будущее.

Американские военные на немецком автобане в 1945

Аноним *GI*, свидетель Вердена, на страницах *Cahiers de la victoire* восторженно описывает, на что была похожа ночь от *AVUS* до шоссе Санта-Моника, от Шарлоттенбурга до Калифорнии: фары за фарами, светящаяся лента, растянувшаяся по холмам и долинам Аргоны, «как гигантский светящийся змей».

«Оборона Вердена стала зависеть от движения по *Voie sacrée*. И так от начала до окончания битвы свежая кровь текла по почти перерезанной артерии французского фронта, поддерживая в нем жизнь». Никакой американский военный турист не выразился бы поэтичнее, но на самом деле это слова капитана Гудериана. По иронии истории Гудериан, офицер-шифровальщик (и, следовательно, один из любимых сынов Шлиффена), всегда находился в гуще событий: в 1914-м при Марне и в 1916-м при Вердене. Он оставался в гуще даже после того, как Версальский договор оставил рейху армию численностью

⁶ «Эта дорога командовала битвой» (фр.).

всего лишь в сто тысяч человек без единого подвижного военного средства. Это было, однако, недооценкой изобретательности прусских офицеров. Уже зимой 1923—1924 гг. Гудериан и будущий главнокомандующий сухопутными войсками немецкой армии Вальтер фон Браухич (не путать с его племянником-автогонщиком Манфредом) устраивают маневры по блицкригу, в которых танковые части представляли собой в высшей степени поэтическую шутку — служебные автомобили с приклеенными картонными танковыми башнями. Как вспоминал Ганс фон Сект, глава германского Генштаба в период Веймарской республики, «моторизация армии была одним из важнейших вопросов». Неудивительно в таком случае, что тот же самый Гудериан пишет первый текст про автобан. Январский выпуск *Militärwochenblatt*⁷ за 1925 год в рубрике «военные средства передвижения» содержит его эпохальное эссе «Линия жизни Вердена». В то время как одинокий автор «*Mein Kampf*» может еще только мечтать об автобане, Гудериан ясно усвоил урок Думанка: с 1916 года гигантские змеи из света и металла — наши линии жизни.

«

Сорок пять наполеоновских километров решают судьбу Франции.

»

Короче говоря, учишься у своих врагов. Тактика мировой войны X становится стратегией мировой войны X+1. Танки, применявшиеся британцами в 1917-м при Камбре исключительно для поддержки пехоты и в 1940-м все еще использовавшиеся только тактически в армиях союзников (с заметным исключением в лице де Голля), Гудерианом были превращены в решающее оружие.

«Задействованные верховным командованием в необычных количествах и на необычной глубине на широком фрон-

⁷ «Военный еженедельник» (нем.).

те», независимо действующие танковые дивизии возглавляют блицкриг. Автобан, чисто оборонительная мера при Вердене, не разрабатываемая в послевоенной Европе (за исключением итальянского доктора Пуричелли, который, однако, не использовал двустороннее движение с четко разделенными полосами), превращается Гитлером в линию жизни Третьего рейха. (Только одна из десяти гудериановских танковых дивизий — это уже 10 километров.)

Автобаны
Лос-Анджелеса

Два творца впервые встретились на Берлинской автомобильной выставке 1933 года. В своих мемуарах Гудериан вспоминает, что для канцлера Германии было необычно лично открывать выставку. И то, что он имел сказать, резко контрастировало с обычными речами министров и канцлеров по таким случаям. Он объявил об отмене налога на автомобили и говорил о новых национальных дорогах, которые скоро будут построены, и о *Volkswagen*, дешевом «народном автомобиле», который должен был быть поставлен на массовое производство (1952:28).

Сказано — сделано. Рейх пережил опыт, который даже трезвые историки экономики школы Кучински могут описать лишь термином «психоз моторизации». Объем движения 1932 года, составлявший всего 522 943 автомобиля и 162 073 грузовика, конечно, не требовал никакого автобана, но, как выразился Гитлер, «как лошадь с телегой когда-то проложили путь железной дороге и железная дорога выстроила необходимые ей

пути, так автодвижение должно получить необходимую дорожную систему».

Таким образом, движение 1933 года уже было приведено в движение. Оно пробудило у людей желание получить водительские права — по-немецки *Führerschein*. А фюрер обеспечил им исполнение их желаний — как танковым командирам (*Panzerführer*) на автобане.

«

**Именно разделительная
полоса автобанов
раз и навсегда разделяет два
потока, которые идут друг
мимо друга и растворяются
каждый в своем горизонте.**

»

Короткая история, опубликованная главным штабом Седьмой армии, может послужить маленьким примером: в последние дни блицкрига 1940 года против Франции два немецких солдата вошли для рекогносцировки в деревню Си. Они обнаружили «один, два, три, четыре — пятнадцать мотоциклов, пять из них оборудованы люльками. Целый сигнальный эскадрон», чьи «водители, должно быть, бежали от нашей артиллерии». «Одно было ясно: мотоциклы надо было забирать с собой». Пока рядовой А ходил за подмогой, рядовой Б «ревниво» осматривал средства передвижения. Он «не много знал о мотоциклах», только изредка он «видел мотоциклистов и джентльменов-водителей из командования». Но война — время исполнения желаний, в особенности для тех, у кого нет прав. Рядовой А возвращается со специалистом по мотоциклам. «Вдруг послышался звук приближающегося мотора. Все

спрятались в укрытие» — только чтобы увидеть, как рядовой Б подъезжает к месту на полном ходу, с визгом тормозит и рапортует начальству: «Си очищен от неприятеля!». Короткая история, в которой надо только заменить деревенские дороги на автобаны, а мотоциклы на машины, чтобы получилась песня *Kraftwerk*⁸.

«

Автобан и есть эстетика.

»

Ведь автобан и есть эстетика. «Для моторизованного движения, — отмечает государственное издание *Bauten der Bewegung* («Дорожное строительство»), — рейхсавтобан воистину представляет собой артерию: это не только инородное тело в пейзаже, но и его гармоничная часть». Не самый обсуждаемый резон: в отличие от *autostradas* и *autoroutes*, автобан избегает слишком сильного заглупления, которое «отделит его от пейзажа». По словам Фрица Тодта и его многолетних армейских источников, «автобан не должен превратиться в мышеловку, из которой не смогут выбраться армейские средства передвижения и моторизованные орудия»⁹. Таким образом, мирное планирование прокладывает дорогу бригадам Каммлера, которые проведут последние месяцы войны, спеша по автобанам, чтобы успеть выпустить ракеты V-2 в сторону Лондона и мировой войны X+1.

В отличие от их заграничных подражателей, немецкие автобаны окружены зеленью. Генерал-фельдмаршал люфтваффе Эрхард Мильх предоставил Тодту инженеров с самолетом, чтобы «они могли увидеть автобан с воздуха и оценить, насколько растительность способна хотя бы частично замаскировать автобан на подлете со стороны». Что может отчасти ответить на вопрос Эйхендорфа, «кто лес создал так высоко»¹⁰. Это было

⁸ Отсылка к хиту *Kraftwerk* 1974 года «*Autobahn*» с рефреном «*Wir fahren fahren fahren auf der Autobahn*» («Мы едем, едем, едем по автобану»).

⁹ Фриц Тодт (1891—1942) был назначен генеральным инспектором германских дорог в 1933 г.

¹⁰ Первая строчка стихотворения немецкого романтика Йозефа фон Эйхендорфа «Прощание охотника».

верховное командование германского вермахта, обеспокоенное слишком уж пророческим подозрением, что вражеский самолет может проделать вдоль незамаскированного автобана весь путь до Берлина. Мировая война X+1 отбрасывает свою тень на все тщательное планирование.

И когда главный солист «Застольных речей фюрера» фантазирует о том, как можно будет проехать по рейхсавтобанам всю дорогу до Киева и Одессы на автомобиле со встроеной камерой, связь между современными пейзажными киносьемками с автомобиля и блицкригом становится несомненной.

«

Мечты людей гарантированно сбываются: туристы дивизия за дивизией прорываются вперед.

»

До сих пор американцы, которым пришлось ждать до 9 февраля 1938 г., чтобы сенат официально рекомендовал строительство скоростных шоссе, водят свои машины, как будто это крытые повозки, направляющиеся на Запад. Скоростные ограничения и передние сиденья по типу скамеек, стойкий реликт эпохи повозок, не беспокоят пионеров. Широким организованным фронтом, не обгоняя друг друга, они движутся к последнему рубежу. Но немецким танковым дивизиям, движущимся на боевой скорости, если цитировать генерал-полковника вермахта фон Фрича, самим нужны автобаны от «Галле до Берлина». Что также объясняет то, кому позволено (если позволено) обгонять упомянутые дивизии. Германия обходится без двенадцати- или четырнадцатиполосных шоссе типа шоссе Санта-Моника. Есть только одна обгонная полоса для высшего офицерского состава и инженеров, джентльменов-водителей в движении.

И каждый раз, как приходит лето, как пришло оно и в 1939-м, автобан наряжается в зелень, и навигация открывается меж

его мягких берегов: мечты людей гарантированно сбываются, туристы дивизия за дивизией прорываются вперед. Психоз моторизации. Рычат шестицилиндровые двигатели. Не говоря о радиолах. Пока не падут рубежи Европы. Блицкриг *à tous azimuts*¹¹. И все обгоняют друг друга.

Мир — это продолжение войны средствами транспорта.

¹¹ По всем направлениям (фр.).

«Перерастание империалистической войны в войну гражданскую». К юбилею 1917 года

Реконструкция боевых действий времен Гражданской войны

Большой опрос историков о связях Первой мировой, большевиков, Октября, Гражданской войны и о том, как они повлияли на советское будущее

<http://kommersant.ru/doc/3163935>

Наступающий 2017 год — год столетия революционных событий 1917 года в России, интерпретация которых остается полем острых политических и идеологических столкновений. Государственная путинская [пропаганда склоняется к интерпретации 1917 года как катастрофы](#), погубившей якобы процветавшую Российскую империю. Либеральный консенсус скорее склонен противопоставлять Февральскую революцию Октябрьской и называть последнюю переворотом. Менее слышные в публичном поле голоса левых разделены: некоторые

<http://openleft.ru/?p=8637>

отстаивают закономерность или ценность Октября, некоторые, поддерживая социалистические идеи, критически относятся к их реализации большевиками.

Кроме того, 1917 год — год не только напряженных революционных перемен, но и переклеста двух войн — Первой мировой и Гражданской (развернувшейся всерьез весной 1918-го), и говорить о происходившем тогда без разговора об этих войнах невозможно.

Чтобы обозначить поле дискуссии, нескольким российским историкам с разным академическим и политическим бэкграундом было предложено прокомментировать ряд расхожих тезисов о событиях 1917 года, их причинах и последствиях.

Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?

Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?

Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это?

Можно ли сказать, что усиление политической власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

На вопросы отвечали (в алфавитном порядке):

Алексей Гусев

Борис Колоницкий

Павел Кудюкин

Иван Курилла

Игорь Нарский

Андрей Олейников

Тимофей Раков

Кирилл Соловьев

Реконструкция
боевых действий
времен Гражданской
войны

Алексей Гусев

кандидат исторических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова

— Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?

— Еще до октября 1917 года гражданскую войну провоцировали правые, консервативные силы, враждебные развернувшимся после Февральской революции общественным преобразованиям. Уже летом того же года генерал Корнилов попытался использовать войска для захвата власти, а вскоре генерал Алексеев приступил к созданию нелегальной военной организации, из которой выросла затем белая Добровольческая армия. Однако сами по себе верхушечные социальные классы (помещики, крупная буржуазия, старая бюрократия, офицерство) не обладали достаточными силами для развязывания полномасштабной гражданской войны, т.к. не имели массовой поддержки в обществе, и их выступления до определенного времени легко нейтрализовались. Гражданская война могла стать реальностью только в условиях раскола в широких массах народа. И такой раскол возник в результате политики пришедших к власти большевиков. Разгон всенародно избранного Учредительного собрания, ликвидация институтов «формальной» представительной демократии, силовое подчинение Советов господству Коммунистической партии (уже с весны 1918 года), антикрестьянская по существу политика «продовольственной диктатуры» — все это породило массовое недовольство большевистским правлением, а фактическое упразднение легальных возможностей для проявления оппозиционности способствовало превращению социально-политического конфликта в вооруженное противоборство. Раскол в массах резко

усилил прежних противников большевиков и создал новых, имевших общественную поддержку. Таким образом, взявшие власть в октябре 1917 года большевики, безусловно, несут ответственность за возникновение Гражданской войны, как и их противники из «белого» лагеря.

«

**Большевики привыкли
мыслить в терминах военных
кампаний («фронт»,
«наступление» и т.п.)
и стали широко применять
соответствующие методы
не только в армии,
но и в других сферах.**

»

Но даже после октябрьского переворота гражданской войны можно было избежать в случае формирования коалиционного правительства большевиков и других социалистических партий, поддерживаемых абсолютным большинством населения, однако этот шанс был упущен — главным образом по вине руководства РСДРП(б), сумевшего преодолеть внутрипартийную оппозицию в лице выступавших за раздел власти «умеренных большевиков».

— Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?

— Действительно, Первая мировая война являлась одной из важнейших предпосылок российской революции и оказала сильное влияние на ее динамику. Во-первых, война и ее социально-экономические последствия до крайности обострили

общественные противоречия, вызвавшие революцию. Во-вторых, массовые антивоенные настроения послужили одним из ключевых факторов, обеспечивших в 1917 году широкую поддержку большевикам и способствовавших их приходу к власти. В-третьих, в то же время война и связанная с ней милитаризация жизни привели к распространению в общественном сознании специфических «милитаристских» установок — представлений о насилии как простом и эффективном средстве разрешения самых разных проблем. Именно война создавала психологические и социальные условия для диктатур — как «красных», так и «белых».

«

Даже после октябрьского переворота гражданской войны можно было избежать в случае формирования коалиционного правительства большевиков и других социалистических партий, поддерживаемых абсолютным большинством населения, но этот шанс был упущен.

»

— Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это? Можно ли сказать, что усиление политической

власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

— Гражданская война привела к формированию режима, который в документах X съезда РКП(б) в 1921 году был назван «военно-пролетарской диктатурой». Правящая Коммунистическая партия, по существу, слилась с государством, а в самой партии утвердились командные методы руководства («система боевых приказов»). Большевики привыкли мыслить в терминах военных кампаний («фронт», «наступление» и т.п.) и стали широко применять соответствующие методы не только в армии, но и в других сферах. Среди них утвердилась психология «военного лагеря» и «осажденной крепости». При этом в годы войны изменился состав партии: большевиков с дореволюционным стажем, носителей традиций борьбы с самодержавным авторитаризмом, в РКП осталось лишь 10%. Политическая культура левой социал-демократии уступила место военно-коммунистической культуре, главными ценностями которой являлись дисциплина и «железное единство». И хотя после завершения Гражданской войны партийные форумы неоднократно выносили постановления о восстановлении в партии «рабочей демократии», на практике в партийно-государственной системе продолжали развиваться прямо противоположные тенденции — бюрократизация, олигархизация, подавление инакомыслия. В конечном итоге это вело к трансформации авторитарного большевистского режима в тоталитарный, что произошло на рубеже 1920-х и 1930-х годов.

Вместе с тем нужно отметить, что утверждение и консолидация однопартийного режима не были связаны исключительно с условиями Гражданской войны. Репрессии против оппозиции начались еще до развертывания широкомасштабных боевых действий и усилились уже после их окончания. Небольшевистские социалистические партии и движения были окончательно вытеснены из легального политического поля в 1922 году. И в самой правящей партии ужесточение внутреннего режима (запрет «фракционности» и «неделовой критики» партруководства) последовало одновременно с отказом в 1921 году от «военного коммунизма» и переходом к НЭПу, «мирному социалистическому строительству». Таким образом, монополизация власти большевистской бюрократией и движение по пути искоренения оппозиционности обуславливались не только императивами Гражданской войны, но и концептуальными представлениями коммунистических вождей о политическом устройстве «диктатуры пролетариата».

Реконструкция боевых действий времен Гражданской войны

Борис Колоницкий

доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

— Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?

— Сперва зададим вопрос: что произошло в октябре 1917-го? Многие книги об этом носят название «Большевистская революция». В некотором отношении это верное название, но в нем уже содержится определенная телеология: знание о том, что потом большевиками было создано партийное государство. Но если мы посмотрим на октябрь, то в революционном процессе вообще-то участвовали не только большевики, и никто не знал, чем это кончится.

В Октябре участвовали и многие люди, которые вскоре стали противниками большевиков, продолжая при этом считать Октябрь своим, — например, левые эсеры. В октябре 1918 года, когда отмечалась первая годовщина Октября, одни левые эсеры участвовали под своими лозунгами в общих демонстрациях вместе с большевиками, а в других городах левые эсеры выпускали подпольные листовки, направленные жестко против большевиков. Отдавать Октябрь большевикам они не были готовы. Среди героев Октября можно назвать также Александра Антонова, будущего руководителя антибольшевистского крестьянского Тамбовского восстания, многих анархистов, многих будущих участников Кронштадтского восстания. Кронштадтское восстание его сторонники нередко называли Третьей революцией, имея в виду под первой Февраль, а под второй — Октябрь. И Октябрь они тоже считали своим, а большевиков — людьми, которые его исказили.

Еще одна аберрация — то, что в нашем сегодняшнем восприятии Октябрь — это что-то единое и, в первую очередь, это события в Петрограде. На самом деле произошел комплекс разных конфликтов в разных местах. Конечно, события в Петрограде имели очень большое значение, но и они сами были реакцией на другие, более ранние конфликты. И в некоторых случаях Октябрь начался в сентябре. Например, к этому времени Временное правительство уже фактически не контролировало Финляндию, она, как айсберг, откалывалась от Российской империи и уплывала. А российские гарнизоны и военно-морские базы в Финляндии, одни из важнейших российских вооруженных сил, фактически перестали подчиняться Временному правительству — и прямо об этом заявляли — еще до Октября. И эта ситуация требовала какого-то другого, решающего конфликта. Особые конфигурации конфликтов, например, были в Киеве или в различных казачьих областях.

«

**В Октябре участвовали
и многие люди, которые
вскоре стали противниками
большевиков, продолжая
при этом считать Октябрь
своим, — например, левые
эсеры.**

»

И все вместе очень разные события, иногда очень по-разному направленные, перевели ситуацию в стране в новое качество и создавали Октябрь.

Все это имеет прямое отношение к вопросу об ответственности. Многие участники Октября, в том числе большевики, готовы были пойти на гражданскую войну для достижения

своих целей. Например, часть из них (хотя и не все), в первую очередь Ленин, готова была пойти на гражданскую войну для прекращения мировой войны, которую они называли «империалистической». Правда, не все поддерживали этот лозунг, и по тактическим причинам после Февраля его употребляли все меньше или не употребляли вообще, но психологически они готовы были пойти на это. Поэтому какая-то ответственность, безусловно, на них ложится.

«

Механизм Гражданской войны в Российской империи был запущен со времени Корниловского мятежа.

»

Но на гражданскую войну были готовы пойти и другие силы. Например, генерал Корнилов и некоторые другие белые готовы были пойти на нее ради продолжения участия в мировой войне. Корнилов в конце концов выступил против Временного правительства в августе, но у него не хватило поддержки. И это уже была попытка гражданской войны. Начало гражданских войн вообще обычно сложно определить. Какие-то даты и события являются символическими, например, мятеж Франко в Испании, но это не значит, что они были единственным рубежом. Я считаю, что механизм Гражданской войны в Российской империи был запущен со времени Корниловского мятежа. Конфигурация Гражданской войны могла быть иной, расстановка сил могла быть совершенно другой, но в итоге логика Гражданской войны привела к тому, что шансов на развитие демократии было мало. Итак, суммируя свои замечания и отвечая коротко на ваш вопрос, — да, большевики несут, безусловно, ответственность, но не только они.

— Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры

и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это?

— Сразу оговорюсь, что это сильное обобщение — говорить о каких-то единых «большевиках». Их видение, ощущение реальности, их происхождение были очень разными. Очевидно, если многие из них находили общий язык с анархистами, то они не воспринимались как державники и государственники. Сознание некоторых большевиков было даже жертвенное: может быть, мы погибнем, но мы должны подтолкнуть мировую революцию. Конечно, было много и оппортунистов самого разного характера, которые в революции не забывали о себе. Но для многих большевиков было удивительно, что они продержались у власти так долго. Это воспринималось как достижение, когда они побили рекорд продолжительности диктатуры пролетариата, то есть продержались дольше, чем Парижская коммуна.

Николай Евреинов.
Реконструкция
взятия Зимнего
дворца в октябре
1917 года. 1920

Мне близка книга Питера Холквиста «*Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921*», хотя я не во всем с ним согласен. Эта книга посвящена Дону с 1914-го по начало 1920-х годов. Неверно было бы сказать, что это книжка лишь про Дон: хотя это как бы локальная история, но там есть несколько уровней контекстуализации. Дон для Холквиста — способ разобраться, как все происходило на местах в деталях, и одновременно посмотреть на общероссийскую ситуацию. И не только на общероссийскую: есть еще больший уровень контекстуализации, где Холквист рассматривает тогдашнюю российскую ситуацию в мировом контексте.

И он доказывает, что такие вещи, как депортация, реги-

страция, цензура, жесткий контроль над населением, особый контроль государства над экономикой, ограничение рынка, реквизиции продовольствия, мобилизация во всех смыслах этого слова, были присущи в этот период и другим странам. Таким образом, большевики опирались на мировой военный опыт, применяя его к специфическим российским условиям Гражданской войны. Давно уже отмечено, что военный коммунизм большевиков в известном смысле цитировал так называемый военный социализм в Германии в годы Первой мировой войны. Военный социализм — это вмешательство государства в экономику, сотрудничество государственных экономических и профсоюзных организаций для мобилизации германского общества и германской экономики. Большевики и другие социалисты очень внимательно изучали это явление и рассматривали военный социализм не как чрезвычайную меру, а как высшую форму рационализации социально-экономической жизни, которую приспособляли к Гражданской войне. Но большевики продолжали такую политику и впоследствии, сохраняя мобилизационную систему как базовую, тогда как в других странах от этой чрезвычайщины отказались. И государство, и экономические механизмы, созданные большевиками и их союзниками в годы Гражданской войны, продолжали существовать, неся в себе такое родовое происхождение.

Такова, грубо говоря, схема Холквиста. Но я бы сделал тут как минимум два дополнения.

Первое: очень важный фактор времен революции и Гражданской войны — способность большевиков к импровизации, благодаря которой они выстраивали отличные политические программы, позволившие им выиграть Гражданскую войну. В частности, это проведение особой национальной политики. Они первоначально не были сторонниками федерации, это был эсеровский принцип, а большевики выступали за централизованное государство, потому что считали его более рациональным. Но для победы в Гражданской войне, так же как они импровизировали в области своей аграрной политики, и в политическом плане они, идя на соглашения с местными элитами, создали федерацию. Это завершилось образованием Советского Союза. То есть большевики реформировали империю в условиях Гражданской войны и сделали ее достаточно жизнеспособной. Я понимаю, что тут сразу много возражений вызывает сам термин «империя», но в некоторых смыслах этот термин можно применить и к описанию данной ситуации.

Вообще в своей политике большевики тогда были необычайно пластичны и вместе с тем психологически и культурно были более, чем другие, готовы к Гражданской войне и к победе в ней.

Второе дополнение очень существенно. Одним из главных недооцененных событий революции было появление так называемого комитетского класса. Сотни тысяч мужчин, большей частью отчужденных от политики ранее, были избраны в различные советы и комитеты, обычно заводские советы и войсковые комитеты разного уровня. И этот класс получил власть. Корнилов, кстати, был обречен с самого начала, потому что он пошел против войсковых комитетов, у которых была реальная политическая власть в армии.

«

**Сознание некоторых
большевиков было даже
жертвенное: может быть,
мы погибнем, но мы должны
подтолкнуть мировую
революцию.**

»

И вот этот комитетский класс, который первоначально далеко не весь был с большевиками, постепенно раскалывался, отчасти большевизировался и превращался в протономенклатуру. Если мы посмотрим на видных советских партийных работников в последующие периоды (например, на того же Хрущева), то очень важно, что они политически социализировались и приобретали власть одновременно в эпоху революции и Гражданской войны. Поэтому как политические акторы они впитывали совершенно чрезвычайные, нечеловеческие условия Гражданской войны вне зависимости от их намерений. И потом, когда они сталкивались с какой-то чрезвычайной ситуацией, этот опыт их часто подталкивал к тому, чтобы

действовать также чрезвычайно, иногда жестокими и свирепыми средствами.

Итак, новый политический класс будущего Советского Союза складывался в зверских условиях Гражданской войны. И это, подчеркну, не только история самих большевиков.

— Можно ли сказать, что усиление политической власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

Николай Евреинов.
Реконструкция
взятия Зимнего
дворца в октябре
1917 года. 1920

— Некоторые элементы прямой демократии, которые были свойственны Советам, не очень-то работали с самого начала. Но Советы служили очень хорошим инструментом политической мобилизации. Обычно наш взгляд на историю телеологичен: например, мы знаем, что в Советском Союзе было атеистическое государство, и поэтому все действия большевиков в 1917—1918 годах прочитываются как атеистические, что неверно; или мы видим дальнейший путь революции к партийному государству, и нам кажется, что все с самого начала программировалось именно так, но это тоже неверно. До середины 1918 года главный центр власти был в советском аппарате. Не хочу сказать, что именно в Советах, но в советском аппарате. И мы должны понимать, что один из очень важных факторов существования большевиков — ограниченность ресурса, в том числе и ограниченность образованных кадров. Поэтому блок с левыми эсерами был очень и очень важным, своих кадров не хватало, все, что было в партии, было брошено в новый государственный аппарат, и некоторые партийные организации просто обезлюдели. Были даже вообще предложения превратить партийные организации в агитационный придаток к Советам. Потом, с середины 1918 года, роль партии как элемента, связы-

вающего внутри это слабое государство, усилилась.

И все равно очень разные политические режимы существовали в разных областях, однако постепенно на протяжении всей Гражданской войны выстраивалась пирамида власти. Может быть, и были изначально какие-то тенденции к созданию партийного государства, но многие участники политического процесса, в том числе и очень важные, не ощущали это так изнутри. Это довольно убедительно показано в книге Александра Рабиновича про большевиков в 1918 году — и не только у него. Рабинович пишет преимущественно про Петроград, но его соображения можно спроецировать и на другие места.

— Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?

— Среди историков, изучающих конец Российской империи, есть «пессимисты», «оптимисты» и «маргиналы».

«

Одним из главных недооцененных событий революции было появление так называемого комитетского класса.

»

«Маргиналы» утверждают, что всю революцию сделали конспираторы и заговоры. Революция произошла не из-за заговоров, хотя заговоры и были.

«Оптимисты» считают, что Российская империя накануне Первой мировой войны шла по пути модернизации: рост образования, рост городов, экономическое развитие, опыт Государственной думы, взаимодействие с исполнительной властью... И лишь Первая мировая война подкосила империю.

А «пессимисты» полагают, что и до Первой мировой войны были структурные проблемы, которые делали революцию

в России неизбежной.

Лично я считаю, что революция, происшедшая в России и скатившаяся в Гражданскую войну, конечно, несет отпечаток Первой мировой войны. В самом восстании в Петрограде, в свержении монархии конъюнктура Первой мировой очень заметна. Вместе с тем я принадлежу к «пессимистам».

Представим себе какую-то фантастическую ситуацию, где для России нет Первой мировой войны, — а это действительно фантастическая ситуация, потому что сложно себе представить мир без войн или Россию с ее границами, уходящими к таким сложным геополитическим узлам, не ввязывающуюся в войны.

«

**Даже если сейчас нам
видится, что все шло
к той революции, которая
произошла, полезно
понимать, что, возможно,
были и совершенно другие
варианты революции.**

»

Но были страны, которые не участвовали в Первой мировой войне, однако там революции были. Например, Испания — с набором проблем, очень похожим на российский: аграрный вопрос, монархия, которая не может стать конституционной, национальный вопрос, проблемы секуляризации, очень болезненно идущей и провоцирующей очень много конфликтов. Испания от Первой мировой только выиграла как нейтральная страна, работающая на военные заказы: выиграла и предприниматели, и рабочие, появились новые рабочие места и заработки. И все же в межвоенный период, в 1931 году, в Испании произошла революция, а в 1936 году начинается Гражданская

война, одна из самых кровавых гражданских войн XX века.

Можно посмотреть на это и с другой стороны. Мы рассматриваем период в России после 1905 года и до 1914 года как мирный. Если мы изолированно рассматриваем Россию — да, это верно, но если мы посмотрим на мир, то это не так. 1905 год — это конституционная революция в Персии, вблизи российских границ, которая породила кризис вплоть до начала 1920-х годов. В Османской империи в 1908-м происходит «младотурецкая революция», которая тоже породила кризис и войны до начала 1920-х, изменившие международную обстановку: турецко-итальянскую войну, первую Балканскую войну, вторую Балканскую войну... В 1911-м начинается Синьхайская революция в Китае. В Португалии революция установила республику, а тогда не так уж много было республик в Европе, и это был импульс для антимонархического движения по всей Европе.

Мы привыкли думать, что война порождает революцию, но иногда, напротив, революции порождают войны. Я думаю, мы должны скептически относиться к любой телеологии, и даже если сейчас нам видится, что все шло к той революции, которая произошла, полезно понимать, что, возможно, были и совершенно другие варианты революции.

Реконструкция боевых действий времен Гражданской войны

Павел Кудюкин

доцент департамента государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ

— Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?

— Начну с того, что я придерживаюсь концепции единой Ве-

ликой русской революции 1917—1922 годов, причем задолго до того, как она появилась в «Историко-культурном стандарте». При этом большевистский этап, начатый октябрьским переворотом, был сложным сочетанием революции (решившей в основном капиталистически-модернизационные задачи, такие, например, как уничтожение помещичьего землевладения или правовое оформление ликвидации сословности) и контрреволюции в сфере политики (ликвидировавшей перспективы демократического развития).

«

**Концепция партии как жестко
централизованной
организации, которая лучше
самого пролетариата знает,
что пролетариату надо, несет
в себе зародыш диктатуры
и над пролетариатом тоже.**

»

Несомненно, что элементы гражданской войны появились еще до Октября. Собственно, и само начало революции в феврале 1917 года можно рассматривать как элемент такой войны, и попытку Корниловского мятежа, и большевистское полувосстание в июле, и крестьянское движение с захватом земель и разгромом помещичьих усадеб.

Однако размах Гражданской войне придали, несомненно, такие последствия большевистского переворота, как разгон Учредительного собрания, заключение Брестского мира, а главное — антикрестьянская (да во многом и антирабочая) политика РКП(б) и Совнаркома. Как достаточно убедительно показал историк Владимир Бровкин, «фронтовая» война была не единственной и даже не основной формой Гражданской во-

йны — бóльшую роль играла крестьянская война против всех властей, как «белых», так и «красных».

Не стоит забывать, что большевики вполне сознательно шли на возникновение гражданской войны, что отразилось хотя бы в ленинском лозунге превращения империалистической войны в гражданскую.

— Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?

— Естественно, без Первой мировой войны русской революции в тех формах, в которых она произошла, просто не было бы. В очень большой степени и на февральском, и на октябрьском ее этапах она была солдатской революцией. Марк Алданов не очень сильно преувеличивал, когда писал в «Самоубийстве»: «Подавляющим по значению должен был бы быть один простой, довольно неблагодарный, образ в разных возможных вариантах: солдат, больше не желающий воевать». На значение солдатской стихии указывал и Александр Богданов.

— Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это?

— Гражданская война усилила авторитарную и милитаристскую тенденцию в политике большевиков, но усилила то, что существовало и раньше. «Милитаристские» нотки звучат, скажем, в работах Ленина как минимум со «Что делать?» Сама концепция партии как жестко централизованной организации, которая лучше самого пролетариата знает, что пролетариату надо, несет в себе зародыш диктатуры и над пролетариатом тоже. Ленинская идея о «диктатуре пролетариата» как «власти, не ограниченной никакими законами» сформулирована в годы Гражданской войны, но не противоречит и его более ранним высказываниям.

Цензура и запрет «буржуазной» печати были введены в первые же дни после октябрьского переворота, когда до масштабной гражданской войны было еще далеко. То же можно сказать и об объявлении кадетов «врагами народа». Вместе с тем парадоксальным образом плюрализма и элементов политических свобод при «военном коммунизме» было несколько больше, чем после введения НЭПа. Нэповская экономическая

либерализация сопровождалась (и Ленин это достаточно логично обосновывал) жестким усилением репрессивности даже по отношению к полутерпимым в некоторые периоды Гражданской войны небольшевистским социалистическим и анархистским организациям.

«

**Парадоксальным образом
плюрализма и элементов
политических свобод при
«военном коммунизме»
было несколько больше,
чем после введения НЭПа.**

»

— Можно ли сказать, что усиление политической власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

— Подавление Советов также началось еще до полномасштабного развертывания Гражданской войны, уже весной 1918 года, когда большевики начали разгонять Советы, в которых не получили большинства при перевыборах. Здесь бóльшую роль сыграла опять-таки большевистская идеология, чем ситуационные факторы, — убежденность, что только они знают, в чем состоят интересы пролетариата, и что ради этих интересов можно поступиться реальными мнениями и настроениями пролетариев. Очень быстро Советы стали лишь ширмой для партийной власти. Война, разумеется, эту тенденцию закрепила и усилила.

Реконструкция
боевых действий
времен Гражданской
войны

Иван Курилла

доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

— **Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?**

— На революцию нельзя возлагать «моральную ответственность» — вот на революционеров можно. Революция — это событие или даже процесс, у нее нет морали, это принадлежность человека. Что же касается ответственности за Гражданскую войну, то на первое место я бы поставил предыдущий режим, который и привел страну к революции, — то есть правление Николая II и его министров. Революционеры тоже несут свою долю ответственности — именно они отвергли «буржуазную мораль», но тут надо сказать, что и контрреволюционеры в методах не стеснялись: Гражданская война знала террор со стороны всех участников. Вместе с тем я снова скажу, что в революциях виноваты не революционеры — они лишь пользуются удобным моментом, предоставленным им ошибками и преступлениями предыдущего режима.

— **Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?**

— И Февраль, и Октябрь 1917 года были, конечно, результатом тягот военного времени, провалов в организации военных действий и снабжения столицы: царский режим не выдержал напряжения тотальной войны — ни экономически, ни политически.

— **Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным**

установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это?

«

**В революциях виноваты
не революционеры —
они лишь пользуются удобным
моментом, предоставленным
им ошибками
и преступлениями
предыдущего режима.**

»

— Я не занимался исследованиями этого периода и этой проблемы, но у меня сложилось впечатление, что Гражданская война заложила основы для многих последующих событий отечественной истории. Начнем с того, что она девальвировала ценность человеческой жизни — «поколение репрессий» сформировалось в период братоубийства, и это не могло не сказаться на жестокости и бездумности массовых убийств в конце 1930-х. Не уверен, что так же легко можно увязать именно Гражданскую войну с цензурой, как и с усилением власти одной партии (оно произошло в начальный период Гражданской, и это было, скорее, результатом развития еще самой революции, а не эффектом Гражданской войны), но в широком смысле — да, Гражданская война упростила многие области человеческого общежития и государственного управления.

Реконструкция
боевых действий
времен Гражданской
войны

Игорь Нарский

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории
Южно-Уральского государственного университета*

— Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?

— Прежде всего, хочу сказать, что, по моему убеждению, прямое моральное осуждение и прочие судебские инструменты не должны входить в арсенал историка. Легко осуждать с позиции потомка, знающего конец истории, в которой были задействованы ее участники, не владевшие этим знанием. Понять их действия самому и объяснить другим — труднее, но в этом и состоит ремесло историка.

По существу вопроса хочу напомнить следующее: когда большевики пришли к власти, революция уже шла полным ходом. Солдаты массово побежали с фронта в деревню делить землю задолго до Октября. Помещичьи усадьбы тоже запылали раньше, и крестьяне жгли их, травили господские луга и рубили барские леса не под впечатлением от большевистской пропаганды, а в силу традиционного убеждения, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает своим трудом и поливает своим потом. Я уж не говорю о начале отпадения западных кусков Российской империи в ходе отступлений русской армии 1914—1916 годов и движений за национальную независимость поляков, финнов, украинцев и т.д. Большевикам, чтобы удержаться у власти, ничего иного не оставалось, как узаконить крестьянскую и национальную революции, которые уже шли полным ходом, хотели того новые правители или нет. Не случайно ведь большевикам пришлось начать с декретов о мире, земле и самоопределении народов. Они во многом

оказались заложниками положения, захватив власть, а не его злыми демонами. Конечно, их дальнейший вклад в кровопролитие и разруху чудовищен, но это — история более поздняя, не 1917 года.

— Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?

«

**Большевикам, чтобы
удержаться у власти, ничего
иного не оставалось,
как узаконить крестьянскую
и национальную революции,
которые уже шли полным
ходом, хотели того новые
правители или нет.**

»

— Реагируя на предыдущий вопрос, я уже отчасти дал ответ и на этот. Для современников тех событий весь этот период от начала Первой мировой войны в 1914 году до подавления массовых крестьянских, казачьих бунтов, а также рабочего протеста и даже армейских восстаний (вспомним Кронштадт!) в 1921 году виделся как единая семилетняя война. Или восьмилетняя — там, где в 1921—1922 годах бушевал голод, а продотряды и ревтрибуналы насильно собирали с голодной деревни первый продналог. И Февраль, и Октябрь казались «обычным» людям лишь эпизодами этой большой войны, которая из «империалистической» переросла в «гражданскую», как того желала Ленин и его сподвижники (при их активном участии).

И поскольку большевики не с луны свалились, они исполь-

зовали тот опыт управления в военных условиях, который уже имелся, — опыт Первой мировой, включая массовую пропаганду, цензуру, милитаризацию промышленности и труда, ограничения свободной торговли, карточную систему распределения, террор в отношении потенциальных противников и предателей и прочие «прелести», сопутствующие затяжной и малоуспешной современной войне.

«

**Поскольку большевики
не с луны свалились,
они использовали тот опыт
управления в военных
условиях, который уже
имелся, — опыт Первой
мировой.**

»

— Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это?

— Позвольте одно замечание к этому вопросу. Пора расстаться с наивной иллюзией (которая широко распространена в массовом сознании и, кстати сказать, держит в плену и часть историков), что историк может рассказать читателю или слушателю о прошлом так, «как оно было на самом деле». Нам остались от прошлого лишь следы в виде документов, изображений, институций и построек, которые поддаются различным интерпретациям и на основе которых можно строить разные связанные рассказы. Это объясняется не только ненадежностью, недо-

статком или, напротив, избытком противоречащих друг другу источников. Тут действуют и другие факторы — убеждения историка, его прошлое, его сегодняшний опыт, степень свободы в обществе и прочее. Из нашего меняющегося настоящего неизбежно меняется и взгляд на прошлое. Ведь иначе смотреть на прошлое, как из сегодняшнего дня, невозможно. Поэтому одновременно гуляют и будут гулять различные версии одной истории, в том числе и истории об Октябрьской революции. Попытки создать одну, «единственно правильную», историю на все времена в конечном счете не под силу никакой исторической политике. Даже в СССР это не получилось.

«

**Партия взяла на себя
непомерные государственные
функции и в них захлебнулась.
Был определенный резон
в абсурдном, на первый
взгляд, требовании сельских
повстанцев 1919–1920
годов создать Советы
без коммунистов.**

»

Вернусь к вопросу. Конечно, можно говорить о дополнительной милитаризации большевистского режима в ходе Гражданской войны, но я разделяю позицию тех историков, кто считает, что это была милитаризация особого рода. Все-таки Первая мировая война с опытом дистанционного массового убийства с помощью современной техники, с неподвижностью фронтов позиционной военной кампании, редкостью

атак и нетипичностью рукопашного боя рождала не столько хладнокровных убийц, сколько пацифистов, которые ощущали себя не героями, а беспомощными жертвами войны, понимали бессмысленность мировой бойни и не желали ее продолжения. Гражданская война этот опыт потеснила. Она была маневренной, с подвижными фронтами и условными границами между фронтом и тылом, убийством в рукопашном бою и прославлением беспощадности к врагам. Гражданская война, а не Первая мировая, помимо прочего, породила устойчивый советский образ страны — «осажденной крепости» или глагол «окопаться» (укрепиться в окопе — важный опыт Первой мировой войны, но не Гражданской!) как действие труса. Самым тяжелым и долговременным следствием опыта Гражданской войны стала привычка государства решать внутренние проблемы с помощью натравливания одной части населения на другую.

«

Гражданская война стала тем алиби, которое оправдывало бюрократическое вырождение большевистской партии.

»

— Можно ли сказать, что усиление политической власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

— Мне представляется более убедительной версия немецкого историка Хельмута Альтрихтера, который в ряде серьезных исследований показал, что к началу 1920-х произошло не укрепление партии в ущерб Советам, а растворение и большевистской партии, и Советов в милитаризованной государственной машине. Партия взяла на себя непомерные государственные функции и в них захлебнулась. Был определенный резон в абсурдном, на первый взгляд, требовании сельских повстанцев

1919—1920 годов создать Советы без коммунистов. Русские и нерусские крестьяне и казаки не узнавали в партии, переименованной в 1918 году в коммунистическую, организацию тех самых большевиков, которые в 1917 году обещали народу землю и закрепили результаты самовольного крестьянского земельного передела.

Реконструкция боевых действий времен Гражданской войны

Андрей Олейников

*кандидат философских наук, старший научный сотрудник
МВШСЭН «Шанинка», доцент ИОН РАНХиГС*

— Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?

— Гражданская война, безусловно, является прямым следствием захвата власти большевиками в октябре 1917 года и разгона ими Учредительного собрания в январе 1918 г. Более того, я думаю, что Октябрьская революция попросту неотделима от Гражданской войны, что откровенно признавали ее творцы — Ленин, призывавший «превратить империалистическую войну в войну гражданскую», Бухарин, писавший о том, что «пролетарская революция есть разрыв гражданского мира — есть гражданская война», Троцкий, называвший советскую власть «организованной гражданской войной против помещиков, буржуазии и кулаков». Однако, по моему мнению, это была не столько война против эксплуататоров, сколько война против тех демократических процессов, которые были начаты в феврале 1917 г.

— Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милита-

ризации Первой мировой?

— Думаю, что эффектом «милитаризации Первой мировой» Октябрьскую революцию следует признать все же в большей степени, чем Февральскую. Последняя, хотя и последовала за произошедшей в ходе войны дезорганизацией государства, была призвана решить социальные и политические проблемы, остававшиеся нерешенными со времен революции 1905 года. Тогда (если не вспоминать сейчас о «великих реформах» 1860-х гг.) было начато движение в сторону введения в нашей стране современных политических институтов, которые должны были существенно демократизировать ее конституционный строй. Первая мировая (а точнее, перенапряжение государственной машины, вызванное ею) создала благоприятные условия для того, чтобы это движение было вновь продолжено. Февральская революция была относительно бескровной и не привела к гражданской войне. Она учредила демократические свободы, возродила Советы, перезапустила профсоюзное движение. Но она отложила на неопределенное время решение важнейших для страны вопросов, прежде всего — о ее будущем политическом устройстве и форме собственности на землю. Временное правительство было правительством прокрастинаторов. Решение же, предложенное большевиками, было исключительно силовым и продиктовано логикой военного положения. В конечном итоге оно позволило пересобрать государственную машину: провести эффективную военно-экономическую модернизацию, не проводя при этом никаких демократических преобразований и последовательно, на корню, убивая народную инициативу.

— Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это?

— Думаю, что это так. Гражданская война стала тем алиби, которое оправдывало бюрократическое вырождение большевистской партии. До определенного момента в ней была возможна борьба мнений и фракций, но после разгрома децистов и т.н. рабочей оппозиции диктатура Сталина была уже неотвратима.

— Можно ли сказать, что усиление политической власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

— И снова — да. Как известно, Советы, а также такая форма самоуправления рабочих, как фабзавкомы, стали возможны благодаря Февральской революции. Большевики, придя к власти, сначала подчинили их своим партийным органам, а введя обязательную трудовую повинность, обесмыслили саму идею рабочего контроля над производством. Кроме того, за годы Гражданской войны успела сформироваться административная вертикаль, которая закрепила отчуждение трудящихся от участия в политической жизни.

Реконструкция боевых действий времен Первой мировой войны

Тимофей Раков

аспирант исторического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге

— **Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?**

— Когда говорят про Гражданскую войну в том ключе, что какая-то одна сторона была виной ее возникновения, то за самой такой постановкой вопроса скрывается определенная политическая позиция спрашивающего. Тот, кто обвиняет большевиков в развязывании Гражданской, будет, вероятно, превозносить деятелей Белого движения. Или наоборот. Думаю, мы живем все же не в 1917 году, чтобы баталии прошлого продолжали так влиять на наши сегодняшние суждения.

Нет тех, кто однозначно виновен в Гражданской войне. Война — это же продолжение политики, только другими средствами, так что причины ее надо искать в политической ситуации. А ситуация в 1917 году складывалась так, что общество было крайне поляризовано и готово решать многие вопросы,

прибегая к насилию. Не потому, что насилие так нравилось большевикам и их противникам, а потому, что порою насилие видится как самый действенный способ разрешения общественного конфликта.

Опять же и противники большевиков немало способствовали тому, чтобы вести ситуацию к обострению. Разве попытка мятежа, предпринятая генералом Корниловым в августе 1917 года, не вела к обострению конфликтов между правыми и левыми? Не могла ли она стать прелюдией к Гражданской войне? Пожалуй, она не стала ей только благодаря тому, что этот мятеж быстро провалился.

Корни Гражданской войны нужно искать в том социальном устройстве и в той политической ситуации, в которых Россия вошла в 1917 год, и в том, как развивались события. Поиск «виновных» мало имеет отношения к реальным историческим событиям, а скорее принадлежит к области идеологии и морали.

«

**Тот, кто обвиняет
большевиков в развязывании
Гражданской, будет,
вероятно, превозносить
деятелей Белого движения.**

»

— Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?

— Я бы сказал, что Первая мировая, как и любая война, лишь обнажила и обострила те противоречия, которые и так имелись в российском обществе к началу XX столетия. Возьмем, скажем, революцию 1905 года. Верно ли будет сказать, что она была эффектом Русско-японской войны? Скорее, поражение царской армии выявило всю слабость режима. Война требует не только военной, но и общественной мобилизации. Помимо

солдат правительству нужны и патриоты, активно поддерживающие войну, пропагандирующие ее среди населения. И всегда такая мобилизация ведется под большие обещания, под ожидание победы, она рождает атмосферу в духе «мы их шапками закидаем» (фраза, как раз сказанная в отношении японской армии). Когда приходит поражение, это порождает еще более сильное разочарование в правительстве. К 1917 году сложилась ситуация, когда русская армия терпела одно поражение за другим, она утратила Польшу, часть Прибалтики. Помимо новых внешних проблем оставались нерешенными многие внутренние: аграрный вопрос, рабочий вопрос, политические и религиозные свободы и так далее. Правительство, ведя мобилизацию вокруг патриотических лозунгов, обращаясь к массам населения, само во многом и породило ситуацию, когда в ответ на поражения ему стали адресоваться вопросы о том, почему же оно ведет войну, цели которой не слишком понятны на фоне массы нерешенных внутренних проблем. Катализатором Февраля стал голод в Петрограде, который был вызван перебоями с поставками продовольствия, в свою очередь, вызванными транспортным коллапсом, возникшим по причине общего расстройств средств сообщения из-за войны. Но восстание очень быстро перешло от разгрома продуктовых лавок к политическим требованиям, что также говорит о том, что в основе его лежали нерешенные внутренние проблемы.

— Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это? Можно ли сказать, что усиление политической власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

— Гражданская война — это сама по себе крайняя форма политического противостояния, когда от орудий критики переходят к критике оружием. Насилие порождает ответное насилие. Много свидетельств есть тому, что поначалу большевики пытались действовать довольно мягко: об этом можно прочесть, например, в работе Александра Рабиновича «Большевики приходят к власти», в которой утверждается, что во многом «красный террор» был ответной мерой. С другой стороны, террор, безусловно, оказал влияние и на самих большевиков,

и как об определяющем опыте о Гражданской войне говорила, например, историк Шейла Фицпатрик. Я полагаю, что после окончания боевых действий к 1921 году большевики сохранили сформировавшееся за годы войны ощущение, что они одни противостоят окружению, которое поголовно настроено против них. Борясь со внешними противниками, партия стала и собственных оппозиционеров подозревать во враждебном настрое, искать «внутренних врагов».

«

**Гражданская война —
это сама по себе крайняя
форма политического
противостояния, когда
от орудий критики переходят
к критике оружием.**

»

Что касается взаимоотношений между партией и Советами, то дело, я думаю, обстоит несколько сложнее. Вопрос не в том, что партия стремилась заменить Советы, но в том, что она выдавливала оттуда другие политические силы и попросту превратила Советы в структуру, дублирующую партию. Партия представляла саму себя как сообщество наиболее сознательных рабочих и исходя из этого представления стремилась вовлечь лучших представителей рабочего класса в свои ряды. Так лучшие «советские» кадры переходили в ряды партии, которая все больше перенимала функцию государства.

Реконструкция боевых действий времен Первой мировой войны

Кирилл Соловьев

доктор исторических наук, доцент кафедры истории России нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ

— Нередко на Октябрьскую революцию возлагают моральную ответственность за Гражданскую войну с ее кровопролитием и разрухой. Согласны ли вы с этим?

— Да, согласен. Мне представляется, что приход к власти большевиков стал началом Гражданской войны в России. Собственно, и сам Ленин так это понимал.

— Верно ли, что Октябрьская революция, как и Февральская, сама была эффектом военного положения и милитаризации Первой мировой?

— Нет. Или, по крайней мере, не в полной мере. Февральская революция — результат глубокого политического кризиса. Он должен был войти в острую фазу вне зависимости от вступления (или невступления) России в войну. Другое дело, что война во многом предопределила сценарий развития событий. Может быть, в мирное время развитие кризиса протекало бы по менее катастрофическому сценарию. Во многом он как раз предопределил Октябрь, а именно: политическую повестку 1917 года, активное участие армии в политических процессах, деградацию политических структур цензовой общественности. Поясню последнее. Общественная организация так или иначе ориентирована на существующую политическую систему. В думский период таким ориентиром было представительное учреждение, где первую скрипку играли земства и цензовая интеллигенция. Дума ушла на дно, и цензовая общественность была дезориентирована. Ее влияние на ход дел стало почти соответствовать ее удельному весу в населении

страны. Кроме того, 1917 год — время диктатуры слов. В обществе не сомневались, что в феврале—марте 1917 года победила демократия. Следовательно, все в стране подлежало демократизации. Все «недемократичное» напрочь изгонялось из жизни. И цензовым слоям общественности приходилось уступать веяниям времени, отдавая командные высоты более радикальным и более демократичным.

«

**1917 год — время
диктатуры слов. В обществе
не сомневались, что в феврале—
марте 1917 года победила
демократия. Следовательно,
все в стране подлежало
демократизации.**

»

Иными словами, приход к власти большевиков весьма ограничен по отношению к событиям 1917 года. Но был бы 1917 год другим — и Октябрь бы нам запомнился иным.

— Часто говорят, что Гражданская война дополнительно милитаризовала большевиков даже вопреки их изначальным установкам и что, например, меры введения новой цензуры и подавления инакомыслия — вынужденный эффект войны, который так никогда и не был изжит новым режимом и заложил его репрессивную составляющую. Так ли это? Можно ли сказать, что усиление политической власти партии в ущерб Советам во многом было обусловлено Гражданской войной?

— На этот вопрос я отвечаю с известной опаской. Никогда Гражданской войной специально не занимался.

И все же я готов согласиться с этими утверждениями. Партия фактически сложилась в годы Гражданской войны. До 1917 года она существовала лишь как идея. Теперь она материализуется. Получает вполне определенные организационные формы. И они, конечно, соответствуют вызовам времени, т.е. Гражданской войне. Именно тогда концепция диктатуры пролетариата обретает плоть. В эти же годы модель советской демократии включается в большевистскую доктрину. Тогда же происходит переосмысление феномена революции, государства, власти. Все это кирпичики будущего, которых прежде не было.

Андрей Сытов. Встреча на Эльбе. 1987

Открытие памятника «Солдат Победы» (Михаил Переяславец) в НЦУО. Декабрь 2016

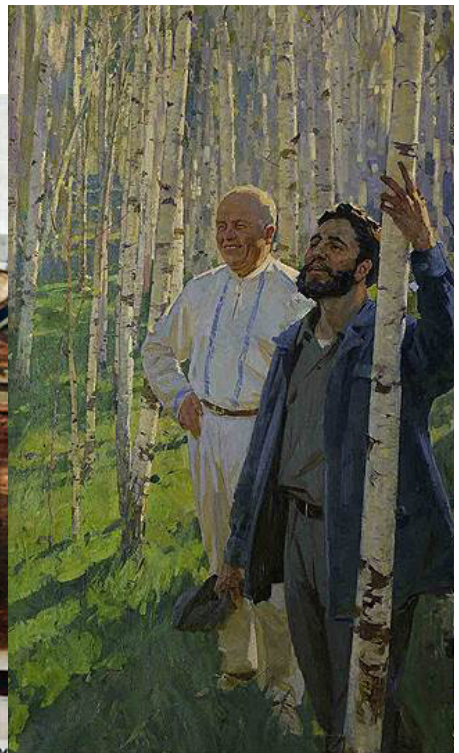
Виктор Дмитриевский. Освобождение Праги. 1985

Алексей Евстигнеев. Здесь пройдет БАМ. 1984

Валерий Мокрушин. Фото на память. 1999

Марат Самсонов. Хрущев и Кастро в березовой роще. Н 1960-х. Из коллекции РОСИЗО, показывалась на выставке «всегда современное» на ВДНХ

Андрей Сытов. Встреча на Эльбе. 1987

Леонид Штрикман. Портрет Анатолия Сердюкова. Фрагмент. 2009

Доставка иконостаса для нового храма северного флота в Североморске. Июль 2016 © Министерство обороны

Штурм Сапун-Горы. П. Т. Мальцев, Г. И. Присекин. Фрагмент диорамы в г. Севастополь. 1959 г. © Дмитрий Гурулев

Александр Ананьев. Биатлон. 2014

Пленэр в Пальмире

Татьяна Эфрусси

*о процветании Студии имени
Грекова благодаря Сергею
Шойгу, Владимиру Якунину
и войне в Сирии*

В декабре в фойе Национального центра управления обороной Российской Федерации на Фрунзенской набережной был торжественно открыт памятник «Солдат Победы». Фасады новых крыльев Генштаба, завершенных в 2014 году, мимикрируют под сталинскую архитектуру старого центрального здания (архитекторы Лев Руднев и Владимир Мунц). Свежие интерьеры высокотехнологичные, в лучших традициях голливудского кино про отражение атак инопланетян. Но, видимо, чтобы военные про такие чуждые традиции не думали, в отреставрированное здание привносится синтез искусств — не только скульптура вроде «Солдата Победы», но и витражи и живопись. Производством современной патриотическо-реалистической продукции для центра занимается ведомственная организация Минобороны — Студия военных художников имени Грекова.

История студии началась в 1930-е годы. Сразу после смерти Митрофана Грекова, пионера советской батальной живописи, личным указом его покровителя Климента Ворошилова была учреждена изомастерская самодеятельности красноармейцев. Самодеятельное искусство систематически поддерживалось еще с 1920-х годов, а императив «культурности» советского человека требовал непрерывной демонстрации интереса к художественному творчеству людей самых разных профессий. В 1937 году, например, в Москве проходила выставка самодеятельной живописи служащих НКВД. Военная мастерская при дивизии стала школой, где обучались 20—30 талантливых красноармейцев и офицеров. С 1938 года она стала называться студией.

По легенде, Семен Буденный во время первой выставки художников дивизии подал идею, что они должны производить картины, а не графику или агитационное искусство. Эта идея подкрепила требование профессионализации коллектива, и вскоре туда приняли первых выпускников художественных вузов. Ремесленное мастерство со временем стало главным критерием качества произведений студии, а любительское происхождение стало вспоминаться как период неразумного детства. Характерно, что от этого раннего периода не сохранилось ни одного изображения.

«

Минобороны могло использовать живопись как soft power для решения текущих внешнеполитических задач.

»

Во время войны окончательно сложилась ведомственная роль студии, которая попала в подчинение Главному политуправлению Советской Армии и стала фабрикой производства официальных образов сражений и Победы. Подобная «армия искусства» существовала и у союзников СССР (например, американская *The U.S. Army War Art Unit*), и у врагов — нацистская художественная дивизия под руководством Луитпольда Адама насчитывала 80 художников. Грековцы воспринимали документальный фронтовой рисунок лишь как подготовительный материал для будущих картин, но нет сомнений, что перед публикацией он проходил жесткую цензуру политуправления. Никаких отклонений от канона бодрости и героизма невозможно найти даже в этих зарисовках; что уж говорить о плакатах Леонида Голованова, «Победе» Петра Кривоногова или скульптурах Евгения Вучетича. Именно эти, самые официозные, произведения студии кочуют из одного ее каталога

в другой. Эти каталоги издавались исключительно представителями студии.

После войны завсегдаем грековцев становится Иван Шевцов, автор памфлета об абстракционистах «Тля. Антисионистский роман». Написанный в 1949 году, он был настолько чудовищно антисемитским, что опубликовали его лишь в 1964-м, когда после скандального разгрома Хрущевым выставки в Манеже критика художников-модернистов стала вновь актуальной. В конце 1940-х, в разгар кампании по борьбе с космополитами-сионистами, Шевцов вместе с директором студии Грекова Христофором Ушениным и ее руководителем Николаем Жуковым публикует статью «Против критиков-антипатриотов в батальной живописи». Как писал о ней позже сам Шевцов в тексте, прославляющем Евгения Вучетича, эта «статья была направлена против тех, кто пытался похоронить батальное искусство как обветшалое, никому не нужное, поскольку война, мол, закончена **и сейчас надо прославлять мир**». В итоге, если другие страны свои «армии искусства» временно распустили, то в СССР студия продолжила свою работу.

<http://www.voskres.ru/army/spirit/schevzov.htm>

За последующие годы создавались тысячи изображений основных сюжетов прошедшей войны и портретов ее полководцев. Новые стилевые веяния — «суровость», гиперреализм и т.п. — с задержкой проникли и в стены студии, для которой в 1960-е архитектор Минобороны Юрий Кривущенко построил суперсовременное модернистское здание на улице Советской Армии. Появились мастера «лирической темы», рассказывающие о буднях советского солдата в перерывах между сражениями, специалисты по космическим сюжетам или певцы пограничной романтики. 30 художников разных поколений — такой коллектив мог бы быть региональным творческим союзом, да и произведения, казалось бы, мало чем отличались от основной массы официальной советской живописи тех лет.

Главной специализацией студии стало производство батальных панорам и диорам. Этот технически сложный жанр появился в XIX веке и с тех пор пользовался популярностью как эффектный способ пропаганды, убеждая зрителя в своей объективности «реалистическим» показом всех деталей исторических событий и захватом реального пространства с помощью объемного реквизита на первом плане. Грековцы создавали панорамы и диорамы событий Второй мировой войны и патриотических исторических сюжетов по всей территории СССР. В новом здании студии было предусмотрено простран-

ство для такого рода масштабных работ, и особенно много диорам стало появляться именно в 1970-е годы: «Штурм крепости Измаил», «Плевенская эпопея» в Болгарии, «Поход Святослава против печенегов» (Запорожье) или, например, «Установление советской власти» в Вятке.

Юрий Бирюков.
Песенка девичья.
2013

Кроме того, министерству, видимо, было удобно иметь «своих» живописцев — картинами можно одаривать генералов или ветеранов, украшать кабинеты. С оглядкой на грековцев в 1969 году собственную Студию имени Верещагина создали и при МВД. Эта студия также действует до сих пор. Впрочем, Минобороны могло использовать живопись и как *soft power* для решения текущих внешнеполитических задач. Так, в коллекции Студии имени Грекова можно найти ряд полотен с эпизодами «помощи братским народам» — но наверняка еще больше таких работ осело в хранилищах стран бывшего Восточного блока и других геополитических партнеров СССР.

Художники студии также делали репортажи с мест новых военных конфликтов с советским участием — например, из Вьетнама и Афганистана. Правда, ни одна, ни другая война не дала нового канона. Графический цикл «Раны Афганистана»

Дмитрия Белюкина, который тот создал в московском госпитале после возвращения с войны, откровенно и без прикрас показывает жертв внешнеполитических амбиций. Сегодня мэтр патриотического академизма не включает этот цикл в каталоги своих работ.

Фабрика образов войны прошлого и настоящего, как и все производства советского Военно-промышленного комплекса, оказалась наиболее выносливой после коллапса всей системы СССР. В 1990-е помимо заказов Минобороны, которые никогда не прекращали поступать, галерея произведений студии пополнилась портретами меценатов-патриотов и церковных лидеров, картинами по частному заказу вроде «Рождения Большого театра в России», не говоря уже о всегда популярных у покупателей пейзажах. К своему юбилею в 2005 году МГУ заказал студии портретную галерею ректоров.

«

**— Теперь мы не ходим
с протянутой рукой,
чтобы заниматься своим
делом, — армия понимает,
что пропаганда необходима
и ее нужно оплачивать.**

»

Тем не менее опыт создания больших историко-мифологических полотен пригодился и новой, постсоветской, власти. Хотя Музей ВОВ на Поклонной горе был заложен еще в 1980-е, комплекс диорам был выполнен грековцами уже при Ельцине — в 1995 году. Тогда же бригада студии выиграла конкурс на роспись реконструированного храма Христа Спасителя и с тех пор регулярно принимает заказы на церковную живопись, примером чему — храм десантников в городе Углевик в Боснии, роспись Никольских храмов в Севастополе и На-

ро-Фоминске и многочисленные иконостасы.

При министре обороны Анатолии Сердюкове, который проводил реформы по модернизации армии, существование Студии имени Грекова в очередной раз было поставлено под вопрос. Сокращения военных учреждений культуры и здравоохранения вызвали тогда немало протестов, а сопровождавший отставку Сердюкова коррупционный скандал — злорадства. После назначения Сергея Шойгу в 2012 году военные структуры вновь прошли через ряд реформ, стал расти бюджет ведомств. Так, было создано специальное Управление культуры Минобороны, которому стала подчиняться студия вместе с другими учреждениями. О ее ликвидации речь больше не идет. «Теперь мы не ходим с протянутой рукой, чтобы заниматься своим делом, — армия понимает, что пропаганда необходима и ее нужно оплачивать», — [говорил Сергей Присекин, один из самых успешных грековцев, в 2014 году.](#)

<http://age.lenta.ru/generation/articles/2014/12/03/prisekin/>

В то же время и коммерческая деятельность студии «оптимизировалась»: на сайте можно заказать любую картину или ее репродукцию, работают багетная и реставрационная мастерские, анонсировались даже курсы английского языка. Собственное дизайн-бюро успело прославиться разработкой нового логотипа Российской армии — трехцветной звезды, которую обвиняли в плагиате с бренда американского молла.

Выставка работ из сирийской командировки художников студии Грекова на Армейских международных играх, полигон Алабино. Лето 2016
© Сайт Авиационной группы в Сирии Министерства обороны РФ

На патриотической волне последних лет студия Грекова стала вовсю использоваться военными управленцами. Прежде всего это касается внешней политики, где студия вновь отвечает за *soft power*. В постсоветское время бренд «студия Грекова»

получил признание на мировом рынке как гарант поставки качественной живописи в условиях глобального упадка технологии ее производства. В цифровую эпоху (псевдо)исторические картины, диорамы и панорамы становятся предметом специфического фетишизма авторитарных и националистических режимов, поддерживающих «настоящее» искусство. Только за последние годы студия выполнила масштабные заказы для Турции (живописное оформление Мавзолея Ататюрка в Анкаре и Главного военного музея в Стамбуле, 2009 г.), Македонии (Музей борьбы за Македонию и Археологический музей в Скопье, 2010—2012 гг.). Грековцы конкурируют только с батальными мастерами из обеих Корей и Китая. Например, панорама сражений арабо-израильской «войны Судного дня» (1973) в Каире была заказана в конце 1980-х Хосни Мубараком китайской бригаде.

Сергей Присекин.
Кемаль Ататюрк
на коне. ок. 2009

Перечисленные международные заказы имели, безусловно, коммерческий характер и не афишировались военными ведомствами. В Минске, где в 2013 году студия закончила работу над диорамами в новом здании Музея ВОВ, все уже было по-другому — новый музей торжественно открывали Александр Лукашенко и Владимир Путин. Тактически разыгры-

вается грековская карта в Китае, который является новым стратегическим партнером. В 2015 году в этой стране был введен праздник Дня победы над Японией. Среди прочих пропагандистских российско-китайских мероприятий была проведена выставка 146 картин студии в Академии [искусств Народно-освободительной армии](#).

Изменилось и отношение к картинам по мотивам военных операций в горячих точках. Если о живописи, созданной после командировок в Чечню или Южную Осетию, судачили

<http://www.cntv.ru/2015/09/13/VIDE1442129881372496.shtml>

«

Если о живописи, созданной после командировок в Чечню или Южную Осетию, судачили лишь дотошные любители военной техники на специальных интернет-форумах, то присутствие художников студии в Сирии освещалось центральным телевидением.

»

лишь дотошные любители военной техники на специальных интернет-форумах, то присутствие художников студии в Сирии освещалось центральным телевидением. Сначала Управление культуры отправило в Культурно-досуговый центр авиабазы Хмеймим выставку картин «Разговор о мире», а затем три грековца отправились в Пальмиру [на пленэр после операции по разминированию города](#).

https://www.youtube.com/watch?v=JmRL1P7_sow

Эти сюжеты, как и выступление Гергиева и оркестра Мариинки в амфитеатре, где террористы устраивали показательные

казни, должны были транслировать отечественным и западным зрителям гуманитарную и культурную миссию России.

Намечается и более активное участие студии в мирной культурной жизни. Так, если в 2009 году юбилейная выставка студии в Манеже длилась всего четыре дня, то в 2015 году это уже была месячная экспозиция тысячи работ. Аннексированный Крым, конечно, был центральной темой — экспозиция открывалась диорамой «Крещение войска князя Владимира в Херсонесе» (Павел Рыженко, 2009 г.). Министр Шойгу тогда высказал пожелание сделать выставки грековцев передвижными — и в сокращенном виде манежная экспозиция была показана в нескольких городах, например, в Орле и на Ямале.

«

**Слияние РОСИЗО с ГЦСИ
открывает перед грековцами
карьерные перспективы
поинтереснее, чем каждые
полгода сдавать портреты
Жукова для украшения
генеральских кабинетов.**

»

В 2008 году в фонде «Екатерина» Иосиф Бакштейн и Зельфира Трегулова курировали выставку к юбилею Красной Армии. Тогда за современную часть отвечали произведения Сергея Шутава и Сергея Браткова, а грековцы участвовали в выставках типа «ВДВ — сильный характер» в залах МСХ. А новое военное Управление культуры включило студию в программу «Ночи музеев — 2014».

Пока произведения членов коллектива регулярно выставляются лишь в Царской башне Казанского вокзала, где с 2010 года находится «Арт-пространство “Галерея народного ху-

дожника Дмитрия Белюкина»». Галерея появилась благодаря личному покровительству Владимира Якунина, который предложил Белюкину выбрать любое помещение РЖД. На первый взгляд кажется, что башня — место достаточно маргинальное, но на самом деле туда ломится публика и водят студентов военных училищ на экскурсии. В книге отзывов — требования дать здание для постоянной экспозиции картин Павла Рыженко и других грековцев, а рядом собирают подписи против фильма Алексея Учителя «Матильда» о личной жизни Николая II.

Олег Авакимян.
Бросок на Цхинвал.
2010

Уже давно в студии работают лишь гражданские, некоторым из них за особые заслуги даются звания и погоны. Сегодня среди 30 художников студии много молодежи, в том числе четыре девушки; в основном это выпускники Суриковского института и Академии Глазунова. Работа считается очень престижной: редко где художник или скульптор сегодня может рассчитывать на регулярные заказы, зарплату и полный пакет социальных гарантий. Слияние РОСИЗО с ГЦСИ открывает перед грековцами карьерные перспективы поинтереснее, чем каждые полгода сдавать портреты Жукова для украшения генеральских кабинетов. Директор новой структуры Сергей Перов — выпускник высшего военного училища и вряд ли равнодушен к творчеству сотрудников легендарного учреждения. Так что можно ждать на выставках «всегда современного» искусства полотен со сценами ратных подвигов прошлого. Или опусов из быта ракетных войск.

Россия без Путина — Сирия без Асада?

Марш мира в Москве
в 2014 году (против
войны с Украиной)
© Антон Белицкий /
Коммерсантъ

*Почему в России не видно движения
против войны в Сирии?
Рассуждают Олег Журавлев,
Илья Матвеев и Влад Тупикин*

Российское военное вмешательство в Сирии откровенно служит поддержке режима Асада — провозглашавшаяся изначально задача борьбы с террором фундаменталистов отступила на второй план. Но ни оппозиционные, ни тем более проправительственные медиа не заостряют на этом факте внимания.

Месяц назад в Москве должен был пройти митинг против войны в Сирии, организованный движением «Солидарность». Однако столичные власти не разрешили оппозиционерам провести мероприятие, о чем сообщил прессе один из его организаторов Сергей Давидис. Этот запрет мог вызвать удивление,

если учесть, что ближневосточные события обычно не считаются проблемой первой значимости для российского общества. «Разногласия» обсудили отношение к сирийскому конфликту и проблемы антивоенного движения в России с тремя исследователями и активистами: Олегом Журавлевым, Ильей Матвеевым и Владом Тупикиным.

Разговор строился вокруг следующих вопросов:

- В целом складывается впечатление, что российское общество довольно безразлично к событиям в Сирии, хотя в Европе это тема номер один (наряду с выборами в США). Почему так? Дело только в подаче СМИ?
- Власть использует военную тему (и в Сирии, и ранее в Донбассе) как точку для объединения сторонников. Почему война в Сирии не становится точкой мобилизации оппозиционных сил? Если становится, достаточно ли эффективно она используется?
- В начале ноября власти Москвы запретили гражданским активистам и оппозиции антивоенный митинг, посвященный бомбежкам Алеппо. Причины остались неизвестны. Чем, на ваш взгляд, можно объяснить такую чувствительность власти к вопросу?
- XX век отмечен мощными антивоенными движениями в странах, которые вели военные действия вдали от своих границ (США и Вьетнам, Франция и Алжир). Какие конфликты помимо названных показательны? Что с тех пор изменилось?
- Возможно ли в современной России массовое антивоенное движение? Почему?

Олег Журавлев

Лаборатория публичной социологии (Россия), PhD candidate, European University Institute (Италия)

Запрет антивоенного митинга — продолжение репрессивного курса, в рамках которого пресекаются любые протесты, не только антивоенные. К тому же, как показал опыт российского участия в украинских событиях, определенные действия военного характера Россия совершает тайно, при этом часто нетрудно об этих действиях узнать. Оппозиционеры этим пользуются, оглашая неудобные свидетельства. И, думаю, власти этого опасаются.

Текущая ситуация в корне отличается от конца 1960-х тем, что в те годы существовали два глобальных лагеря. Многочисленные национально-освободительные восстания поддерживались коммунистическим движением. То, что происходит

сейчас в Сирии, — это гражданская война против диктатора, а не международное резонансное национально-освободительное движение, на стороне которого, например, левые государства. Хотя понятно, конечно, что война в Сирии интернационализирована, но характер совершенно иной.

«

**То, что происходит сейчас
в Сирии, — это гражданская
война против диктатора,
а не международное
резонансное национально-
освободительное движение.**

»

Внимание общественного мнения в Европе и Америке к сирийскому конфликту — следствие сложившейся на Западе политической культуры, в рамках которой публичные интеллектуалы и общественные движения ощущают свою ответственность за и способность повлиять на общемировые процессы. В России такой политической культуры нет, хотя она в своеобразном виде была в Советском Союзе. У нас была чеченская война, но она не только происходила в пределах Российской Федерации, но и привела к терактам в Москве и других центральных городах. Кроме того, в Чечню отправляли российских призывников. Поэтому она вызывала широкий резонанс, довольно много людей было настроено против действий российского политического руководства в Чечне.

Европейские и американские интеллектуалы очень западноцентричны, они считают протест против действий США и, шире, НАТО своим гражданским долгом. Когда начиналась война в Украине, я жил в Европе и видел, что многие мои знакомые левых взглядов заняли четкую просепаратистскую позицию, потому что для них «Запад», Америка — стопроцентный

империалист. В каком-то смысле многие западные левые похожи на российских либералов, которые наивно склонны во всех мировых бедах винить Путина. Вспомним лозунг «Главный враг сидит в Кремле». «Главный враг» многих американских и западноевропейских левых сидит в Пентагоне.

«

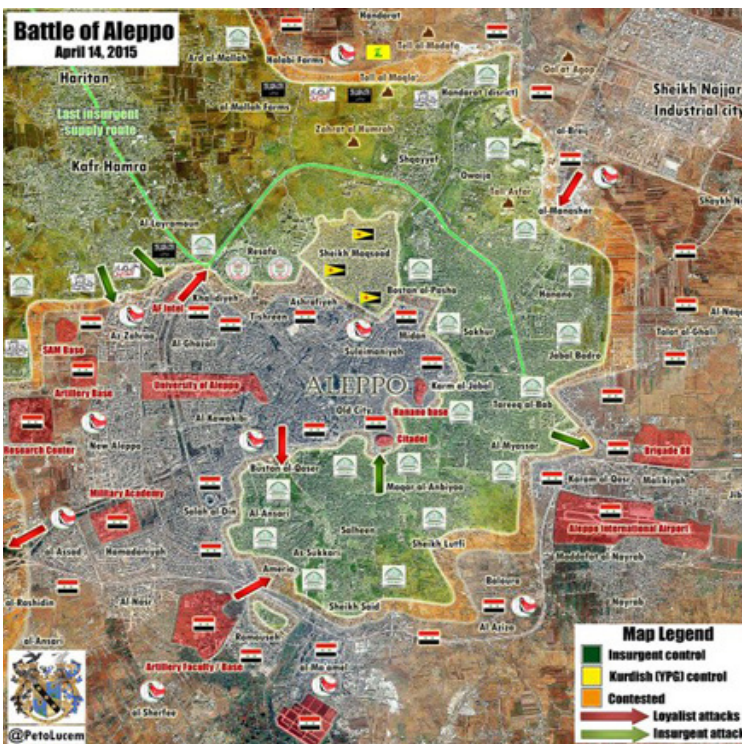
**Недавно был принят
законопроект, который
позволяет задействовать
российских солдат
в «борьбе с международным
терроризмом».**

»

Я являюсь резким противником действий Киева в Донбассе, вместе с тем принципиальная позиция, скажем, итальянских анархистов, выступивших в поддержку Новороссии, меня удивила. Я вижу в ней определенный нарциссизм: эти активисты так сильно сосредоточены на борьбе с руководством Германии и США, что если последние «против колхозов», то первые — за. В этой позиции есть определенный парадокс: риторически эта позиция — антиколониальная, но на уровне мотивации в ней есть что-то от колониального отношения к странам периферии и полупериферии: мы не будем разбираться в деталях того, что там происходит, но мы — вместе с теми, кто сопротивляется гегемонии США. Один известный американский профессор российского происхождения сказал такую фразу: «Я бы очень хотел поехать в Донбасс и записаться в ополчение, но поскольку я тут преподаю в Нью-Йорке, я ближе к центру мирового зла, поэтому я буду бороться здесь».

Еще одним важным фактором отсутствия антивоенного движения в России является то, что, судя по опросам, большинство российских граждан поддерживают действия Рос-

сии и в Донбассе, и в Сирии — причем неважно, считают ли они, что Россия борется с ИГИЛ (организация запрещена в РФ. — Ред.) или «спасает» Асада. Единственная динамика от 2015 к 2016 году — это уменьшение доли тех, кто интересуется войной в Сирии. Изменить это отношение может только переосмысление действий России в Донбассе и Сирии в терминах бюджетных расходов на фоне кризиса или отправка в Сирию наших срочников. Недавно был принят законопроект, который позволяет задействовать российских солдат в «борьбе с международным терроризмом», — посмотрим, к чему приведут эти шаги.

Одна из карт к битве за Алеппо

Илья Матвеев

кандидат политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Тезис, что наше общество безразлично к Сирии, — скорее, иллюзия. Если смотреть на данные опросов, например, Левада-центра, то еще в октябре бомбежки Алеппо стали одним из самых запомнившихся событий. 25% опрошенных сказали, что больше всего за прошедшие четыре недели им запомнились военные действия и борьба с террористами в Сирии. При этом, что интересно, выборы депутатов Госдумы набрали

всего 18%. Тогда же задавался вопрос: «Следите ли вы за тем, что происходит сейчас в Сирии? Если да, то насколько внимательно?» «Я внимательно слежу» — 18%. Следующий пункт — «Я немного знаю о последних событиях в Сирии, но не слежу за ними пристально» — 64%. «Я ничего не знаю о последних событиях в Сирии» — это сказали только 17%. Это число резко уменьшилось, когда начался новый виток военной кампании.

«

Тезис, что наше общество безразлично к Сирии, — скорее, иллюзия.

»

Из опросов также следует, что отношение людей к сирийскому конфликту неоднозначно — в отличие от Донбасса и Крыма, единства по этому поводу нет. Вопрос Левада-центра: «Как вы относитесь к нанесению Военно-воздушными силами России авиаударов по Сирии?» «Целиком положительно» — 16%, «скорее положительно» — 36%, «скорее отрицательно» — 20%, «резко отрицательно» — 6%. Иными словами, есть 26% людей, которые относятся отрицательно. Затруднились ответить еще 23%. Всего получается, что тех, кто положительно относится, около половины. При этом даже в западных странах, когда идут военные кампании (скажем, кампания в Ираке), одобрение изначально на уровне 70%. Всплеск одобрения российских действий в Крыму в этом отношении не уникален. В Америке сначала тоже все поддерживали иракскую войну, а потом этот показатель быстро упал. В Сирии же мы видим, что прошел год — и у людей особого энтузиазма нет. «Целиком положительно» — только 16%.

Отсутствие энтузиазма проявляется и в том, что, по опросам, сторонников вмешательства — меньше половины от общего числа. В Сирии — в отличие от Донбасса и Крыма — не свои; здесь нельзя мобилизовать русский национализм. Естественно, ИГИЛ — это «хуже не бывает», но люди подозревают, что там не об ИГИЛ речь. Сам Путин назвал две причины ввода войск:

первая — предотвратить терроризм на родине, чтобы ИГИЛ не добрался до нашей страны, а вторая — это помощь законной власти, Башару Асаду. И это уже создает двусмысленность: зачем мы это делаем? У людей нет четкого понимания, которое было в Крыму.

«

**Сирийский конфликт
стал столь сложным,
что выделить в нем
морально правую сторону
попросту невозможно.**

»

К тому же есть еще одна вещь. Опросы показывают, что люди опасаются третьей мировой войны. «Опасаетесь ли вы, что нынешнее обострение отношений России с Западом по поводу Сирии может перерасти в третью мировую войну?» «Есть некоторые опасения» — 38%. Еще у 10% — «большие опасения». То есть, например, если Америка хочет ввести бесполетную зону, а Россия летает там своими самолетами, что это означает? Америка будет сбивать наши самолеты? С учетом ядерного оружия у России ситуация вообще непредсказуема — люди это понимают. Если 48% в опросе Левада-центра опасаются третьей мировой, это означает, что в пропагандистском смысле сирийская тема далеко не такая однозначная, как может показаться. Потому что в Донбассе никто третьей мировой не боялся, а в Сирии — боятся.

Поскольку отношение людей к теме неоднозначно, власти вполне могли испугаться, что митинг окажется популярен. В случае с Украиной и с Крымом власти понимали, что позиция, которую заняла большая часть либеральной оппозиции, людям не нравится. Большинство не готово солидаризоваться с продолжением АТО, атак на Донбасс и т.п. А в случае с Сирией — еще неизвестно.

При этом сирийский конфликт стал столь сложным, что выделить в нем морально правую сторону попросту невозможно. Именно поэтому вокруг Сирии нет антивоенного движения в больших масштабах — не только в России, но и на Западе. В этом коренное отличие от ситуации с движением против войны в Ираке, которое собрало больше участников, чем даже протесты против войны во Вьетнаме в свое время. Демонстрации против вторжения в Ирак были крупнейшими демонстрациями в истории вообще: в Америке миллионы в этот день вышли, миллион человек только на демонстрации в Нью-Йорке. Тогда вопрос был достаточно ясен: есть бушевская неоконсервативная администрация, она никого не спасает, а удовлетворяет свои чудовищные амбиции.

«

Россия при всей сложности ситуации играет реакционную роль — поддерживает силу, на совести которой большинство смертей в этом конфликте, и тем самым его продлевает.

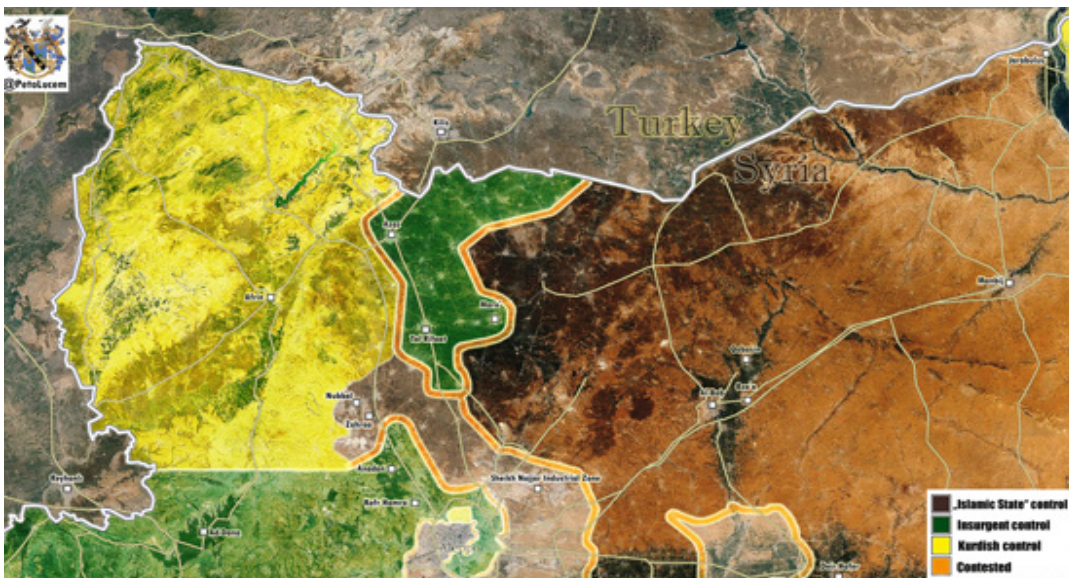
»

В Сирии все сложнее. Многие из тех, кто был против интервенции в Ирак, интервенцию в Сирию не отрицают: чем дольше нет интервенции, тем дольше продолжается кровавая мясорубка. Причем прежде всего со стороны асадовского режима. То есть одно дело, когда резня не происходит, но потенциально могла бы происходить — как в случае Саддама. А другое дело, когда уже с 2011 года асадовский режим успел убить, по некоторым данным, 500 тысяч человек. И в этой ситуации выступать против интервенции означает тяжелую моральную ответствен-

ность: получается, ты в принципе против разрешения этого конфликта, если он сам собой уже четыре года не разрешается.

Двусмысленность мешает созданию устойчивой антивоенной коалиции. Если мы прочитаем заявление Давидиса по поводу запрещенного митинга, то что там говорится? «Мы требуем, чтобы военное вмешательство в Сирии было направлено исключительно на борьбу с международным терроризмом и осуществлялось совместно с международным сообществом, под эгидой ООН». Получается, антивоенный митинг — не против войны? Наверное, Давидис имел в виду, что России следует прекратить поддерживать Асада и поддерживать... кого поддерживать под эгидой ООН? Американцы, например, поддерживают исламистские группировки. Что, России тоже нужно это делать? Что Давидис здесь имел в виду — непонятно. При этом само участие он не исключил до конца. Отсюда тоже возникает двусмысленность, которая мешает кристаллизовать антивоенное движение. Когда у нас был мощный антивоенный митинг по Донбассу, никакой особой двусмысленности не было, вышли, между прочим, десятки тысяч человек. А тут... допустим, Россия прекращает поддерживать Асада, а что она тогда делает, какая должна быть позиция по Сирии? Никакой вообще? Россия — важный элемент этой игры.

При этом антивоенное высказывание по Сирии абсолютно необходимо. Потому что Россия при всей сложности ситуации играет реакционную роль — поддерживает силу, на совести которой большинство смертей в этом конфликте, и тем самым его продлевает.

Одна из карт к битве за Алеппо

Влад Тупикин

участник общественного движения, журналист

Если говорить о том, почему Сирия — тема номер один в Европе, а в России ее встречают относительно безразлично, то дело в основном в подаче СМИ. Российское общество до сих пор остается во многом «советским» в отношении медиа: подавляющее большинство населения черпает информацию о мире из мейнстримовых СМИ. Вернее, все еще хуже — советское общество было куда более политизированным, да и просто более любопытным, так что за информацией из-за рубежа следили в целом пристальнее, чем сейчас.

«

**Для современной России
никакие примеры антивоенных
кампаний не показательны.
Да и значение движений
против войны во Вьетнаме
или Алжире не стоит
преувеличивать.**

»

А что такое «оппозиционные силы»? Нет никаких единых «оппозиционных сил». Некоторые из разрозненных «отрядов» оппозиции поддерживают патриотический и даже имперский вектор политики Кремля, так что мобилизовывать своих сторонников стараются по другим темам. Некоторые же просто боятся переступить черту, за которой власть легко перейдет от уже давно вполне жесткого оппонирования к прямому по-

давлению. Таких тем много, Сирия — не самая главная из них. Но Сирия, безусловно, тоже в пуле особо охраняемой монополии на высказывание. Умные люди в оппозиции это видят и от греха подальше пытаются особо не высовываться. Как их после этого назвать — вы меня не спрашивали.

Сирийский вопрос для Кремля — вопрос престижа, прежде всего, на международной арене. Именно поэтому так важно показать, что внутри страны никаких серьезных протестов относительно российской политики в Сирии нет. Есть и еще одна причина, хотя не первостепенная: власти не хотят привлекать внимание населения к неудобным вопросам, даже если это будет внимание исчезающе малых его страт. Конечно, акцию протеста на сирийскую тему все равно не покажут по телевидению, но властям вообще не надо никакого хайпа вокруг Сирии, даже положительного. Удобнее замалчивать сам масштаб проблемы: береженого Бог бережет.

«

**Да, летают наши героические
летчики, но это ограниченный
контингент военных
специалистов, это не участие
в войне — именно так считает
большинство.**

»

Для современной России никакие примеры антивоенных кампаний не показательны. Да и значение движений против войн во Вьетнаме или Алжире не стоит преувеличивать. Войну в Алжире остановило не французское протестное движение, а новый президент, де Голль, который пришел к власти путем государственного переворота. В Америке протест был действительно широк. Но и ему потребовалось несколько лет, чтобы стать хоть сколько-нибудь массовым, и еще несколько

лет, чтобы начать оказывать воздействие на политику страны (война в Сирии, если отсчитывать от начала российской в нее вовлеченности, идет пока несоизмеримо меньше времени). К тому же надо не забывать относительно большую свободу слова и прессы в США периода вьетнамской войны по сравнению с нынешним периодом в Российской Федерации. Пресса, которая каждый день показывает войну в прайм-тайм со всеми ее жестокостями и преступлениями, — совсем не то же, что пресса, которая войну, ее характер, ее масштабы и реальную ответственность воюющих сторон каждый день старается замалчивать.

В современной России массовое антивоенное движение невозможно. Хотя бы потому, что люди в массе своей не считают, что идет война. Какая война? Где? Мы здесь при чем? Да, летают наши героические летчики, но это ограниченный контингент военных специалистов, это не участие в войне — именно так считает большинство. Оппозиции не очень выгодно поднимать эту тему: кому-то — из-за солидаризации с имперской политикой Кремля, кому-то — из-за страха репрессий. Пресса сознательно не ставит столь острых вопросов. В то время как в случае Вьетнама или Алжира она подробно освещала антивоенное движение — не менее пристально, чем сам ход военных действий.

Но самым главным препятствием является то, что современные российские люди в массе своей никак не сознают связь между дефицитом бюджета и внешнеполитическими авантюрами властей, да и вообще не уверены в прямой связи политики любых правительств «из телевизора» со степенью своего достатка. Власть для современных российских людей — не сменяемая посредством выборов группа чиновников, а некое отдельное явление вроде погоды или климата — все это надо пережить. И переживают. Какая уж тут Сирия? Анти-какое движение?

Война — это культура. Комментарий к Ираку

Марта Рослер. Из серии «Война с доставкой на дом: дом, милый дом. Новая серия» (посвященной войне в Ираке) (2004–2008). Укажи и нажми на спуск
© Martha Rosler

Николас Мирзоев о парадоксах доктрины генерала Петреуса, о глобальной борьбе США с повстанческими движениями и о том, какую роль тут играет виртуальное зрение

«Разногласия» публикуют статью исследователя медиа и визуальности Николаса Мирзоева «Война — это культура», опубликованную впервые в 2009 году, во время войны в Ираке. И хотя иракская война окончена, проблематика, о которой пишет Мирзоев, во многом сохраняет свою актуальность в связи с событиями на Ближнем Востоке. Ключевым и многократно повторяющимся понятием текста является «противостояние повстанческому движению» (или просто «противостояние повстанцам»), по-английски звучащее как одно слово — counterinsurgency. Статью с английского перевела Марина Симакова.

Один из знаковых парафразов расхожей мудрости, принадлежащих Мишелю Фуко, — переиначенное высказывание Карла фон Клаузевица о войне и политике, которое в новой версии звучит так: «Политика есть продолжение войны другими средствами» (48). Иными словами, даже в мирное время закон приводится в действие с помощью силы. В ситуации определяемой государством необходимости эта сила может прямо работать на легитимацию того, что Джорджо Агамбен называет «чрезвычайным положением». В английском праве этот термин звучит как «военное положение» (Агамбен, 7). Говоря шире,

Марта Рослер.
Из серии «Война
с доставкой на дом:
дом, милый дом.
Новая серия»
(посвященной войне
в Ираке) (2004–2008).
Вторжение
© Martha Rosler

если глобализация из холодной войны превратилась в «глобальную гражданскую войну» (Арендт) или создала новую ситуацию «перманентной войны» (Реторт, 78), то война оказывается глобальной политикой. Что за война ведется в Ираке (Рейд)? Сейчас Соединенные Штаты Америки развернули ее как глобальную операцию по борьбе с повстанцами. В полевом руководстве «По противодействию повстанческому движению», выпущенном армией США в декабре 2006 года по инициативе генерала Дэвида Петреуса (Бацевич), противодействие повстанцам явным образом оказывается культурной войной, которая ведется в Америке точно так же, как и в Ираке. В культурной войне ключевую роль играет визуальная составляющая, а культура является средством, театром и целью ведения боевых действий. В классическом произведении «1984» Джордж Оруэлл вводит в обращение лозунг «Война — это мир» (199), предвосхищая тем самым миротворческие миссии, точечные удары, оборонительные меры и появление коалиций доброй воли, которыми отмечена добрая часть двадцатого столетия.

В эпоху глобального контроля со стороны США война представляет собой противодействие восстанию, организованное культурными средствами. Война — это культура. Глобальный капитал использует войну в качестве средства, обеспечивающего культурную ассимиляцию — приобщение граждан к режиму, определенному этим капиталом. Этот процесс подразумевает молчаливое согласие с превышением властных полномочий и желание не замечать совершенно очевидные вещи. Противодействие повстанческому движению стало электронной версией империалистических способов установления законности. В Соединенных Штатах его успех ни у кого не вызывает сомнений: кто публично протестует против борьбы с восстаниями, даже будучи против войны в Ираке и против каких бы то ни было военных вторжений? Война — это культура.

«

**Военное вторжение понимается
как милитаризированная
биовласть: сохранение жизни,
определяемой в соответствии
с интересами внешней
ПОЛИТИКИ.**

»

Публикация новой стратегии противодействия повстанческому движению, предназначенной как для стратегического планирования, так и для повседневного использования в полевых условиях, означает изменение концепции «революции в военном деле» (*RMA*)¹. Под конец холодной войны американские военные, обеспокоенные ослаблением своей позиции и вероятностью новых микроконфликтов, приступили к осу-

¹ Революция в военном деле — современная концепция, связанная с изменением характера военных операций в результате использования информационных технологий. Для ее обозначения в англоязычной литературе обычно используется аббревиатура *RMA* (*revolution in military affairs*).

ществлению революции в военном деле. К понятию «революция» обратились не просто так: как показывает руководство по противодействию повстанцам, военные внимательно изучали революционные теории — от Ленина до Мао и Че Гевары. Концепция революции в военном деле была использована для того, чтобы дать военным те преимущества, которыми, как правило, обладают городские партизаны и революционные группировки: способность действовать быстро и неожиданно. Применение данной стратегии во время вторжения в Ирак в 2003 году было кульминацией этой революции, воцарением ее террора: тогда было использовано высокотехнологичное и высокоскоростное смертоносное оружие, способное решать ключевые военные задачи при небольшом личном составе вооруженных сил. Главной амбицией при этом было превращение военной стратегии в культурный проект. В 1997 году один генерал опубликовал в [Marine Corps Gazette](https://www.marines.org/gazette) свое эссе, в котором утверждалось следующее: «Морским пехотинцам уже недостаточно просто “соответствовать” обществу, которое они защищают. Они должны повести это общество за собой не в политическом, а в культурном смысле. Ведь мы защищаем именно культуру» (*Murphy*, 83). Конец эпохи Рамсфелда отнюдь не означал окончания культурной политики войны. Противодействие повстанцам представляет собой бессрочное продолжение реализации революции в военном деле. В этой доктрине содержится план этапов ее успешного развития и реализации в будущем — по меньшей мере на пятьдесят лет вперед. Как и в предшествующих ей программах вроде известной сейчас [COINTELPRO](https://ru.wikipedia.org/wiki/COINTELPRO) (1956—1971), в этой стратегии особое внимание уделяется формированию американского общественного мнения относительно событий в Ираке. Ее следует понимать как метод организации дисциплины, нормализации и управления в том смысле, как эти вещи понимал Фуко. На уровне повседневной политики отказ от участия в действиях по борьбе с повстанческим движением привел к маргинализации антивоенного движения, но только не к тому, чтобы Ирак исчез из газетных заголовков. В первой половине 2008 года в вечерних новостях трех главных американских телеканалов 181 минута эфирного времени была отведена освещению войне в Ираке.

Радикальный характер происходящего подтверждает тот факт, что в интернете руководство по противодействию повстанческому движению было скачано более двух миллионов раз, что превратило его в международный бестселлер. В исклю-

<https://www.marines.org/gazette>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/COINTELPRO>

чительном порядке оно было переиздано *University of Chicago Press* — в твердой обложке за 25 долларов и с комментарием гарвардского профессора Сары Сьюалл (сейчас Сьюалл является заместителем госсекретаря США по вопросам гражданской безопасности, демократии и прав человека. — *Прим. пер.*). Сара называет новую доктрину «разрушением парадигмы», так как ее успешная реализация предполагает принятие больших рисков и предусматривает «ведущую роль гражданского населения и поддержку с его стороны» затяжной войны (*Power*, 9). Заявленная новизна подхода связана с очевидно консерватив-

«

Недаром Саддам Хусейн после своего задержания был показан во время медицинского осмотра.

»

ной интерпретацией истории и культуры. На первых страницах руководства по противодействию повстанческому движению это движение определяется как нечто, существующее в диапазоне Французской революции 1789 года, — между «крайней степенью оппозиции», с одной стороны, и «государственным переворотом», с другой (1—5). Так противодействие повстанцам, представленное как уничтожение всех современных революций, от Французской до военных переворотов, фигурирует в качестве законного действия. Оно направлено как на производство податливой национальной культуры, так и на устранение повстанческого движения, которое понимается как любой вызов власти. Это достигается не просто с помощью репрессий, но и за счет все более активного применения техник достижения всеобщего согласия в свете необходимости «защищать культуру». Руководство по проведению контропераций предлагает инструментальное определение власти как «главного условия манипуляции групповыми интересами внутри общества» (3—55). Но одной власти недостаточно: «Победа дости-

гается, когда народ согласен с легитимностью правительства и прекращает оказывать активное или пассивное содействие повстанцам» (1—14). Господство должно сопровождаться гегемонией, основанной на всеобщем согласии и обеспечивающей легитимность противодействия повстанцам и в мыслях, и на деле. На этом этапе война сводит культуру к своему образу и подобию. Важно отметить дерзость этой стратегии, учитывая, что «легитимация» как раз является слабостью как конституционных теорий государства в целом, так и чрезвычайного положения в частности. С помощью манипуляций, типичных для радикально правых, эта потенциальная слабость превращается в силу, так как противодействие повстанческому движению предполагает легитимность как в качестве своего оправдания, так и в качестве своей миссии.

«

Когда военные действия напоминают солдатам видеоигру, игра перестает быть просто метафорой.

»

Таким образом, стратегия противодействия повстанческому движению в целом привела к милитаризации того, что военные называют «культурой», и в особенности к милитаризации визуальных медиа. В конечном итоге легитимность должна быть буквально и фигурально на виду у всех. Следовательно, по мнению военных, «медиадеятельность» может стать основным видом повстанческой деятельности, в то время как «разведка визуальных образов», присутствующих в форме как статичных, так и динамических изображений, является критически важной для противодействия повстанцам (*US Dept. of the Army*, 3—97). Можно судить на основании того, что разведка исходит из следующего понимания: «Знание культуры... жизненно важно для успешного противодействия повстанцам. Американские представления о том, что является “нормальным” и “рациональным”, не являются все-

общими» (1—80). Этот очевидный жест культурного релятивизма фактически является рационализацией культурной иерархии: армия просит своих солдат не принимать культурные различия, а усвоить, что иракцы не могут вести себя подобно американцам. В результате читателям советуют обратиться за разъяснением к неправдоподобным источникам вроде книги «Малые войны: тактическое руководство для солдат империи» (1890) Чарльза Кадуэлла, написанной в зените британского империализма. Такие отсылки переопределяют противодействие повстанцам как технику империалистического доминирования, хотя и подрывают общественное мнение, будто война в Ираке аналогична Второй мировой, предлагая видеть в ней лишь небольшую операцию: метод управления, а не экзистенциальное противостояние. В соответствии с «Руководством по ведению малых войн» 1940 года «[м]алые войны представляют собой операции, которые сочетают применение военной силы с дипломатическим давлением в вопросах, касающихся другого государства, правительство которого нестабильно, неадекватно или не удовлетворяет требованиям сохранности жизни и интересам, которые определяются внешней политикой нашего государства». В руководстве по противодействию повстанческому движению военное вторжение понимается как милитаризованная биовласть: сохранение жизни, определяемой в соответствии с интересами внешней политики. Теперь противодействие повстанческому движению представляется медицинской практикой: «При хорошей разведке те, кто занимается противодействием повстанцам, ходят на хирургов, вырезающих ткани, пораженные раком, и оставляющих незадетыми жизненно важные органы» (*US Dept. of the Army*, 1—126). Недаром Саддам Хусейн после своего задержания был показан во время медицинского осмотра — противодействие повстанцам было визуализировано как биовласть. Омерзительным аналогом этой записи было снятое на мобильный телефон видео казни Саддама, «случайно» появившееся на экранах с целью подчеркнуть власть концепции противодействия повстанческому движению над «голой жизнью». В руководстве по противодействию повстанцам часто проводятся параллели с имперским героем Томасом Лоуренсом, а его изречение «Лучше пусть арабы сделают это сносно, чем ты сделаешь это идеально»² цитируется в качестве одного из парадоксов «разрушения парадигмы» в самом конце первой главы (1—155).

² Классический художественный перевод этой фразы звучит так: «Пусть лучше арабы сделают что-либо сносно, но зато сами».

Марта Рослер.
Из серии «Война
с доставкой на дом:
дом, милый дом.
Новая серия»
(посвященной войне
в Ираке) (2004–2008).
Дворец Саддама
© Martha Rosler

Сам Лоуренс уточнял, что его «Двадцать семь статей», посвященных работе с арабскими военными, предназначались только для тех, кто связался с бедуинами, и при всем при этом он содействовал антиимпериалистическому арабскому восстанию. Он также рекомендовал одалживать рабов и использовать их в качестве слуг. С другой стороны, при всем расистском характере его описания «догматичного» арабского сознания Лоуренс настаивал на том, что потенциальные союзники со стороны арабов должны «разговаривать на своем диалекте арабского» (*Brown*, 160; 153—59). Американская армия совсем недавно начала выдавать солдатам брошюру, включающую в себя двести арабских слов и выражений с указанием их произношения. Обращение к фигуре Лоуренса в контексте противодействия повстанцам во многом связано с его героическим образом, созданным в фильме «Лоуренс Аравийский» (1962), где роль Лоуренса исполняет Питер О’Тул. Воплощенное в образе Лоуренса противодействие повстанческому движению смешивает гламурный голливудский героизм с колониальным сюжетом об уподоблении туземцам, то есть с принятием местной культуры для того, чтобы ее разрушить. Противодействие повстанцам постоянно смешивает свои актуальные требования с задачами из предыдущих эпох, обнаруживая генеалогию империализма и вызывая ощущение, что период осуществления противодействия повстанческому движению зятянулся. Временной сдвиг носит как общий, так и специальный характер. Он восходит к [соглашению Сайкса—Пико](#) 1916 года, в со-

ответствии с которым появился современный Ирак и которое представляет Запад воссоздающим страну по своему образу и подобию. В более широком смысле он указывает на период Первой мировой войны как на «лабораторию, где проходили эксперименты по подгонке механизмов и функциональных диспозитивов чрезвычайного положения как управленческой парадигмы» (Agamben, 7). В этой связи Ирак, Афганистан и любые другие рискованные операции по противодействию повстанческому движению вроде тех, что велись в Иране, Палестине и Пакистане, представляют собой технические эксперименты по производству войны как культуры. Целью этих экспериментов была глобализация капитала, обеспеченная современными информационными и военными технологиями в рамках политической культуры «высокого империализма»³.

«

Видеоигра Full Spectrum Warrior сейчас служит терапевтическим средством для солдат, страдающих от посттравматического стрессового расстройства.

»

Сама культура понимается противоречиво — как тотализирующая система, регулирующая все формы мысли и действия, в диапазоне от викторианской антропологии и вплоть до видеоигр-шутеров от первого лица. В своей книге «Первобытная культура» (1871) антрополог Эдуард Тайлор утверждал: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев

³ В российском контексте более привычно использовать термин «неоимпериализм».

и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» (*Young*, 45). Сопротивление повстанческому движению трактует культуру похожим образом — как «сеть значений» или «операционный код, соответствующий определенной группе людей» и усвоенный всеми членами того или иного общества или группы в процессе их адаптации к культурным нормам (*US Dept. of the Army*, 3—37). В соответствии с руководством именно поэтому культура обуславливает то, как и почему люди совершают те или иные действия, проводят границу между правильным и неправильным и выстраивают систему приоритетов так,

Марта Рослер.
Из серии «Война с доставкой на дом: дом, милый дом. Новая серия» (посвященной войне в Ираке) (2004–2008).
Серый занавес
© Martha Rosler

будто это свод правил (3—38). Метафоры, заимствованные из цифрового мира, наводят на мысль о полностью сконструированной трехмерной среде видеоигры, которая обязывает дизайнера предугадывать все возможные ходы игрока. В самом деле, на следующий день после начала вторжения в Ирак *Sony* зарегистрировала торговую марку «Шок и трепет» (одно из названий военной операции в Ираке. — *Прим. ред.*), чтобы использовать этот слоган в видеоигре на платформе *PlayStation* (*Galloway*, 70). Реальная военная игра разыгрывалась в соот-

ветствии с мантрой генерала Томми Фрэнкса «Скорость убивает» (*Ricks*, 127). Стремительная атака на Багдад в 2003 году должна была стать игрой, имеющей конец, задачами которой были поимка Саддама Хусейна, убийство Абу Мусаба аз-Заркави или разгром «Аль-Каиды» в Месопотамии. Однако незадолго до этого генерал Уильям Скотт Уоллес, тогдашний командующий наземными силами США, пожаловался *Washington Post*, что «враг, с которым мы сражаемся, отличается от того, против которого мы сражались в воображаемой военной игре» (*Noah*).

«

Практика пыток была инспирирована и оправдана телевизионным сериалом «24».

»

Концепция теперь заключается в том, что не существует способа закончить игру иначе, как продолжая в нее играть, как и в случае с платформенной игрой, которая побуждает игрока не выходить из нее, а постоянно продолжать в ней участвовать. Очевидно непредвиденный характер развития войны частично связан с жесткой концепцией культуры, распространенной среди военных. Если «культура» диктует правила, тогда должен быть только один способ играть в игру. Тот факт, что культурные правила обладают гибкостью, разъясняется в антропологическом ключе: «Например, система родства, существующая в некоторых индейских племенах Амазонии, предполагает брак между двоюродными братом и сестрой. Однако определение двоюродного брата или сестры часто меняется для того, чтобы люди могли вступать в брак друг с другом» (*US Dept. of the Army*, 3—38). Это странный пример, потому что такой брак можно трактовать как инцест. В серии недавних эссе, опубликованных в *National Review*, гарвардский профессор антропологии Стэнли Куртц заявил, что параллельный брак между двоюродными родственниками существовал

только в тех регионах, которые были частью современного исламского халифата. Затем он обвинил Эдварда Саида в том, что антропологи загадочным образом не заметили огромный культурный разрыв, существующий между людьми. Несмотря на тенденциозный характер, эта военизированная теория культуры, полагающая, что древний ислам представлял собой перманентное чрезвычайное положение по отношению к человечеству, подыскала себе готовое место среди радикально правых и сейчас подпитывает информацией стратегию противодействия повстанческому движению. Теперь программа Министерства обороны предполагает, что каждое боевое подразделение в Ираке или Афганистане получает в нагрузку антрополога, что вызвало серьезную дискуссию среди профессиональных антропологов (*Amer. Anthropology Assn.*). Эта роль была предусмотрена уже в руководстве по противодействию повстанцам, которое требует «главного специалиста по вопросам культуры и политики» для каждого подразделения — в духе аналогичной советской тактики. Трое ученых, специалистов по общественным наукам, — Майкл Бхатия, Николь Сувеж и Паула Лойд — были убиты в Афганистане и Ираке по состоянию на март 2009 года.

Марта Рослер.
Из серии «Война с доставкой на дом: дом, милый дом. Новая серия» (посвященной войне в Ираке) (2004–2008). В красных и белых тонах
© Martha Rosler

Визуализация — ключевая тактика управления, удерживающая вместе разрозненные элементы противодействия повстанческому движению. Эта терминология имеет свою характерную генеалогию в истории империализма, так как визуальная составляющая и визуализация были важны для «Ге-

роя» Томаса Карлейла (*Mirzoeff*). В серии лекций «О героях» 1840 года Карлейл, консервативный и крайне влиятельный историк XIX века, утверждал, что Герой может «увидеть» историю, как он называл это, в «ясно зримом образе». Народу Герой оставляет только одно верховное право — право быть ведомым (*Carlyle*, 79). Таким образом, визуальность была техникой индивидуального господства правителя и института суверенной власти, техникой, возникшей из умения современного генерала зрительно представлять все поле сражения целиком, превзойдя возможности биологического зрения. Принадлежа суверену, способность визуализировать предполагает взгляд на мир сверху вниз, при котором только ему доступно видение того, что следует делать. Принадлежа управленцу, способность визуализировать тренирует и коммодифицирует зрение, чтобы приспособить его к господствующему способу производства. Противодействие повстанческому движению настаивает на героическом лидерстве, проявляющемся в способности воспринимать визуальность как нарративную стратегию, в соответствии с которой приходится играть. В той части руководства по противодействию повстанцам, которая предназначена для тех, кто находится в полевых условиях, визуальность определена как обязательное знание карты наизусть и умение в любое время найти свое положение на ней. Такое картографирование имеет полностью когнитивный характер и включает «людей, топографию, экономику, историю и культуру территории, на которой проводятся операции» (*US Dept. of the Army*, A7—7). Из этого следует, что человек, который участвует в противодействии повстанцам, преобразует свой тактический недостаток в стратегическое преимущество, симулируя незнакомую территорию как «полностью сконструированное пространство действия» в трехмерной среде видеоигры (*Galloway*, 63). Когда военные действия напоминают солдатам видеоигру (что происходит нередко), игра перестает быть просто метафорой. Превращая различные аспекты чужеземной жизни в один сплошной нарратив, борец с повстанцами ощущает, что держит ситуацию под контролем так же, как и тот, кто играет в шутер от первого лица. Из-за этого командир операции чувствует себя встроенным внутрь карты точно так же, как игрок эмоционально погружен в игру. Вместе эти способности можно кратко описать как «зрительное воображение командира», выражаясь языком Карлейла. Руководство по противодействию повстанцам охотно использует способность суверена к визу-

ализации: «Солдаты и моряки должны ощущать присутствие командира на территории проведения операций, в особенности в решающих точках. Все военные должны четко понимать цель операции и замысел командира» (7—18). Действительно, тот факт, что «визуальное представление [к]омандира служит основой для проведения... операции», является частью стратегии (А-20). Противодействие повстанцам легитимно, потому что оно может визуализировать различные культурные силы, господствующие на определенной территории, и разработать стратегию координации этих сил.

«

**Показания от первого
лица, данные рядовыми
членами боевых отрядов,
свидетельствуют
об их замешательстве
относительно того места,
где они находились,
и направления, в котором
они двигались.**

»

Командирская визуализация — это полевая версия того, что в 90-е годы в доктрине «Революция в военном деле» называлось «господством полного спектра», способность к визуализации нашего времени, основанная на преобладании «наступления, обороны, стабильности [и] содействия» (Ricks, 152). В одном Ираке было потрачено несколько сотен миллионов долларов на радиолокатор с синтезированной апертурой, инфракрасные сенсоры и другие средства видеонаблюдения,

установленные на самолетах, но, по-видимому, без особого практического результата. Крайне популярная видеоигра *Full Spectrum Warrior* предполагает использование шлема виртуальной реальности и сейчас служит терапевтическим средством для солдат, страдающих от посттравматического стрессового расстройства. Растущая важность визуализации является не опровержением, а развитием «Революции в военном деле», в которой сейчас преобладает информационный контроль.

«

**Расистские плакаты
швейцарских выборов,
изображающие четырех белых
овец, прогоняющих черную,
возымели эффект именно
потому, что метафорический
образ черной овцы скрывает
расистское содержание.**

»

Стратегия, известная как C4I, соединяет в себе «командование, контроль, коммуникацию и компьютерное обеспечение для разведки». Один из примеров применения стратегии C4I — компания *Iraqi Media Network*, созданная временной администрацией коалиционных сил в 2003 году. Перед началом вторжения первый 15-миллионный контракт на производство ТВ- и радиоконтента, а также газеты, которая должна была выходить шесть дней в неделю, был без проведения конкурса отдан подрядчику *Science Applications International Corporation (SAIC)*. Несмотря на все трудности, компания, переименованная в *Iraqi Public Service Broadcaster*, все-таки вышла в эфир, открыв вещание стихом из Корана. Такой жест был сразу же

аннулирован Вашингтоном, заставившим компанию вместо этого транслировать четырехчасовое шоу «К свободе», производством которого занималось британское правительство. Неудивительно, что спустя шесть месяцев после начала войны опрос Госдепартамента США показал, что 63% жителей Ирака смотрели «Аль-Джазиру» или «Аль-Арабию» и только 12% смотрели правительственный канал. Ответной реакцией стало заключение нового контракта на 95 млн долларов с производителем коммуникационного оборудования Harris Corporation, не имеющим никакого опыта в сфере производства телевизионных программ (*Chandarasekaran*, 133—36).

Марта Рослер.
Из серии «Война
с доставкой на дом:
дом, милый дом.
Новая серия»
(посвященной войне
в Ираке) (2004–2008).
Ампутант (Выборы II)
© Martha Rosler

Такие промахи повторялись в Афганистане и Ираке и привели к форсированию применения насилия в качестве военной тактики. На слушаниях в Конгрессе и на других публичных мероприятиях официальные лица неоднократно называли попытки применением «техник». Несмотря на эту двусмысленность, противодействие повстанческому движению исходит из принципа градации применяемой силы как способа ее легитимации. Легитимным считаются пытки человека, который был признан повстанцем и оказывает сопротивление, потому что противодействие повстанческому движению и есть легитимация и повстанцам следует это осознать. Практика пыток была инспирирована и оправдана телевизионным сериалом «24». В нем показывается вымышленное контртеррористическое подразделение, разрешающее кризисные ситуации международного характера за 24 часа и добывающее информацию, без колебаний прибегая к пыткам. В одном печально известном эпизоде сериала даже тогда, когда герой Джек Бауэр (Кифер

Сазерленд) находится в нерешительности, его коллега вонзает нож в колено жертвы и выпытывает признание, которое до этого казалось маловероятным. Среди тех пятнадцати миллионов зрителей, которые смотрят каждый выпуск сериала, видимо, были военные следователи, сразу же приспособившие увиденные методы для использования в Ираке (*Mayer*). Сериал «24» явно не допускает мысли о том, что использование пыток может быть на руку повстанцам, которым пытаются противостоять. Хотя очевидно, что задержание без следствия, пренебрежение законными правами, находящимися под защитой международного права, и использование пыток стали важнейшим элементом развития и поддержки повстанческого движения.

«

**Расизм показывает,
что в Новое время в районе
Атлантики рабство,
а не римское право, было
основой авторитета режима
чрезвычайного положения.**

»

Чтобы понять это парадоксальное чередование военных действий и деятельности медиа, полезно вернуться к концепции картографирования. Агамбен показал, что в вопросах относительно границ чрезвычайное положение смешивает правовую норму с исключением, формируя «зону неразличимости, где внешнее и внутреннее не исключают, а просто никак не влияют друг на друга» (23). При «обычном» правлении полиция формирует кордон между видимым и невидимым, помеченный слоганом «не тормози, здесь не на что смотреть». Так, полиция не спрашивает нас ни как подозреваемых, ни как простых граждан, а просто настаивает на том, чтобы мы продолжали двигаться (*Rancière*, 176—77). Такое использование силы отвлекает наше внимание

от того, что, как нам хорошо известно, происходит, но на что нам запрещено смотреть исключительной «силой закона» (*Agamben*, 39). Противодействие повстанцам разворачивается как визуализированное поле брани при помощи того, что некоторые называют «постперспективными» средствами репрезентации. Перспектива задает место репрезентации, в то время как чрезвычайное положение не является местом, как и мистическое восприятие карлейловского Героя. Составленное из цифровых изображений, фотографий со спутников, снимков, сделанных с помощью очков ночного видения, и карт вторжений, постперспективное пространство создает трехмерное изображение «Ирака», которое согласуется с опытом операций по противодействию повстанцам при помощи сетки, доступной только «командиру», Герою нашего времени. Поэтому жилища гражданского населения, разрушенные во время бомбежки, считаются «сопутствующими потерями», а не признаками тотальной войны.

Многочисленные показания от первого лица, данные рядовыми членами боевых отрядов, свидетельствуют об их замешательстве относительно того места, где они находились, и направления, в котором они двигались во время военных походов. Это замешательство, вероятно, связано с высокими показателями самоубийств, депрессии и посттравматических расстройств у ветеранов. В этой смутной зоне новой визуальности противодействие повстанцам может случайно или намеренно сделать видимым то, что находится под запретом. Таким было умышленное «разоблачение» тактик принуждения, используемых в лагере Гуантанамо, которых никто не увидел бы, если бы их не решили обнаружить для того, чтобы внушить ужас существующим и потенциальным повстанцам, показав, что их ждет, если их поймают. С другой стороны, фотографии из тюрьмы «Абу-Грейб» явно всплыли случайным образом, даже если военные не предпринимали никаких мер предосторожности, чтобы этого не произошло. Так или иначе, во время президентских выборов 2004 года не только не было никаких упоминаний об «Абу-Грейб», но люди, которые на тот момент управляли тюрьмой, получили продвижение по службе. «Разоблачения» не помешали ни распространению пыток, ни расширению области противодействия повстанческому движению, хотя они и привели к ограничениям использования камер среди призывников. Подобное равнодушие по отношению к тому, что становится, а что не становится известным, стало одним из преимуществ стремления стратегии противодействия

повстанцам к тотализирующему взгляду. Ни одна из стратегий по борьбе с визуализацией не могла бы поколебать ее притязания на тотальность.

Действительно, противодействие повстанцам теперь приводит в исполнение очевидно «парадоксальную» согласованную политическую и военную стратегию для того, чтобы справиться с хаосом с помощью военной интервенции. Те, кто поддерживал оккупацию Ирака, теперь видят будущий хаос, которые последует за выводом войск, и настоящий хаос, связанный с необходимостью их оставить. Учитывая, что Карлейл настойчиво указывал на угрозу хаоса как ситуации, альтернативной героическому лидерству, сегодня создание хаоса является делом техники и стратегии. Иракская женщина, блогер [Riverbend](https://riverbendblog.blogspot.ru/), описала эту технику в декабре 2006 года: «Вы окружаете цель со всех сторон, то приближаете к себе, то отталкиваете. Медленно, но уверенно все начинает разваливаться... В прошлом году почти все были убеждены, что все это было запланировано с самого начала. Было допущено слишком много ошибок, слишком много для того, чтобы быть просто ошибками». Если это кажется чрезмерным, можно посмотреть на факты, задокументированные *Oxfam* и некоммерческой организацией «Координационный комитет в Ираке» в июле 2007 года: при населении около 27,5 млн (3) восемь миллионов человек нуждаются в неотложной помощи, в числе которых четыре миллиона находятся под угрозой голода, два миллиона являются внутренне перемещенными лицами, а два миллиона — беженцами, оказавшимися за пределами страны. 43% иракцев живут «в условиях абсолютной нищеты», в то время как 70% имеют недостаточный доступ к воде и 80% не имеют доступа к элементарным средствам санитарии («*Rising*», 3). Если уровень насилия снизился к 2009 году, то эти показатели оставались чрезвычайно плохими. В феврале 2009 года Брукингский институт скопировал статистические данные по Ираку, в соответствии с которыми 2,8 миллиона иракцев были перемещены внутри страны, а другие 2,3 миллиона жили за границей. 55% иракцев все еще испытывали трудности с питьевой водой, и только 50% имели «адекватные» жилищные условия («*Iraq Index*», 29—40). В «игровой среде», созданной стратегией по противодействию повстанческому движению, суть заключается в том, чтобы перейти на следующий уровень, а не завершить действие на текущей стадии игры. Это так, потому что цель противодействия повстанцам состо-

<https://riverbendblog.blogspot.ru/>

ит не в том, чтобы обеспечить стабильность, а в том, чтобы сделать естественным «дисбаланс сил, выраженных в войне» (Foucault, 16) не в качестве политики, но в качестве «культуры», как сеть значений в определенном месте и в определенное время. Противодействие повстанческому движению пытается представить Ближний Восток как культуру слабых и несостоявшихся государств, требующих постоянной борьбы с повстанцами. Имеются признаки того, что это представление становится еще и парадигмой внутреннего управления. Например, директор школы в Южном Бронксе описал свою стратегию по возрождению школы как «противодействие повстанческому движению в учебниках» (Gootman, A14).

«

Необходимо визуализировать то, как капитал стал природой, породив войну в качестве культуры.

»

Если противодействие повстанцам использует визуальность в качестве стратегии, то можно ли сконструировать контрвизуальность? Здесь крайне важно понять, что визуальность уже представляет собой контрвизуальность, в ней присутствует визуализированное поле брани, на котором противник использует свою собственную визуальную стратегию. Также и чрезвычайное положение уже представляет собой противодействие повстанческому движению, поскольку оно требует для своей легитимации существования повстанцев и, если их нет, будет само их выискивать, вооружившись лозунгом «Пусть только сунутся!»⁴ Однако визуальная составляющая войны, выступающей в качестве культуры, уязвима перед альтернативным культурным нар-

⁴ Имеется в виду «Bring 'em on!» — знаменитое предупреждение Джорджа Буша, сделанное им в адрес иракских повстанцев в 2003 году.

ративом или нарративами, и это признает само руководство по противодействию повстанческому движению. Точно так же, как противодействие повстанцам превращает свою явную слабость, связанную с легитимностью, в силу, централизованный характер биовласти, противодействующей повстанцам, может превратиться в слабость. В стратегии противодействия повстанцам существует непреодолимое противоречие между ее культурным проектом и стремлением к контролю над жизнью. По Фуко, биовласть имеет две формы: одна дисциплинирует индивидуальное тело (вроде учений, в которых участвует каждый солдат для того, чтобы усвоить военную дисциплину), другая регулирует население в целом для того, чтобы гарантировать максимальную пользу (вроде пенсии или схем вакцинации). Если полиция является институтом, регулирующим взаимодействие между отдельными людьми и населением, то расизм создает разрывы «внутри биологического континуума, заданного биовластью» (*Foucault, 255*). Как утверждал Фуко, в современной форме расизм может в конечном итоге потребовать смерти того, кто занимает более низкое положение, как биологической угрозы, как уже было в случае с нацистской Германией и другими экстремистскими государствами XX века. Такие случаи показывают, что если политика — это война другими средствами, то значительная часть этих средств может относиться к расизму⁵, включая гендерную и сексуальную дискриминацию.

Я не пытаюсь сказать, что раса является основополагающей или что сегодня вновь господствует расизм, направленный на массовое уничтожение, но раса сегодня переизобретается как область, в которой существует противоречие между индивидуальным телом и населением, и государство закрывает эту область силой как способом легитимации. Это противоречие проявляется в росте расизма как враждебного отношения к иммиграции, порождаемой постоянной борьбой с повстанцами, — отношения, символически представленного в фигуре Лу Доббса⁶. Так или иначе, биовласть вынужденно отрицает свой собственный расизм не только в качестве нелегитимного, но и в качестве имеющего делегитимизирующий характер.

⁵ В данном случае автор имеет в виду социальный (или т.н. структурный) расизм, который может быть также связан с гендерной и сексуальной дискриминацией.

⁶ Лу Доббс — американский журналист и телеведущий, скандально известный своим негативным отношением к мигрантам.

Расистские плакаты швейцарских выборов 2007 года, изображающие четырех белых овец, прогоняющих черную, возымели эффект именно потому, что метафорический образ черной овцы скрывает расистское содержание. В отличие от них, Найджел Хастилоу, кандидат от британской Консервативной партии, вынужден был уйти в отставку из-за упоминания известной речи о «реках крови», принадлежащей открытому расисту Эноху Пауэллу. Неприкрытый расизм делегитимизирует биовласть куда больше, чем нарушения закона в сфере сексуального поведения. Поэтому, чтобы противостоять противостоянию повстанцам, требуется вскрыть и прояснить расизм, представляющий первичную угрозу голой жизни в прошлом и настоящем. Этот расизм показывает, что в Новое время в районе Атлантики рабство, а не римское право, было основой авторитета режима чрезвычайного положения. Биовласть — это не только историко-политическое образование, порождающие расистские эффекты, но и теория, в которой эта власть имеет расистский характер.

Марта Рослер.
Из серии «Война
с доставкой на дом:
дом, милый дом.
Новая серия»
(посвященной войне
в Ираке) (2004–2008)
© Martha Rosler

Если все это кому-то кажется далеким от практической дискуссии о чрезвычайном положении, я позволю себе с этим не согласиться. Как писал нацистский теоретик Карл Шмитт, чрезвычайное положение в первую очередь характеризуется способностью принимать решение (*Agamben*, 30—31). Есть принципиальные случаи, в которых к решению и решительности как единственному основанию решения невозможно апеллировать, потому что в противном случае режим власти решения окажется расистским. Это противоречие наиболее ча-

сто наблюдается, когда требуемая реконструкция социальной ткани не может быть проведена из-за того, что ей препятствует предшествующий процесс формирования расистских установок. В Соединенных Штатах такое противоречие недавно получило имя «Катрина» (название урагана. — *Прим. ред.*).

«Катрина» показала, как в городском пространстве Нового Орлеана существуют остатки расизма времен рабства, расовой сегрегации и так называемого Нового Юга. Суверенное чрезвычайное положение нельзя было использовать от имени расово дискриминируемого Другого иначе, как уничтожив могущество силы закона. Кроме того, «Катрина» была одним из многих событий, которые ясно обозначили, что угроза голой жизни сегодня приобретает планетарный масштаб, охватывая животную и растительную жизнь так же, как и вопрос выживания человека. Изменение климата определенно является результатом использования человеком биополитики, но ответ на него требует революции в биополитическом деле, соответствующей и противостоящей революции в деле военном. Подумайте обо всех этих военных джипах, в которых в лучшем случае уходит один галлон топлива на восемь миль, не говоря уже о танках М-1, которым одного галлона хватает для того, чтобы проехать расстояние чуть больше мили, не говоря уже о кондиционированном дворце, где расположилось новое американское посольство в Ираке. В то же время визуализация планеты, которой требует эта биополитическая революция, оказывается адекватной антитезой визуализации, используемой в противостоянии повстанцам. Презентация, которую сделал Эл Гор-младший, вышедшая в виде фильма «Неудобная правда», с потрясающими, но простыми изображениями тающих ледников и высохших озер показала, что можно сделать. Эта контрвизуальность работает, потому что, будучи историчной и используя сравнительный подход, она тем не менее дает возможность зрителю самому решить, что он увидел, в то же время, конечно, наводя его на определенные мысли. Эти изображения «естественной» катастрофы, случившейся по вине человека, являются контрапунктом по отношению к войне как культуре. В мире генетически созданных продуктов питания, растений со встроенными пестицидами и клонированных овец не вызовет удивления, если кто-то скажет, что то, что когда-то было природой, стало культурой. Для того чтобы бросить вызов этому мнению, мы должны сделать еще один шаг. Чтобы вернуть себе глобальное в планетарном смысле, противоп-

ложном потокам капитала, и отказаться уравнивать культуру с войной, необходимо визуализировать то, как капитал стал природой, породив войну в качестве культуры.

Список литературы

- Agamben, Giorgio. *State of Exception*. Trans. Kevin Attell. Chicago: U of Chicago P, 2005. Print. (Русский перевод с итальянского М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова: Джорджо Агамбен. *Номо Сасер*. Чрезвычайное положение. Издательство «Европа», 2011.)
- American Anthropology Association. *Public Affairs*. Nov. 2007. Web. 15 June 2008.
- Arendt, Hannah. *New York: Viking, 1963*. Print. (Русский перевод с английского И. Косича: Ханна Арендт. О революции. Издательство «Европа», 2011.)
- Bacevich, Andrew. *The Petraeus Doctrine*. *The Atlantic*. Oct. 2008. Web. 22 March 2009.
- Brown, Malcolm. *A Touch of Genius: The Life of T.E. Lawrence*. New York: Paragon, 1989. Print.
- Carlyle, Thomas. *On Heroes, HeroWorship, and the Heroic in History*. 1841. Notes and Introd. Michael K. Goldberg. Text established by Michael K. Goldberg, Joel J. Brattin, and Mark Engel. Berkeley: U of California P, 1993. Print. *The Norman and Charlotte Strouse Ed. of the Writings of Thomas Carlyle*.
- Chandarasekaran, Rajiv. *Imperial Life in the Emerald City: Inside Iraq's Green Zone*. New York: Knopf, 2006. Print.
- Foucault, Michel. *Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France 1975—76*. Trans. David Macey. New York: Picador, 2003. Print.
- Galloway, Alexander. *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. Minneapolis: U of Minnesota P, 2006. Print.
- Gootman, Elissa. In *Bronx School, Culture Shock, Then Revival*. *New York Times*, 8 Feb. 2008: A1. Print.
- In Memoriam. Human Terrain System. United States, Dept. of the Army. 14 Apr. 2009. Web. 19 March 2009.
- Iraq Index: Tracking Variables of Reconstruction and Security in Post-Saddam Iraq. Ed. Michael E. O'Hanlon and Jason H. Campbell. Saban Center for Middle East Policy, Brookings Inst. 26 Feb. 2009. Web. 8 Apr. 2009.
- Keesing, Roger. Rethinking Mana. Fortieth Anniversary Issue 1944—1984. Spec. Issue of *Journal of Anthropological Research* 40.1 (1984): 137—56. Print.

- Kurtz, Stanley. *Assimilation Studies, Part II*. National Review. 22 Mar. 2007. Web. 7 Oct. 2007.
- *Marriage and the Terror War*. National Review. 16 Feb. 2007. Web. 7 Oct. 2007.
- Lawrence, T.E. *Secret Dispatches from Arabia*. London: Golden Cockerel, 1939. Print.
- Mayer, Jane. *Whatever It Takes*. New Yorker, 19 Feb. 2007. Web. 16 June 2009.
- Mirzoeff, Nicholas. *On Visuality*. Journal of Visual Culture 5.1 (2006): 53—79. Print.
- Murphy, Cullen. *Are We Rome? The Fall of an Empire and the Fate of America*. New York: Houghton, 2007. Print.
- Noah, Timothy. *Meet Mr. Shock and Awe*. Slate. 1 Apr. 2003. Web. 20 Sept. 2007.
- Orwell, George. 1984. New York: Signet, 1990. Print. (Русский перевод с английского Гольшева В.П.: Джордж Оруэлл. 1984.)
- Power, Samantha. *Our War on Terror*. New York Times Book Review. 29 July 2007. Web. 16 June 2009.
- Rancière, Jacques. *Aux bords de la politique*. Paris: La Fabrique, 1998. Print. (Русский перевод с французского Б.М. Скуратова: Жак Рансьер. На краю политического. Праксис, 2006.)
- Reid, Julian. *The Biopolitics of the War on Terror: Life Struggles, Liberal Modernity, and the Defence of Logistical Societies*. New York: Palgrave, 2006. Print.
- Retort. *Afflicted Powers: Capital and Spectacle in a New Age of War*. New York: Verso, 2005. Print.
- Ricks, Thomas. *Fiasco: The American Military Adventure in Iraq*. New York: Penguin, 2006. Print.
- *Rising to the Humanitarian Challenge in Iraq*. Briefing paper 105. N.p.: Oxfam and NGO Coordination Committee in Iraq, 2007. Print.
- Riverbend. *Baghdad Burning*. 29 Dec. 2006. Web. 5 July 2007.
- United States. Dept. of the Army. *Counterinsurgency*. Washington: Headquarters Dept. of the Army, 2006. Print. Field manual 3—24.
- The U.S. Army / Marine Corps *Counterinsurgency Field Manual*. Fwd. John Nagl. Introd. Sarah Sewall. Chicago: U of Chicago P, 2007. Print.
- Young, Robert. *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*. London: Routledge, 1995. Print.

Третья мировая: началась, на подходе, невозможна, придумана?

Ветеранов Третьей мировой не будет
Уолтер Мондейл

О чем думают политологи, философы и художники, когда слышат о Третей мировой войне: Фельгенгауэр, Бифо, Митрофанова, Магун, Житлина, Штейерль

Антимилитаристский номер «Разногласий» после опросов о прошлом (о Первой мировой и Гражданской войнах в России) и настоящем (о войне в Сирии) переходит к опросу о будущем — о Третей мировой войне. Что такое «Третья мировая»: фантазия, реальная угроза, некорректное использование термина? Так как будущее — вещь, которую можно предчувствовать и ожидать очень по-разному, к участию в опросе были приглашены мыслители разного профиля: художники, философы, военные аналитики.

В итоге «Разногласиям» ответили:

Павел Фельгенгауэр

Франко «Бифо» Берарди

Артемиий Магун

Алла Митрофанова

Ольга Житлина

Хито Штейерль

Хубертус ван Амелюнксен

Четвертая мировая война

Павел Фельгенгауэр

военный аналитик, который видит реальную угрозу Третей мировой

Подготовка к мировой войне определяется основными доктринальными документами, принятыми Российской Федерацией, — а именно: Планом обороны РФ от 29 декабря 2013

года. Это секретный документ, мы знаем, что министр обороны Шойгу принес его Путину и тот подписал. Примерно известно, о чем там идет речь: утверждается растущий риск как региональных конфликтов, так и глобальной ядерной войны к 2030 году, когда, согласно документу, могут начаться ресурсные войны. Генштаб предполагает ресурсный кризис после 2025 года, что будет расти нехватка ресурсов, в первую очередь топливных: спрос будет увеличиваться, а предложение не будет его удовлетворять, подскочат цены. И что тогда на Россию со всех сторон нападут разные страны, ведомые США. Идея такого кризиса обосновывалась еще примерно лет пять-десять назад,

«

**Генштаб предполагает
ресурсный кризис после
2025 года и что тогда
на Россию со всех сторон
нападут разные страны,
ведомые США.**

»

когда цены на нефть и газ действительно росли и предполагалось, что они будут расти все больше и больше — и соответственно будет расти угроза войны. Это была, как мы видим, ошибка, но признавать ее никто не хочет — это никому не выгодно ни в Генштабе, ни в Минобороны, ни, например, Сечину. Так что доктринальные документы никто не отменял, идет полномасштабная подготовка к войне, на которую потрачено уже около триллиона долларов — по сути, это то, на что сейчас работает Российская Федерация как государство. Хотя при этом у нас экономический кризис, ведь прогноз о росте цен на нефть не оправдался.

В любом случае Третья мировая — не просто плод фантазии обывателей, а то, что прописано в государственной доктрине.

Путин регулярно говорит о выполнении плана перевооружения (например, говорил на прошлой неделе) и о наращивании ядерного вооружения. Проходят учения ГТО, в которых вроде бы уже 50 миллионов человек участвовали этой осенью. Строятся оборонительные рубежи: Арктический, Тихоокеанский от Чукотки до Владивостока, на юге — по всем фронтам, как было в СССР, хотя обоснования тогда были другие. Крым и Сирия — это тоже подготовка к предполагаемой войне.

«

Зачем в Москве перелопатили осенью улицы? Чтобы могли садиться вертолеты.

»

Или, например, зачем в Москве перелопатили осенью улицы? Чтобы могли садиться вертолеты. Москва была опутана проводами разных частных компаний, перекинутыми от дома к дому, и это мешало потенциальной эвакуации Путина и высшего военного руководства с помощью вертолетов. Для этого чуть раньше перевели Генштаб на Фрунзенскую набережную, сделав плавающую вертолетную площадку на реке — а также чтобы иметь возможность эвакуироваться на скоростных лодках. И в Кремле, кстати, тоже сделали площадку для вертолетов.

Разумеется, такой подготовкой занята не только Россия. Гигантские деньги расходуются и в других странах — например, американский ВПК тоже требует финансовых вливаний. И все с удовольствием этим занимаются.

И пусть даже предпосылки Плана обороны РФ ложные, но когда идет подготовка к войне, она иногда случается. Пока идут отдельные стычки, наши конфликты с США или имеют форму гроху-войн, или сводятся к гибели отдельных транспортных средств — самолетов, например. Но есть и угроза ядерной войны — точнее, есть склонность использовать эту угрозу, как во времена холодной войны, рассчитывая, что противник

не готов пойти на ядерный конфликт. В США это называют *brinkmanship*, а у нас — «балансированием на грани». А когда балансируешь на грани ядерной войны, есть риск сорваться. В СССР мы так не сорвались — но если посмотреть, что смотрит Путин, то может стать тревожно: он вообще не читает интернет, главный его источник в медиа — программы Киселева, которые он просматривает в записи, а Киселев там рассказывает про «радиоактивный пепел». Кроме того, Путину приносят доклады разведки, которые ничем не лучше, — лжи там, может быть, даже больше.

Франко «Бифо» Берарди

философ, у которого взяли интервью

— Как вы думаете, ждет ли нас Третья мировая война?

— Люди любят думать о новых процессах и событиях, используя готовые шаблоны из прошлого: то, что мы видим в 2016-м, кажется нам очень похожим на фашизм и мировые войны. Это понятное движение мысли, но неверное. Я не отрицаю, что социальная динамика последних лет в Европе и по всему миру очень похожа на процессы, происходившие в 20-е и 30-е годы XX века. Так же, как и тогда, финансовый капитализм разрушает общество и унижает работающих, а они ищут способы мести, козлов отпущения — врагов на расовой или религиозной почве. Как и в 30-е, национализм как способ возмездия за уни-

жение рабочих замещает социальную солидарность. Рабочие так же поддерживают национальную агрессию, пытаясь восполнить то, что они потеряли из-за глобализации. Как и в 30-х, они не получают ничего, кроме войны — и она распространится повсюду. Тем не менее важно не упускать из виду, что экономические и технологические условия сегодняшнего фашизма совершенно иные, и главная разница состоит в отношениях между политической силой и гиперсложностью технологической среды. Фашизм был попыткой снизить сложность общественной организации путем объединения нации. Сила была сосредоточена в Воле — фюрера, партии и государства. Фашистская мифология базировалась на потенциях Сверхлюдей, которые взяли на себя задачу победить сложность мироустройства.

«

Победа Трампа создала условия для того, что Лев Троцкий называл «двойной властью». В США готовятся две гражданские войны.

»

Сегодня миф силы утрачен, нами правят депрессия и бессилие. Политическая воля не может упростить бесконечную сложность глобальной машины. Не может взять под контроль невообразимую скорость информационных потоков. Нынешняя война — это результат социального бессилия и беспомощности политических сил.

Силовая машина будет становиться все более и более шизофреничной. Глобальные корпорации, особенно технологические и финансовые, не примут протекционизма, идеологически продвигаемого Трампом и его последователями во всем мире. И военный комплекс США не заинтересован в стратегическом отступлении и изоляции.

Я думаю, победа Трампа создала условия для того, что Лев

Троцкий называл «двойной властью». В США готовятся две гражданские войны. Первая — война ЦРУ против ФБР, военно-промышленного комплекса против полиции и разведки, белого либерального космополитичного истеблишмента против набирающих мощь сил Ку-клукс-клана, уже проникших в Белый дом. И вторая война — между ККК (белые рабочие, униженные финансовым капиталом, озлобленные и недалекие) против афро- и латиноамериканцев.

— Как будет выглядеть Третья мировая? Кто будет в ней участвовать?

— Это не будет Третьей мировой войной. Нависшая над нами глобальная война не будет похожа на две мировые прошлого века. Сегодня невозможно создавать длительные альянсы или определять линии фронта: перманентных союзов больше не существует, старый фронт НАТО исчезает, на Ближнем Востоке одновременно на одних и тех же территориях идут разные войны (шииты против суннитов, Саудовская Аравия против Ирана, Турция против курдов и многие другие). Это не войны между национальными государствами. Это гражданские войны, глобальные, детерриториализированные и множасьщиеся.

Эта война приходит во время кульминации неолиберальной эры приватизации всего. В первое десятилетие нового века мы наблюдали, как набирают силы частные военные корпорации — *Halliburton*, *Blackwater* и прочие. Большинство актантов сегодняшней войны — частные армии, частные агентства. *Daesh* — это неолиберальная контора, которая нанимает молодых людей из бедных стран Ближнего Востока и Европы, чтобы они получали зарплату, да и удовольствие за возможность мародерствовать, насиловать и обезглавливать. Коммерческая армия, обслуживающая наркоторговлю в Мексике и в других местах, — это неолиберальный подход к оптимизации доходов. Государственные армии — теперь только часть военного ландшафта. Приватизация войны умножила количество заинтересованных игроков и сделала невозможными политические решения. Поэтому нынешняя война не закончится через четыре-пять лет, она будет идти вечно. Эта глобальная гражданская война закончится, только когда человеческая цивилизация будет разрушена. Если не возникнет новая субъективность — из современного состояния труда, некая новая форма межнациональной солидарности, которая может появиться из пепла скончавшегося прогрессивного левого движения прошлого века.

— Когда началась эта война?

— Я думаю, глобальная гражданская война началась в начале нашего столетия. Более точно дату объявления войны можно определить двумя происшествиями летом 2001-го. Репрессивная агрессия глобальной восьмерки против 300 тысяч рабочих и студентов в Генуе и фантастический шедевр терроризма — 11 сентября в Нью-Йорке. Темная гениальность бен Ладена и темная тупость Джорджа Буша помогли зажечь огни войны повсеместно.

«

Большинство актантов сегодняшней войны — частные армии, частные агентства.

»

— **Что делать тем, кто против войны?**

— Первая задача независимых людей на Земле — это уходить от войны, создавать пространства выживания и нормальной жизни одновременно с подготовкой (возможной, но пока не существующей) рекомпозиции когнитивных работников всего мира. Нам нужно выжить, найти способы сохранить себя и подготовить мир к тому, что будет после. Но мы не можем сделать ничего, чтобы остановить насилие, убийства и распространение войны. Слишком поздно. Поэтому мы и не видим ничего похожего на движение за мир в Ираке в 2003-м. Сотни миллионов людей по всей планете вышли на демонстрации 15 февраля 2003-го. Они сказали «нет» войне. И на следующий день самый ужасный преступник сегодняшней мировой истории, идиот по имени Джордж Буш, объявил, тупо улыбаясь, что война против Саддама Хусейна уже началась. Только это была не война против Саддама, это была война против человечества. И сейчас, в 2016-м, мы наблюдаем ее естественное развитие.

— **Возможно ли вывернуть Третью мировую в Первую глобальную революцию?**

— Сейчас не время быть наивным и заниматься риторикой.

Не время выдавать желаемое за действительное. Нам нужны реализм и визионерская мысль, направленная в будущее. Революции не будет, потому что это слово сегодня ничего не означает. Революция значит возможность политической трансформации, но сегодня политика бессильна. Мир оккупирован не политическими силами, а технологичными армиями. Мы обязаны думать о защите своих жизней, своих пространств. И, мне кажется, цифровое поколение совершенно потеряло умение думать о насилии как инструменте самозащиты.

«

Нынешняя война не закончится через четыре-пять лет, она будет идти вечно.

»

— Каковы шансы когнитариата в информационной войне?
— Мои дорогие, не обманывайте себя. Мировая информация полностью находится в руках двуглавой силы глобального криминального класса: финансовая голова и фашистская голова делят информационное пространство. Медиаактивизм стал невозможен с тех пор, как *WikiLeaks* стали инструментом внутрикапиталистической борьбы в руках глобального Ку-клукс-клана, борющегося за влияние с мировой финансовой диктатурой.

Тем не менее то, что я вижу, — это неполная картина. Я не могу себе представить, как будет развиваться ситуация в США в ближайшие два месяца. С очень большой долей уверенности можно утверждать, что США сейчас находятся в состоянии внутренней войны, потому что государственный аппарат сломан, а американский истеблишмент занят одновременно на двух внутренних фронтах. Но я не знаю, насколько американское общество готово к гражданской войне. Я не знаю, что будет происходить на улицах, в университетах, на рабочих местах, в местных сообществах. Что произойдет на американских улицах в неделю инаугурации административ-

ции ККК? Возможно, гражданская война уступит место процессу автономизации? Начнет ли когнитариат процесс отделения городских пространств от нацифицированной деревни? Сможет ли Америка в XXI веке реализовать что-то похожее на испанскую Гражданскую войну — можем ли мы ожидать, что J20 (участники демонстрации 20 января (J20) 2005 года против инаугурации Джорджа Буша. — *Ред.*) в США начнут новое всемирное сопротивление Великой диктатуре белых шовинистов и финансовых эксплуататоров?

Артемий Магун

политический философ, который отнесся к вопросу скептически

По-моему, тема Третьей мировой актуализирована в первую очередь в желтой прессе, я не вижу никакой ее актуализации в серьезных обсуждениях. Даже неясно, между кем и кем Третья мировая война может состояться. США имеют какие-то серьезные противоречия с Китаем, Россия им не соперник, союзников у них нет, значит, не может быть никакой мировой войны. В худшем случае сдадут нервы и кто-то случайно нажмет кнопку, но, согласитесь, это не мировая война, а просто несчастный случай с быстротечными последствиями ужасающего толка. То, что мы наблюдаем сейчас, — это спорадическая агрессия разных стран, но ни о какой мировой войне речь не идет. Вот, например, убит посол России в Турции, в былое время это явный *casus belli*, но сейчас мы увидим лишь консолидацию международных элит против «террористов».

«

В худшем случае сдадут нервы и кто-то случайно нажмет кнопку, но, согласитесь, это не мировая война.

»

Алла Митрофанова

философ, теоретик и практик киберфеминизма

Третья мировая война — это масс-поп-мизогинный проект, в который, судя по гугл-опросу, вовлечены и юные радикалы, и церковные старцы. Этот проект возможен, только когда предполагается природный ресурс детородной феминности, который рождает людей в избытке и естественным образом. И поскольку такое производство людей идет само собой и ничего никому не стоит ни в финансовом, ни в политическом смысле, то мизогинны готовы биться с врагами по всему свету и жаждут очищения в огне как главной меры наказания и воспитания младших чинов. Освободившееся от индустриальной работы население уже давно занялось эскалацией традиционного гендерного милитантного воображения — переноса своих проблем на воображаемого противника. Если мы будем считать, что наше поведение все более опосредовано технологией, в том числе массовым опытом компьютерных игр (не беру здесь авангардные усилия *pop-games*, т.н. научных игр), то эскалацию милитаризма можно легко пронаблюдать по этим играм. Показательным случаем можно считать одновременный выход на рынок в середине 90-х «Тамагочи» и *Doom*. Они быстро захватили миллионы игроков, но общество выступило против прототипа *AL* — тамагочи. Говорили об опасности любви к виртуальному псевдосущему, защищали психику детей от излишней привязанности. И очень немногие выступали против стрелялок как милитаристского и империалистского дискурса, внедряемого в малолеток. Игры в танчики, прокачка воина массово вытеснили слабую попытку тамагочи привить заботу и настроить многоходовые эмоциональные симбиозы с другим. Это опять гендерно не невинная метафизика, это

решение настаивало на наци-гуманизме, т.е. на том, чтобы не дать право голоса виртуальному и технологическому существу, которое может выступать только как молчаливый ресурс для покорения мачо-гуманоидом. Тамагочи не стали поводом для интенсивного развития технологий искусственной жизни (AL), а были гендерно дискредитированы как игры для девочек, чьи функции были сведены до задач кормить и убирать кашки. Мизогинное гендерное воображение не увидело ничего странного в том, что забота как функция игры признана опасной и вредной для детской психики, а убийство как функция — увлекательна и полезна. С тех пор как смысловое наполнение играм было выбрано, оставалось развивать только прикладные технологии: больше пикселей, т.е. натуральности, и больше функций (убивать) и командных действий (мы против них).

«

**Поскольку производство
людей идет само собой,
то мизогины готовы биться
с врагами по всему свету.**

»

Я говорю не о конкретных девочках, но о бинарной метафизической функции, которая выстраивает смысл действия как покорение и колонизацию. Критический подход к такому решению виден, только если мы пытаемся выйти за пределы этого подхода и говорить из иной позиции — вытесняемого и молчаливого «ресурса». Феминисткам, квирам, деколониальным исследователям этот подход виднее, чем тем, кто хочет отождествлять себя по гендерной модели бойца. Гендерное насилие, которое принуждает быть бойцом, обычно не замечается. Но есть и позитивный проект. Наблюдая изнурительную работу над собой, которой увлечены современные учителя, танцоры, литераторы и другие люди комплексного труда, а также мучительное «не знаю, куда себя деть» остальных, я прихожу к заключению, что работа переизобретения речи,

телесности и новой социализации наделена востребованной метафизической интенсивностью. Учитывая демографические процессы низкой рождаемости и позднего старения, предположу, что та культурно-политическая ситуация, которая справится с новыми вызовами гибкого обучения, психического и телесного самонаблюдения и активного продления жизни, сможет поднять на порядок интеллектуальный и творческий потенциал всех граждан и проложит путь в будущее. В этом случае можно будет преодолеть тревогу, вгоняющую в панику

«

**Забота как функция
игры признана опасной
и вредной для детской
психики, а убийство
как функция — увлекательна
и полезна.**

»

и порождающую примитивные формы мизогинного милитаристского воображения. А в игровой индустрии нужно вернуться назад, к упущенной перспективе «Тамагочи», и массово обратиться к созданию дружественных симбиозов антропоса с технологией и экологией. Нужно возвращение приоритета массового доступного образования и изменения технологического воображения с прикованности к угрозе уничтожения на заботу и сотрудничество. Нужны дискредитация и высмеивание «метафизического простодушия» милитаристского языка технологии и освобождение технологии от бинарного гендерного воображения (ни ресурс-мать, ни власть насилия — отец). Свободная от эксплуатации и милитаризации технология может стать партнером в новом культурном самопереизобретении. «Мечи — на орала, а копыя — в серпы».

Ольга Житлина

художница, которая ответила на вопрос рассказом писателя Амира Низара Зуаби «Подземное гетто Газа»

Десять лет и семь операций спустя миссия выполнена. Верхняя Газа полностью оставлена. Вся Газа переместилась под землю. Мужчины, женщины, дети — великое множество людей.

Мы вырыли целые районы, улицы, шоссе, школы, театры, больницы. Мы вырыли зеркальное отражение той местности сверху, которую мы покинули. Мы оставили надежду вырваться из сектора Газа; оставили надежду на обещания снятия блокады, решение проблем перенаселения, голода, и мы взялись за дело. Мы, те, кто был атакован с неба, с моря, с полей, те, кого закидывали бомбами весом в тонну в бессмысленной круговерти убийства, отвернулись от жизни. Мы, те, о ком мир забыл, решили отплатить ему тем же.

Мы разочаровались в мире страха и крови, и нашим единственным убежищем осталась земля. Мы похоронили себя заживо.

Теперь, десять лет с тех пор, когда мы начали копать, миссия завершена. Глубоко-глубоко под миром живых есть целый город — гетто Газа, подземный город. Он глинистее, тише и намного больше. Здесь почти не слышно взрывов огромных бомб, и только легкое-легкое дрожание потолка напоминает о танках, круша-

щих улицы. Мы рыли вглубь почву Газы сквозь толщу времен. Нам попадались кости, останки, какая-то комната с ослиной челюстью, длинная коса Самсона, бедренная кость Далилы, кость, когда-то державшая плоть раздвинутых ног. И мы нашли две разрушенные колонны древнего храма. На одной мы увидели полустертую выцарапанную надпись: «Помни меня, дабы отомстить за оба моих глаза». Глинистая почва Газы всегда была на стороне отчаяния и отчаявшихся.

«

**Мы оставили надежду
вырваться из сектора
Газа, оставили надежду
на обещания снятия
блокады, решение проблем
перенаселения, голода,
и мы взялись за дело.**

»

Мы рыли и рыли, голыми руками, сломанными ногтями. Мы закопались так глубоко и так далеко, что отменили блокаду, границы, понятия мира наверху. Мы копали подо всей этой чужью, мы, беженцы земли, продолжали копать во всю ее глубь и ширь. Мы вернулись в нее, в ее недра. Мы осуществили подземное право на возвращение¹.

Сначала до нас доносился сверху шум Тель-Авива. Мы слышали крики введомых пропагандой стад: «Смерть Газе!», «Смерть художникам!», «Смерть тем, кто не хлопает!», «Смерть тем, кто не соблюдает правил!», «Смерть жизни!» И мы слышали звуки шагов, сливающихся в унисон, пока они не превратились в военный марш, который вытоптал все.

¹ «Право на возвращение» — израильский закон, по которому евреи имеют право эмигрировать в Израиль и получить гражданство.

Заткнув уши, мы продолжали рыть дальше. Мы не хотели ничего слышать, мы хотели убежать. Мы рыли так глубоко, что достигли Стикса, реки мертвых. Старый лодочник окинул нас безнадежным взглядом и развернулся. Но что за прок в его маленьком суденышке рекам крови, морю людей, людям Газы? Мы переплыли ледяные воды, и достигли холодного скалистого берега, и снова продолжили копать по ту сторону жизни и далеко за пределами времени.

«

**Мы разочаровались
в мире страха и крови,
и нашим единственным
убежищем осталась земля.
Мы похоронили себя
заживо.**

»

Мы ослепли. Но к чему зрение в крошечной тьме? Мы становимся белее изо дня в день, почти прозрачными, как воск свечи. *From dust to dust was the blessing in every mouth, quietly* — мы больше ничего не слышим. Ни двойных стандартов, ни тысяч бомб, ни тоскливых криков атакующих. Здесь мы слышим лишь постоянное механическое вгрызание в землю. Здесь, во тьме, существует лишь чистое, полное отчаяние, отчаяние, заставляющее нас рыть и рыть дальше.

И мы начали надеяться, что если мы будем продолжать копать вглубь, к самому ядру, без остановки, если мы перфорируем землю, как соты, если мы истончим ее, как шелк, то, может быть, она вдруг обрушится и перевернется. И, как крошки и осколки стекла с упавшего на пол подноса с грудой кофейных чашек и печенья, все смешается воедино. Не будет ни верха, ни низа. Правила изменятся. И мы сможем сказать со вздохом облегчения: вот небо вперемешку

с морем, вот Шуджайя² вперемешку со Сдеротом³, вот Зейтун⁴ вперемешку с Масличной горой, вот сострадание, смешанное с избавлением, вот человек, смешивающийся с человеком. И мы узнаем, что спасены от необходимости жить мертвецами, на которую мы были обречены, и теперь мы примкнем к высшей жизни и вместе выстроим новую землю.

И весь народ поднимется на поверхность, бледный и обезцвеченный, ослепленный бьющим по земле солнцем. И мы будем тихо стоять, ожидая, пока глаза привыкнут к свету. И пока мы стоим в тишине, в наши сердца постепенно закрадутся страх и тревога, что, пока мы спасались в убежище подземной Газы, земля наверху, оставленная и опустошенная, зажила своей жизнью.

Хито Штейерль

художница, которая тоже ответила на вопросы цитатой

[Командир Мерьем Кобани из Отрядов женской самообороны \(YPJ\)](https://rojavareport.wordpress.com/2014/08/01/interview-with-ypj-commander-in-kobane/) в сирийском Курдистане:

«Без сомнения, один из самых эффективных способов принудить нацию сдаться, разрушить ее волю и сделать ее зависимой от себя — это привязать ее к себе экономически. Это современная капиталистическая стратегия. Сначала заставить голодать, а потом принимать капитулировавших. Практика,

<https://rojavareport.wordpress.com/2014/08/01/interview-with-ypj-commander-in-kobane/>

² Район Газы.

³ Город на юге Израиля.

⁴ Район Газы; название буквально переводится как «оливковый».

известная по многим конфликтам, уже с Первой и Второй мировых. Здесь, в Кобани, уже год нет воды. Нет электричества. Нет торговли. Ничто не поступает извне и не уходит вовне. Это тоже настоящая война. Люди вынуждены уходить, потому что у них отняли работу и хлеб. Это специфическая война, и сдаваться в ней очень унижительно. Эффективных методов ведения этой войны разработано немало. Но и сопротивления и героизма у нас не меньше. Могу вам рассказать о психологической войне. Каждый день где-то случается перестрелка.

«

**Где-то стреляют
из миномета, и дети на спор
предсказывают, где рванет.
Играют отстрелянными
гильзами.**

»

А здесь живут люди, они не все солдаты. Их жизнь изменилась. Где-то стреляют из миномета, и дети на спор предсказывают, где рванет. Играют отстрелянными гильзами. В этом есть что-то нечеловеческое. Вместо игрушек — минометы и гильзы. Это страшно для сообщества. Но одновременно появляются новые формы связей. 10-летний подросток подходит ко мне на улице и говорит: “Хевал (друг), не ходи по этой дороге, там засада”».

Хубертус ван Амелюнксен

президент The European Graduate School (EGS), который не смог дать мейл Поля Вирильо, потому что тот не пользуется электронной почтой

Кто-то шутит о Третьей мировой войне? Вы наверняка уже слышали, что дихотомия войны и мира больше не используется.

Блокадный канон

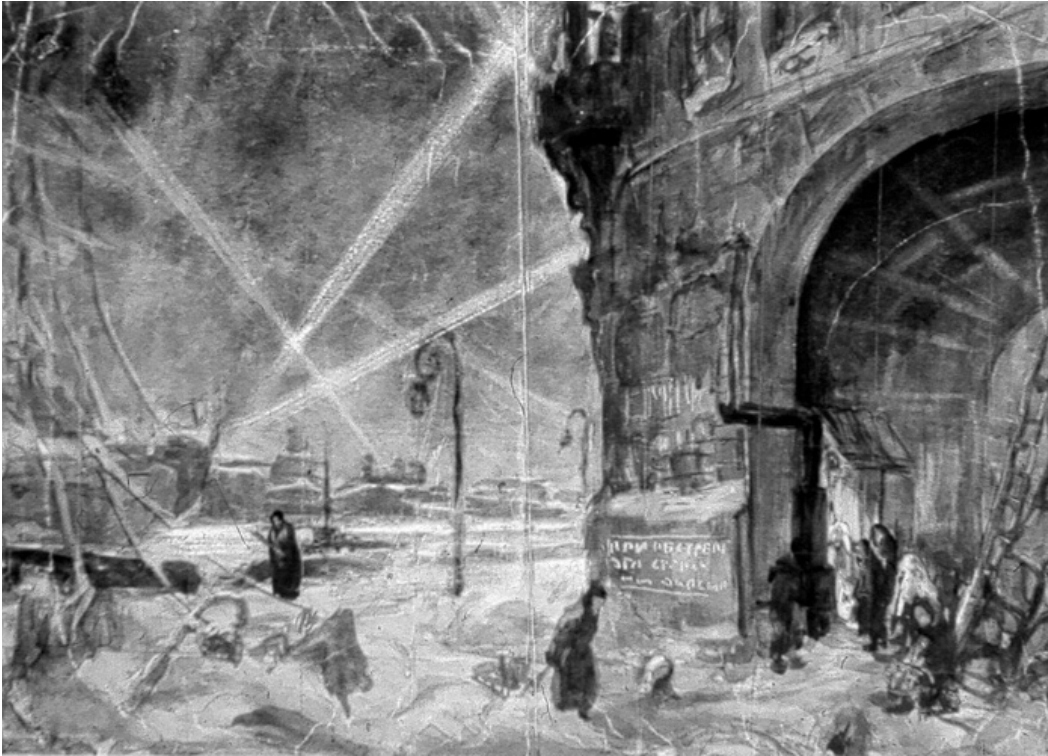

Рисунок Елены Марттилы

Писатель Николай Кононов о непарадной истине блокадного Ленинграда в рисунках Алексея Пахомова, Елены Марттилы и Валентины Тонск

Каждому, захватившему времена СССР хоть каким-то боком, доводилось сталкиваться с повсеместным изображением войны — и мы всегда узнаем некий канон, даже не постигая истории изобразительного искусства той поры: одного «военного» кино для осязания этого канона вполне достаточно. И мне порой кажется, что большинство художников, писавших военные сюжеты, бóльшее время проводили в кинотеатрах или у телевизоров, преломляющих военную историю, ну или листали газеты той поры, изучали фотохронику. Даже Вячеслав Пакулин, Владимир Гринберг, Александр Русаков, Георгий Траугот

— очевидцы блокады, делавшие зарисовки и писавшие этюды на улицах осажденного города, оставившие нам немало «блокадных» картин, творили по неизменному канону, невзирая на тиски смерти, буквально схватывавшие в ту пору не только блокированный город, но и их самих.

Рисунок
Алексея Пахомова

Рисунок
Алексея Пахомова

Советское искусство оказалось некоей надежной литературной столовой, где наличествовала прежняя пища, хоть и скудная, но не позволяющая всеохватной дистрофии (не только человеческого организма, но и города, языка коммуникаций) стать новой линзой и лексикой. Эти большие вообще-то художники-профессионалы, искренне изображая блокированный, гибнущий от обстрелов и бомбежек город и предсмертные будни его насельников, все равно изъяснялись на языке мнимой терапии, якобы гуманно не отнимающей надежду. Но, в сущности, они исполняли разрешенную государством-Левиафаном миссию (кому попало изображать прифронтовой город внимательными властями не позволялось), и иначе действо-

вать они и не могли. Посему все живописные и графические произведения «выставляющихся» (я пользуюсь этим термином по аналогии с термином «печатающиеся» Лидии Гинзбург — им она обозначала обслуживающих властный домен сочинителей) всегда производят впечатления разного рода — и высокой степени достоверности, и умелости, и мужественности, и соборезнования, и героизма, — но вот приписать им искренность, собственно, делающую их высокопрофессиональный труд искусством, вряд ли возможно.

«

Они, в отличие от взрослых профессионалов, изъяснялись на другом глубинном языке — всеохватной тоски, мирового голода и уже победившего повсеместного исторического абсурда.

»

Парадоксально, но список произведений о военной поре, способный предстать подлинным ее пантеоном, ничтожен и странен. Я никогда не мог отделаться от чувства ошеломления, буквально настигавшего меня, когда мне встречались рисунки детей и подростков той поры, в большинстве своем анонимные и уцелевшие случайно. Будто они (так и не ставшие социально признанными художниками), в отличие от взрослых профессионалов, изъяснялись на другом глубинном языке — всеохватной тоски, мирового голода и уже победившего повсеместного исторического абсурда. Ведь что такое тотальная жертва городского населения блокированного города, сравнимая по числу с ним самим, как не численное воплощение самой идеи абсурда, явленной, кстати, в этом же городе его выдающимися пасынками,

в большинстве своем не дожившими до блокады или не пережившими ее. Я имею в виду поэтов группы ОБЭРИУ.

Но в последние годы ужасающая, людоедская в прямом и переносном смысле мифология блокады, тихо бытовавшая все послевоенное время на территории семейного и дружеского круга, получила документальное оформление — обнародованы свидетельства разного рода, изданы дневники, ведомые на свой страх и риск (сошлюсь на издания совершенно различных дневников Любови Шапориной и Софьи Островской), также появились фундаментальные исследования этического катаклизма гибнущего вместе с населением города (например, скрупулезные исследования Ярова и культурософские — Сандомирской). Литература Лидии Гинзбург и Геннадия Гора, трактующая в прозе и лирике феномен невозможного расчеловечивания, принесла новый язык. То есть к сегодняшнему дню, через три четверти века после окончания войны, стало возможным судить об аутентичности искусства, о его аналитической силе и искренности, видеть в обратной перспективе зарождение небывалого языка, до сих пор не вправленного в канон.

Поэтому я останавлиюсь на «избранных аутентиках» (созданных именно в заблокированном умирающем городе) выдающегося гранда советского пантеона Алексея Пахомова, члена ЛОСХа Елены Марттилы, обнародовавшей свои юношеские блокадные листы только в недавнее время, и восьмилетней Валентины Тонск, ведшей рисованный дневничок, не ставшей впоследствии художником в социальном смысле.

Елена Марттила.
На концерт

Классик

До сих пор не ясно, как Алексей Пахомов, приходивший в городскую больницу как донор зимой 1941—1942 годов, смог сделать зарисовки в больничном морге, куда доставлялись тела погибших и умерших. Написанные каким-то талым, «нечерным» карандашом, фигуры «жесткой жестикуляцией» развернуты в дугах бесконечного припадка. Эти дуги, проступающие вне плоскости листа, словно изливаются на зрителя ферментом одеревенения и отчуждения. Следы графита, линии, слабеющие и уплотняющиеся по логике невозмутимого документального касания, воссоздают из углеродистой ряби несуществующее,

«

**Будто Алексей Пахомов знал,
что увиденная им смерть
будет опорочена и нашим
созерцанием.**

»

но вещественное и весомое. То, к чему притронулась сама смерть. И то, к чему столько лет назад в блокадном холоду прикоснулся художник, видя и живописуя *это* как зрелище. Все это вычитывается из неукоснительной сверхжесткой и проникновенной логики рисования, будто рука художника, преодолев соболезнование и испуг, уже потянулась к столику с прожекторским инструментарием. Будто Алексей Пахомов доподлинно знал, что увиденная им смерть будет опорочена и нашим созерцанием. Мы, зрящие ее труды, превращаем мертвое в мощи, которые останутся с нами по сию сторону для нашей вящей силы. Будто на наших глазах перекодируется глубинный смысл *мертвення*, равного покою, сну, в то, что, будучи *смертвением* заодно, превышает его многократно и безмерно. С помощью приставки *с-*. И новое слово (краткое, как удар, во многих европейских языках) означает, что зыбкое и несущественное свелось в укол нового отсчета, жесткого и безмерно краткого, как удар.

Резкое, торопливо-точное чирканье великого художника

на мировом холоду. Он будто таким образом отмежевывается от смерти. А она не то что распростерта в поле его зрения, а захватывает и самое тело рисовальщика, сковывает и одновременно острит мышечную работу кисти, делает отчуждение пластического языка проводником морового тона.

Словно, трактуя смерть этих тел, он тоже держал в своей руке карандаш в последний раз. Он изобразил мертвые тела как полости, как сбитые в кошмар драпировки, которые ничего, кроме молчаливых пустот, в себе не содержат. Слово, содержание, рассказ о виденном — отменены. Это словно вспышка нового неведомого безмолвного языка, тут же угасающего при опознавании. Насыщая рисунки мертвым колоритом «вычитания», он уводил цветовые впечатления в минусовую зону видимостей, будто вычеркивал из доступного человеческому зрению светового арсенала любые намеки на живой пигмент. Противостоял ли художник ледяному абсурду, схватывающему живое, или был с ним заодно, порождая новый мертвый язык, — так и остается вопросом, ключ к которому — в нашем созерцании.

Рисунок Вали Тонск

Дева

Восемнадцатилетняя Елена Марттила создавала цикл зарисовок углем и гравюрных оттисков на картоне зимой 1941—1942 годов. Уже далеко после войны, в перестройку, они принесли ей известность. Истовость спонтанной экспрессионистской лексики, совершенно чуждой тогдашнему советскому мейнстриму, буквально проснувшейся в ней, и психологическая достоверность, присущая молодому наблюдателю, рисовавшему в ледяных тисках, пронизывают прошедшее с той поры время

и осязаются поныне. Как ни парадоксально, но художница, скорее всего, неосознанно эстетизировала виды разрушающегося мерзлого города, выискивала мотивы «прекрасного» в мерзлой кататонии несдвигаемых строений, многожды прославленных до нее, она словно изображает метафизический балет-галлюциноз, простирающийся в потусторонней бесчеловечной (в прямом и переносном смысле) среде. Возможно, по молодости лет она не была скована советским канонам и молодая фантазия брала свое. Экспрессия достоверного каким-то образом обнуляла самоцензуру. И потому ее сюжеты, театральные по сути, выглядят сегодня ледяной плащаницей, будто накинутой на страдания и смерть, и превращаются в действие, не имеющее конца. Таким образом художница преодолела статику пластического высказывания, «ушла» в глубину листа, создала психейный объем, сотворив «неоптическую» перспективу, одновременно незримую, но очевидную. Что это такое? Воспевание прекрасного посредством ледяного стилоса, холодящего руки, как ожог. Дмитрий Лихачев говорил, что краше блокированного умирающего города ему не доводилось видеть ничего.

«

**Дмитрий Лихачев говорил,
что краше блокированного
умирающего города ему не
доводилось видеть ничего.**

»

Конечно, самое ценное в пластическом языке Марттилы — лексика молчания, исчезновения слова как источника оценок, неосознанный поиск новых, невербальных, ценностей. Она, незнакомая с теорией бессознательного, своей трогательной нежностью будто провозглашает связность либидо и мортидо, расширяет границы личности, делает ее проницаемой и пластичной.

Материал картона, на котором отпечатаны гравюрные оттиски, каким-то волшебным образом только укрупнил молодое

чувство художницы, превратив плоскости в рыхлые мережи, в почву или снег, а линии — в мерцающие, рваные, нервные пунктиры. Картон оказался как нельзя кстати для «тиражирования» этого ледяного рисования.

Девочка

Но самой выразительной и парадоксальной в этом пантеоне представляется [Валентина Тонск](#), восьмилетняя девочка, профессиональным художником в дальнейшем не ставшая. Ее рисованный альбом был публично показан только в 2009 году и сразу стал событием. Валя всю блокаду вела концептуальный дневник-комикс (лучше сказать, дневник-макабр), мелкими нумерованными рисованными прямоугольничками с подписями, по несколько на альбомном листе. Она подписывала сюжеты своих картинок, чтобы никто не сомневался в достоверности ее труда. Последовательный отчет о событиях военных дней умирающего города сделан жесткой детской рукой не наперекор морозу и голоду, а словно с ними заодно. Она

<http://www.samara.kp.ru/photo/11187/>

Рисунок Вали Тонск

по-детски настойчиво документировала блокадные кошмары (машины с наваленными трупами, замерзшие прохожие, куски человечины в комнате людоедки, прочие атрибуты войны), которые видела дома и из высоких окон своей коммунальной квартиры, интерьеры и вещи которой рисовала точно так же, как и макабрические блокадные сюжеты: с умильным детским чувством уюта, что делает ее маленькие картинки пронзительными, как монументальный припадок общего тела.

Изображала ли она только то, чему достоверно была свидетелем, или же и те сюжеты, о которых говорили вокруг взрослые, сказать теперь невозможно. Но в контексте мифа о блокаде, дошедшего до нас, ее рисование выглядит абсолютным документом, не требующим специального подтверждения.

«

Тонск вернулась к зримой первооснове алфавита.

»

Рисунки Тонск напоминают абсурдные стихи Хармса, если бы они были написаны им графемами в военную пору. Потому что слов для этих изображений, кроме выцарапанных самой Вале́й Тонск, уже нет. Смысл ее языка стал зримым, как иероглифы. Она вернулась к зримой первооснове алфавита, и это, конечно, — открытие. Вот какой подписью снабдила Валя рисунок № 35: «Извозчик вилами собирает покойников». А вот № 43: «На углу торговка с человеческим студнем. Некоторые у нее покупали и ели». Оказывается, девочки умеют рисовать по-настоящему настоящие трупы и студни из настоящей человечины. И становится страшно так, что кто-то нужен еще — наподобие Бога, промыслившего это мировое неистовство. Но вот изобразить его смогли те, чьими руками водило само вещество войны.

Страшная сила очевидности. Читая Ивана Ильина

Михаил Нестеров.
Мыслитель (портрет
философа Ивана Ильина),
фрагмент. 1921

*Историк Илья Будрайтскис
о философе, предвосхитившем союз
путинского государства и РПЦ —
воина и монаха*

Иван Ильин — самый цитируемый философ путинского государства. На протяжении последнего десятилетия его высказывания были обильно представлены в публичных выступлениях чиновников, школьных курсах обществознания и просветительских выставках, посвященных восстановлению преемственности с «исторической Россией». Наследие Ильина, которое ректор МГУ Садовничий как-то назвал **«живой водой, воскрешающей нацию»**, напряженно изучают многочисленные кафедры русской философии. Сам президент неоднократно обращался к Ильину **в своих программных посланиях**.

<http://www.pravoslavie.ru/19495.html>

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>

Рассредоточенные в пространстве пропаганды, цитаты Ильина складываются в образ сурового и дидактичного государственника, который верил в органическое превосходство общих интересов над частными, особый путь России и национальное единство перед лицом внешних угроз. Однако фигура Ильина, непримиримого борца с большевизмом и одного из ключевых идеологов белой эмиграции, входит в явное смысловое противоречие с мотивом «национального примирения» советского и антисоветского, который должен стать определяющим в предстоящем официальном праздновании столетия революции. Не случайно в последнем послании Путина вместо ильинского было использовано высказывание Алексея Лосева.

«

Ильин важен для российской правлящей элиты не как политический, но как моральный философ.

»

Мое предположение состоит в том, что Ильин важен для российской правящей элиты в первую очередь не как политический, но как моральный философ. Ильин в качестве источника патриотических цитат для стенгазет путинских ведомств вторичен, но уникален как автор самой последовательной этической легитимации существующего сегодня в России порядка вещей. Согласно учению Ильина, к субстанциальному Добру, Божественной «силе очевидности», причастен вне зависимости от своих личных мотивов каждый элемент этой системы — тюремный надзиратель, полицейский, прокурор или генерал ФСБ. И поскольку силовики — ключевая составляющая политической и экономической власти, их мировоззрение в значительной степени оккупирует место «здорового смысла» для общества, создавая кажимость социального единства.

Это, конечно, не значит, что все силовики должны постоянно перечитывать тексты Ивана Ильина. Скорее, моральная концепция Ильина создает «стиль», фрагменты которого, отрываясь от непо-

средственного источника, воспроизводятся в сознании как оправдание и искупление непосредственных действий. Это, можно сказать, моральный «большой мотор», заводящий множество «малых моторов».

Философ насилия в своей эпохе

В 1925 году Иван Ильин, проживавший в Германии (после высылки на знаменитом «философском пароходе»), публикует книгу [«О сопротивлении злу силою»](#). Этот текст представляет собой не просто развернутую критику толстовства, но завершённую моральную философию авторитарного православного государства, в котором практически достигается единство духовного и политического. Такое единство для Ильина является трагическим, так как государство, являясь «органом Добра», не только не тождественно этому Добру, но и требует постоянного применения силы, пыток и казней.

Служение Добру само по себе не является добрым, но имеет несомненную добрую цель. Это трагическое противоречие определяет и личный путь православного воина, и историческое содержание эпохи — «грозные и судьбоносные события, постигшие нашу <...> родину», которые «проносятся опаляющим и очистительным огнем в наших душах».

Ильин создает свою версию оправдания насилия в десятилетие, когда борьба красных и белых, революции и контрреволюции покидает национальные границы России и становится глобальной — «европейской гражданской войной», согласно известному определению [Эрнста Нольте](#). Сторона Ильина в этой войне четко определена — это «белые воины», носители «православной рыцарской традиции», на которых возложена тяжесть государственной необходимости в эпоху, когда само государство и определяемое им единство общества утрачены. Эта утрата является, прежде всего, результатом морального упадка, основа которого — в «моральном гедонизме» русского образованного класса, забвении цели ради чистоты средств. Закон, который обеспечивал прежде превосходство Добра над Злом, разрушен, и в свои права теперь вступает стоящая выше Закона сокрушающая сила Любви.

Задача, которая стоит перед этой силой, — не только государственно-политическая, но и духовная: победа истинного христианства над мнимым, пацифистским, безвольным, сознательно или неосознанно потворствующим Злу. Именно поэтому в центре критики Ильина находится учение Льва Толстого

<http://www.philosophy2.ru/library/il/01/00.html>

<https://www.livelib.ru/book/1000610164-evropejskaya-grazhdanskaya-vojna-19171945-natsionalsotsializm-i-bolshevizm-ernst-nolte>

о непротивлении злу силой. Толстовство, казалось бы, полностью утратившее свое значение к середине 1920-х, представляет опасность в своей сути — как идея нравственной автономии личности. Эта идея превращается в книге Ильина фактически в синоним индивидуалистической «негативной свободы», принцип либеральной демократии, бессильный перед наступающим Злом.

В этом отношении Ильина стоит рассматривать как одного из мыслителей эпохи, сосредоточенных на переосмыслении роли насилия, — как и Владимир Ленин, Жорж Сорель, Карл Шмитт и Вальтер Беньямин. Такое сопоставление, конечно, требует отдельного анализа, но отмечу, что понимание насилия Ильиным вполне соответствует тому, что Беньямин определял как насилие «мифическое», т.е. **восстанавливающее власть по ту сторону логики права.**

<http://abuss.narod.ru/Biblio/benjamin4.htm>

Михаил Нестеров.
Святые воины
Пересвет и Ослябя.
Начало 1920-х.

О Добре и Зле

Пора определиться с содержанием этих принципиальных для Ильина категорий. Зло для Ильина — внутренняя духовная склонность каждого человека, имеющая исключительно личный, произвольный характер. Развитие Зла в душе протекает незаметно и лишь постепенно находит выражение через внешние поступки. Проблема в том, что и эти поступки не могут быть опознаны самим человеком как злые, но, напротив, чаще рассматриваются как проявление и расширение границ индивидуальной свободы от принуждения и контроля. Это чистое господство произвольного через «тело», которое «точно выражает и верно передает его душу во всем ее бессознательном состоя-

нии». Если Добро осознанно, то Зло бессознательно, оно узнается окружающими, но остается невидимым для самого злодея.

Необходима постоянная работа над собой, чтобы возвыситься над произвольностью своей личности и обратиться к «объективному совершенству», способности измерять свое «жизненное содержание мерой ее подлинной божественности (истинности, прекрасности, правоты, любовности, героизма)». Подавление произвольного в пользу объективного и подлинного требует проявления воли, укрепления «стен индивидуально-го Кремля, в построении которых состоит духовное воспитание человека».

В момент крушения государства, подрыва основ существования субстанциального, внеличного Добра Зло, напротив, становится внешним, видимым и торжествующим. Оно выходит за пределы личности и являет «миру свое духовное естество».

«

Победа истинного христианства над мнимым, пацифистским, безвольным, сознательно или неосознанно потворствующим Злу.

»

Таким образом, сознательная внутренняя работа никогда не достаточна, так как личностное соотношение между Добром и Злом определяется активной действующей волей других. Утверждать, подобно Толстому, что на человека нельзя оказывать давление и следует оставить его наедине со своей внутренней моральной битвой, означает самому уклониться от битвы, пассивно потворствуя проявлению Зла в ближнем. В столкновении Добра со Злом мы никогда не бываем одни — но, хотим мы того или нет, принадлежим миру. Невозможно вести внутреннюю борьбу, не вступая в борьбу за другого.

Активный, волевой ответ на произвол чужой личности является не вопросом выбора, но необходимостью и долгом, проявлением Добра в самом себе.

Фрагмент немецкой гравюры «Ведьмы в руках правосудия»

Понуждать и заставлять

Вот почему такое воздействие, согласно Ильину, вообще не следует называть насилием — ведь в нем не должно быть места личному произволу, чувству мести или «злой одержимости». Конечно, склонение другого к Добру («силе очевидности») может быть добровольным. Проявляющего внешне Зло человека можно убедить, раскрыть ему глаза на подлинный смысл его действий. В этом случае воздействие будет «органически-свободным», то есть принятым и понятым другим. Однако если этого осознания не происходит, действие в пользу Добра неизбежно происходит против желания другого, выявляя его подлинную волю и преодолевая сопротивление бессознательного. Ильин выражает эту мысль в филигранной гегельянской формуле — «воля к чужому волеию помогает безвольному осуществить волевой акт».

Начинается то, что Ильин называет «заставлением» — то есть «наложением воли на внутренний и внешний состав человека, который обращается не к <...> любовному принятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность». При этом важно, чтобы заставление воздействовало именно на осознание Зла в своем объекте, а не ограничивалось внешним формальным согласием. Вот как пишет об этом Иван Ильин: «Всякое такое воздействие на чужое тело имеет неизбежные психические последствия

для заставляемого — начиная от неприятного ощущения (при толчке) и чувства боли (при пытке) <...> понятно, что арестуя, связывая, мучая <...> человек не может распорядиться другим изнутри, заменить его волю своей волей». Чисто физическое понуждение имеет своим результатом лицемерие, но не внутреннее убеждение. Вот почему нужно сочетать психологическое воздействие с физическим, используя внешнюю уязвимость тела для понуждения к внутренней осознанности.

«

**Нужно сочетать
психологическое воздействие
с физическим, используя
внешнюю уязвимость тела
для понуждения к внутренней
осознанности.**

»

Добро выступает в качестве чистой физической силы уже на следующем этапе — внешнего, агрессивного проявления Зла, которое должно быть немедленно пресечено. Там, где человек является «сильным во зле», общественно организованное психическое понуждение, облеченное в форму закона и авторитета, уже бессильно. Противодействие Злу становится здесь долгом, т.е. активным проявлением Добра каждого «духовно здорового человека». Свою добрую волю он обращает на тело злодея как непосредственное орудие зла. На этом пути не стоит сдерживать себя, ведь «благоговейный трепет перед телом злодея, не трепещущего перед лицом Божиим <...> это моральный предрассудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие», «сковывающее каким-то психозом здоровый и верный порыв духа».

Безусловно, «прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника, вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося

самоубийцы, вовремя ударит по руке прицеливающегося революционера <...> выгонит из храма кощунствующих бесстыдников». В каждом из этих поступков нет злобы или личного интереса, ими движет исключительно «подлинная воля к недопущению объективации зла». Потребность в этой воле наступает тогда, когда правовое понуждение уже не работает, а увещание потеряло смысл. Эта превосходящая Закон сила зовется Любовью.

Михаил Нестеров.
Русский воин. Святой
князь Михаил

Любовь холоднее смерти

Любовь, как движущая сила духовности и совершенства, прямо противоположна произвольной любви-желанию, равно как и морально-гедонистической любви-жалости. И произвольная любовь, и ложно понятая «любовь к ближнему» рассматривают свой объект как автономный, внешний по отношению к себе. Этот объект любви принимается нераздельно — как уникальное сочетание добрых и злых черт, как тело, огражденное от страданий. В такой любви нет истины, которая должна осуществиться, нет духовного предмета, по отношению к которому любовь направлена.

Вообще избавление от страданий является фундаментально ложной задачей, ибо «сущность страдания состоит в том, что для человека оказывается <...> закрытым путь к низшим наслаждениям». Страдание является неизбежным следствием осознания, это «источник воли и духа, начало очищения и видения, основа характера и умудрения». Любовь, которая лишь сочувствует и пытается избавить от страданий, духовно слепа. Она стремится отождествить любящего с объектом любви безотносительно к содержанию этого объекта.

«

**Дотрицающая любовь
не доставляет радости
и успокоения, но приносит
муки, так как постоянно
требует заставления
и понуждения в отношении
объекта любви.**

»

В такой любви нет ни внутренней правоты, ни стремления — она «не служит, а наслаждается, не строит, а истощается». Только духовная сила, «чутье к совершенству», открывает «человеку подлинный предмет для любви». Она начинается с любви к Богу и затем переходит в любовь к «началу Божественного» в человеке. Такая любовь уже не предается «соблазнам сентиментальной гуманности» и «не измеряет усовершенствование человеческой жизни довольством отдельных людей или счастьем человеческой массы». Этой любви доступно высшее понимание того, почему «болезнь может быть лучше здоровья, подчинение — лучше власти, бедность — лучше богатства», а «доблестная смерть лучше позорной жизни».

Сентиментальному состраданию и бездуховным проектам

материального счастья масс следует противопоставить подлинный, «отрицающий лик любви». Отрицающая любовь не доставляет радости и успокоения, но приносит муки, так как постоянно требует заставления и понуждения в отношении объекта любви. Отрицающая любовь — это динамичное отношение между очевидностью и произвольностью, между несовершенной действительностью и Божественным понятием, между Злом и Добром.

Такая динамика означает «постепенное удаление того, кто любит, от того, кто утрачивает право на полноту любви». В своей последовательности (а значит, следуя гегелевской диалектике, осуществлении через отрицание) эта любовь по отношению к объекту выражает «неодобрение, несочувствие, огорчение, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, настойчивость, психическое понуждение, причинение психических страданий, строгость, негодование, гнев, разрыв в общении, бойкот, понуждение, отвращение, неуважение, невозможность войти в положение, пресечение, безжалостность, казнь».

Итак, чтобы действительно противиться Злу, любовь должна быть ограничена и видоизменена, она должна превратиться в путь подвига, «безрадостный и мучительный». Только так, отрицая видимость ради предмета, тело ради духа, любовь становится «верховным основанием всей ведущейся человеком борьбы со злом». В своей рецензии на книгу Ильина Зинаида Гиппиус заметила, что везде, где он произносит слово **«любовь»**, **его следовало бы заменить на «ненависть»**. Эмоционально разделяя такое отношение, стоит, однако, возразить, что для Ильина любовь в своем высшем, отрицающем и карающем, выражении противоположна ненависти как произвольной, слепой силе.

Мучительная сила такой любви заключается и в том, что, даже убивая свой объект, любящий осознает свое чувство, а значит — до последнего вздоха любимого по-настоящему любит его, не оставляя в своем сердце места для сентиментального сочувствия, так же как и для аффективной ненависти. Ильин отмечает, что Любовь составляет сущность правосознания, его внутреннее содержание. Если право ограничивается понуждением, напоминая о неотвратимости наказания за внешнее проявление Зла, то Любовь не останавливается перед физической силой, пыткой и казнью. «Отрицающая любовь» Ильина может быть, таким образом, сравнима с тем, что Вальтер Беньямин называет «правоустанавливающим насилием».

Фрагмент немецкой гравюры «Ведьмы в руках правосудия»

Моральное большинство

Любовь, утверждающая дух порядка, превосходя его букву, становится отношением, связывающим личность и государство, общество и власть. Так как эта любовь направлена к предмету любви, а не к его внешнему выражению, то она определяет в целом отношение сознательного христианина и патриота к другому: он любит свою семью, государство и сограждан. Мера отрицания в каждом из этих отношений, конечно, разная, но сам ее принцип, содержание, остается неизменным.

Сознательный гражданин и верующий человек движим любовью во всем, ничто не оставляет его безразличным. Он не может удержать силу своей любви ложным уважением к мнимому праву на самовыражение другого. Ведь не сдерживаемая активной волей к Добру темная сила бессознательного стремится к проявлению себя, вызывая «к жизни в других душах целую систему бессознательного воспроизведения, полусознательного подражания и ответной детонации». В свою очередь, граждане связаны между собой не только внешним равенством перед законом, но и «обязанностью взаимовоспитания», которое соответствует взаимозависимости в Добре и во Зле. Так что ничем не обоснованы претензии отдельных личностей «закрепить за собой преимущественное право» на неограниченное выражение своего бессознательного. Они готовы посылать «другим чистое зло», но не готовы «принимать посылаемого им в ответ в виде понудительного воздействия, добра».

Органическое единство государства, Церкви и общества в Добре создает общность благожелательства, чувство взаимной связи указывает людям их «общую духовную цель». Ильин дает обоснование общественного договора, в котором «власть (церковная или государственная) утверждает в своем лице орган общей священной цели, орган добра, орган святости, и потому совершает все свое служение от ее лица и от ее имени».

Если в «общественном договоре» Руссо народ узнает из мнения большинства содержание своей собственной воли, то в версии Ильина он становится подтверждением воли Божественной. Добрым является, таким образом, всякое проявление власти, а содействие ей равно содействию Добру в самом себе и окружающих. Как пишет Ильин, «в таком правосознании нет места несправедливости со стороны государства — оно справедливо в своем принципе, даже когда в конкретном случае ошибается». И наоборот: сила активной, отрицающей Любви дает ее носителю, сознательному гражданину и патриоту, возможность как бы опережать действие власти, совершая физическое пресечение там, где власть может только предупредить и делать замечания.

«

Добрым является всякое проявление власти.

»

В таком союзе благожелательства активный гражданин не формально следует инструкциям руководства, но умеет читать их между строк и реализует их дух. Или, как точно пишет Ильин, «каждый член союза может и должен чувствовать, что его воля и его сила участвуют в борьбе центральной власти с началом зла и его носителями». На этом пути каждый отдельный гражданин чувствует себя борцом за Добро постольку, поскольку «общественное мнение (и в его распыленном, и в его сосредоточенном состоянии) поддерживает его своим сочувствием и содействием».

Государство Ильина не мыслит себя инструментом прогресса (как это делал, например, сталинский тоталитаризм),

не воспитывает нового человека, но приводит старого в соответствие с его предназначением и исторической принадлежностью (как русского, гражданина, православного и т.д.). Это единство общества и государства, достигнутое в христианской монархии, в эпоху Ильина оказалось разрушено. Непротивленцы, адепты сострадания и произвольно, материалистически понятой справедливости, распахнули дверь активному злу, которое приобрело надличностный, массовый характер.

«

**Ильин говорил о необходимости
переходной «национальной
диктатуры» перед
возвращением органичной,
благожелательной
православной монархии.**

»

Необходимое моральное обновление, преодоление слабости и ложных ценностей, сделавших возможным это торжество Зла, может быть достигнуто через постижение морали воина. Воина, поднимающего свой карающий меч во имя Бога и Добра. В своих многочисленных политических текстах Ильин говорил о необходимости переходной «национальной диктатуры», способной восстановить нарушенное равновесие перед возвращением органичной, благожелательной православной монархии. Восстановление этого равновесия требует правильного самосознания поднимающего меч — а именно внутреннего решения главного морального вопроса: можно ли совершать недобрые поступки ради Добра?

<http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/105.htm>

Никита Кадан.
Из серии
«Процедурная
комната». 2010

Союз война и монаха

Активная борьба с внешним злом, как уже понятно, не может и не должна останавливаться перед физическим насилием и убийством. Тело, как возможный орган Зла, не является непреодолимым препятствием для утверждения духа. Но проблема в том, что отдельный воин Добра не обязательно сам является полностью добрым. Более того, на пути борьбы со Злом он совершает поступки, которые не являются праведными. «Сам тая в себе начало зла <...> и далеко не поборов его до конца», воин «вынужден помогать другим <...> и пресекать деятельность» тех, кто уже «предался злу и ищет всеобщей гибели». Он осознает опасность собственного внутреннего зла и, принося в жертву стремление к праведности и целостности в Добре, спешит на помощь другим. Такой путь является несправедливым, но не является грешным, так как воин осознает свою несправедливость и принимает ее как неизбежность служения. Более того, помогая другим ценой своей нравственной чистоты, православный воин способствует волевому усилению доброго начала в самом себе. Он «приемлет разумом <...> и делом неполноту любви в самом себе» и «изживает ее в борьбе со злодеем».

Отрицающая любовь, оружием которой добровольно становится карающий слуга государственного дела, сама является любовью «урезанной, ущербной <...> и отрицательно обращенной к злодею». Но ее ущербность — следствие наличия

в мире Зла, с которым необходимо бороться. Отрицательно любящий борец за общее дело совершает насилие и несправедливость не по желанию (тогда бы он был просто злым), но по необходимости. Осознанно действуя как орудие государственной воли, в любом своем действии, вне зависимости от его содержания, он, так сказать, остается «объективно добрым». Такой воин привыкает «жить не светлыми, но темными лучами любви, от которых она становится суровее, жестче, резче и легко впадает в каменеющее ожесточение». В этом заключена тяжесть служения: ведь там, где воин отступает от субстанциального Добра в сторону произвольной жалости, он рискует предать свое дело, поддавшись искушению Зла в образе Добра. Таким образом, применение насилия в интересах Добра является не морально допустимым, но необходимым. Это не возможность, но героический долг. Или, как предельно точно формулирует Ильин, «обязательность применения меча есть критерий его допустимости».

«

Отдельный воин Добра не обязательно сам является полностью добрым.

»

Воин — трагическая фигура, так как «совершенство и справедливость не совпадают». Он добровольно принимает духовный компромисс, освящаемый осуществленной праведностью Церкви. Осознание духовного компромисса — это принятие судьбы, которая состоит в том, чтобы постоянно лицом к лицу встречать «буйство неуговоримого зла» на Земле. Неполнота отрицающей любви воина дополняется неполнотой праведного в своем отдалении от мира монаха. Церковь может быть праведной лишь постольку, поскольку прочен ее союз с государством. Монахи должны понимать, «что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела». Суть православного государства в том, что монах и воин идут вместе, сцепив чистые и нечистые

руки в сознательном союзе. Ведь «духовная автономия Церкви, осмысливающая дисциплину началами веры» нужна, чтобы «воин понимал, почему врага в сражении или бунтовщика при восстании должно убить».

Никита Кадан.
Из серии
«Процедурная
комната». 2010

Вечность.рф

Обладание властью, неподотчетной народной массе (как произвольной), но ответственной лишь перед Богом (в смысле описанного выше «духовного компромисса»), составляет не привилегию, но миссию «религиозно-осмысленного служения». Эта миссия не имеет своей собственной истории, у нее нет начала и конца. Действия ее трагических носителей определяются битвой Добра и Зла как неизбежной частью мира и Божественного замысла.

Гегелевская философия превращена Ильиным в идеологию, лишенную внутренней негативности, относительности любой политической или религиозной формы внутри исторического движения. Философия становления, лишенная этики, по определению преобразуется в господство неизменной этической формы «духовного компромисса», соответствующей субстанциальности самоосознающего православного государства, этого вечного союза воина и монаха.

Врагом такого государства, т.е. неизменным Злом, выступает любая личность или группа, восставшая против обстоятельств своего существования. Потому сопротивление всегда

произвольно, а его подавление всегда осенено Добром и вооружено отрицающей Любовью.

Момент Толстого

В 1906 году молодой Иван Ильин приехал в Ясную Поляну, чтобы встретиться с Львом Толстым. Полный впечатлений, он позже писал своей родственнице: «отличительная черта гения — трагическая борьба за органически-единое узрение Несказанного в элементе мысли и в элементе художественного — была свойственна Толстому в особом, своеобразном роде, **и это я почувствовал с большой определенностью**». Вероятно, это именно та причина, по которой Толстой — как неделимый, целостный человеческий факт — не может быть адаптирован современным российским государством как просто один из великих писателей, составивших славу «исторической России». Толстой — не только часть обязательной программы по литературе, но также имя этического момента. Того самого, который в начале романа «Воскресение» застаёт представителя правящего класса, князя Нехлюдова, в суде присяжных и неожиданно заставляет его почувствовать себя не судьей, но подсудимым.

Сегодня надо признать, что Ильину в «Сопроотивлении злу силою» удалось снять саму проблематику этого момента для наследников тех, к чьей личной совести безнадежно взывал Толстой в «исторической России» начала XX века.

http://mosarchiv.mos.ru/promotion/trudy/izd/2008/sharipov_ilyin.php

Земо-Никози. Так и живем

© Наталья Никуленкова

Художница Наталья Никуленкова попросила переживших вторжение России в Грузию зарисовать на картах, что у них отняла война

Наш проект был реализован в рамках миротворческой арт-резиденции «Декабристы», или *Dekabristen e.V.*, — это немецкая неправительственная организация, созданная русскоязычными активистами в 2012 году в Берлине с целью развития диалога между гражданскими обществами Германии и стран Восточной Европы. Их деятельность направлена на поддержку гражданских инициатив, проектов в области искусства, независимой журналистики и социальных инноваций на постсоветском пространстве. 15 молодых художников из России, Украины, Азербайджана, Армении и Грузии встретились в Грузии, где

прошел ряд семинаров о влиянии искусства на политическую ситуацию, о механизмах миротворчества. После семинаров художники разъехались по резиденциям, чтобы попытаться осмыслить через искусство политические конфликты. Художники из Грузии, Азербайджана и Армении уехали работать в Россию и Украину, а художники из России и Украины частью остались в Грузии, частью отправились в Армению и Азербайджан. По итогам проекта работы участников будут представлены на фестивале в Берлине.

«

**За год «ползучая граница»
придвинулась к ним
на 1,5 километра, отсекая
у местных жителей огороды или
разрезая могилы на кладбище
забором напополам.**

»

Мой проект исследовал последствия военных действий в приграничных зонах Грузии. Для жителей этих мест существует большая травма, связанная с потерей земли. Сотни беженцев из Абхазии и Южной Осетии до сих пор не могут вернуться в родные дома, и они выстраивают свои личные истории, вписывая в них травматические утраты, вызванные войной. Многие грузины предъявляли мне четкую идею, что их враги — российские политики, а не народ конфликтующей стороны: «Раньше мы были братьями с абхазами, теперь мы враги, и это все большая политика, которая идет из Кремля».

В мой проект включены оккупированные Россией территории Цхинвальского района, то, что называется Южной Осетией после грузино-южноосетинского конфликта 2008 года. Российская сторона не просто призывает смириться с тем, что Абхазия и Цхинвальский регион не вернутся в состав Гру-

зии, а самовольно переносит границы. Местные жители утверждают, что за последний год «ползучая граница» придвинулась к ним на 1,5 километра, отсекая у местных жителей огороды или разрезая могилы на кладбище забором напополам. Многие жители региона говорят о большом страхе уснуть в Грузии, а проснуться в России, о том, что российская сторона провоцирует Грузию и пытается втянуть ее в вооруженный конфликт. Они повторяют: «Мы не видим решения этой проблемы, мы не хотим войны».

Всех этих людей объединяет тотальная необустроенность жизни: война сломала ее привычный ход, и она уже никогда не сможет вернуться в прежнее русло. Память об этом будет передаваться из поколения в поколение на бытовом уровне. «Так и живем, а что делать». Это та фраза, которую произносят люди, перенесшие войну, и не важно, сколько времени прошло с завершения военных действий. Будь это в Абхазии спустя 23 года или на границе с Осетией спустя 8 лет.

20 сентября 2016 года я приехала в село Земо-Никози, которое находится в непосредственной близости от границы с Цхинвальским регионом. Поселилась в семье бывшего председателя этого села с его многочисленными сестрами и племянниками. Его зовут Илия, ему 33 года. Я рассказала ему про свой проект: раздать жителям этого села карты, на которых они могут обозначить выжженные земли и утраченные сады. Илия стал моим проводником: мы ходили в гости к его соседям, и они охотно рассказывали о своей беде. Я предлагала им цветные карандаши и карты Горийского региона, на которые наклеила прозрачную кальку, где очертила красной линией зону оккупации. Соседи рисовали за этой жирной красной чертой то, что считали потерянным.

© Наталья Никуленкова

Перед тем как показать, что получилось с картами, я приведу один из фрагментов беседы в доме Илии.

Илия: Мы ни с кем не говорили на русском уже несколько лет, с 2008 года, потому что тут никто не говорит на русском — все говорят на грузинском. Я говорил по-русски в Цхинвали. Потерял контакты, с кем можно говорить. В Цхинвали были друзья и родственники, у нас были близкие отношения. Они остались там жить. Сейчас это Осетия, а раньше была Грузия. После войны мы вернулись в этот дом. Во время войны мы бежали в Тбилиси. Простым гражданам не дали оружие, сказали: это не ваше дело, у нас есть армия в Грузии. Я не хочу никого убивать, но если придется защищать свой дом, то почему нет? Но когда воюют все, как воевали Грузия с Абхазией, и когда у всех есть оружие, я этого не оправдываю. Кто-то выпьет водку, пойдет и перестреляет всех.

Нино: Мы уехали отсюда 8 августа, мы не знали, что война будет! Много тут погибло: и местные жители, и военные. Мы два месяца были в Тбилиси. У нас вся семья была в Тбилиси. В наш дом попадали пули. Мы крышу починили, а двери так остались.

Я очень устала, а что делать? Всегда надо работать. Все время у плиты. Я училась в университете, окончила медицинский университет, работала там, читала лекции. Мой брат Илия — юрист, моя сестра Тамрико — педагог английского языка в школе. Мы всегда здесь жили и будем жить. Раньше мы все работали в Цхинвали. Четыре дня в неделю я читаю лекции, а остальное время я здесь, дома, надо все приготовить, потом надо все помыть. Мужчины не могут этого делать, они ничего не знают такого, кухня — это женское дело. И на кухне может быть только одна женщина.

Тамрико: Все так и осталось после войны, мы почти ничего не сделали, денег нету. У всех в домах так было. Там сожгли дом, и там тоже сожгли. Пришли, все украли, мотоциклы украли, тракторы украли, стулья, столы, коров и свиней и унитаза тоже, срезали интернет-кабель, а в одном доме украли даже зубные щетки: мы не знаем, кто это сделал — грузины или осетины, просто пришли сюда и все украли. Они ломали наши двери, отламывали ручки от дверей, у нас до сих пор нету ручек на дверях, нету денег, чтобы их купить. Не знаем, кто сломал, может, русские, грузины, осетины или чеченцы. Мы не знаем!

Илия: В нашем селе везде остались следы от танков на асфальте, следы от пуль в заборах и домах. Когда наша армия убежала, сюда вошли российские танки. Был такой приказ, что наша армия должна отступить, не знаю, чей был этот приказ, может, главного, Саакашвили. Здесь было все разрушено, уничтожено. Здесь на улицах очень много мертвых лежало, война — это самое плохое, что есть на свете, когда люди убивают друг друга. Здесь есть ползучая граница, у нас забор не ползет, тут как поставили в 2008 году камеры и забор, так и стоит, но есть другие села, там ползет. Это Дирби, Двани, вот тут есть поблизости село Дици, где-то 20 километров отсюда,

«

**Они ломали наши двери,
отламывали ручки от дверей,
у нас до сих пор нету ручек
на дверях, нету денег,
чтобы их купить. Не знаем,
кто сломал, может, русские,
грузины, осетины или
чеченцы.**

»

у меня там родственники живут, их огороды остались за забором. У меня тут тоже был огород, который на другой стороне, где-то 15 гектаров. В этих селах граница движется каждый раз на 100, на 200 метров в сторону Тбилиси, а в сторону России никогда не движется. Это российские солдаты переставляют, какой у них приказ будет, так они и сделают, но приказ откуда? Из Кремля или откуда, никто не знает. Грузинские власти говорят, что мы против этого, что нельзя так передвигать границу, но ничего не могут сделать или не хотят. Страшно будет, когда

заснешь в Грузии, а очнешься в России. Дай Бог, чтобы войны больше не было и такого, как в 2008 году, больше не повторилось. Как я думаю, и российские люди, и осетины, и абхазцы, и грузины должны сказать: «конец войне, давайте будем жить вместе, нам не нужна война». Не один и не два человека, а все вместе — и все наладится, просто так ничего не получается.

«

**На улицах очень много
мертвых лежало, война —
это самое плохое, что есть
на свете.**

»

Россия должна отозвать свои войска отсюда, так должно быть. Может быть, когда-нибудь будет. В Никози живут где-то 30 осетинских семей или больше даже. Здесь недалеко живет женщина из Кирова. Мы должны любить друг друга. Думаю, еще пройдет лет пять-десять или пятнадцать — и будем опять все вместе, Грузия будет вместе с Россией и Абхазией. У нас в доме очень много дыр от снарядов, мы все заново покупали: и ковры, и мебель всю. Приезжали и увозили унитазы на танках. Мой отец преподавал бухгалтерию в университете в Цхинвали, он был профессор. Я работал здесь председателем трех сел: Земо-Никози, Квемо-Никози и Земо-Хути. Три года назад меня освободили от работы: пришла новая власть, и мне сказали, что больше не будешь работать. Я, что мог, тут все делал.

Один старик, которому лет 90, заснул в Грузии, а проснулся уже в России. Наши соседи и его родственники передают ему еду, потому что он остался за границей на российской стороне. Там остались один человек и одна собака, просто смешно. Отсюда передают ему еду и воду, пенсию тоже. Его родственники забирают пенсию и передают ему через забор, как терминал. Он там до сих пор так и живет, собака тоже с ним. А в селе Дирби кладбище разрезано забором напополам, половина могилы на русской стороне, а половина на грузинской сторо-

не. У нас есть такая традиция на Пасху — восстание за Христа: мы собираем красные яйца и приносим на могилы, а на стороне, которая у русских, нельзя ходить, и красные яйца перебрасывают через забор. Был один случай, что яйцо попало в камень, на котором изображен человек, и тот, кто кидал, сказал: «О, прямо в десятку». В селе Тамарашени казаки вспарывали животы беременным женщинам, русские солдаты не знали, что мы христиане, и когда они вошли сюда и увидели крестики и иконы, спросили: «Куда мы попали, нам сказали, что грузины не христиане, мы не знали, с кем мы воевали — с христианами или нет». Наши предки любили Россию и российских людей, придет время — будем вместе жить.

© Наталья Никуленкова

Ниже я привожу карты, нарисованные жителями села в рамках моего проекта, с их комментариями.

МАНАНА: Я осетинка, жила раньше в Цхинвали, теперь живу здесь, потому что я замужем за грузином. В Цхинвали я не могу ездить сейчас, несмотря на то что там остались близкие люди, там живет моя тетя, моя мама родилась тоже в Цхинвали, но сейчас тоже здесь живет. Мы не знаем, как они там живут и какая там ситуация, мы потеряли контакты и телефоны.

ХВИЧА, 56 лет: Где-то вот здесь тоже была наша территория, а сейчас уже вот это место к России присоединили, на карте плохо будет видно, если я нарисую, поскольку граница тут смешалась несколько раз на полтора-два километра за последние полтора года.

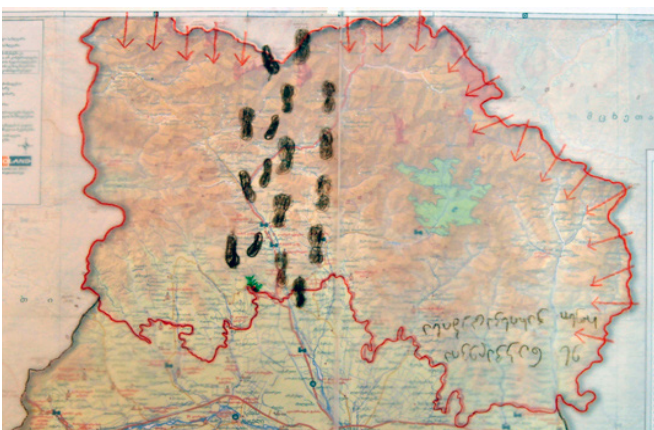
© Наталья Никуленкова

ТАМАЗ, 65 лет: Вот Южная Осетия. Я живу на границе между Южной Осетией и Грузией, теперь уже бывшей Грузией. Здесь мой дом, который стоит на границе. А здесь эта большая территория, где были большие поля с пшеницей и кукурузой, а вот тут кладбище, прямо через которое теперь идет граница.

© Наталья Никуленкова

СЕРХИО, 21 год: Вот Цхинвали, русские солдаты оккупировали наши земли. Я нарисую на этой карте следы от сапог русских солдат. Здесь раньше была зеленая территория, теперь она черная после огня.

© Наталья Никуленкова

Нино: Где-то здесь был наш сад, он небольшой, там росли деревья, все сожгли.

Подруга Нино: Мой сад тоже там остался, он был очень близко с ее садом, я тоже его нарисую.

© Наталья Никуленкова

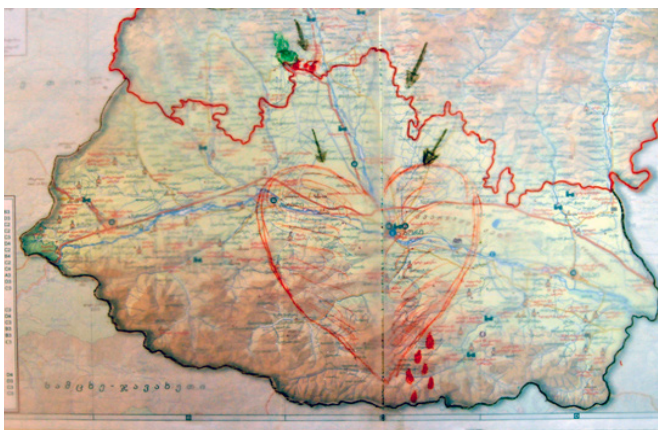
ЛЕВАН, 36 лет: Вот половина — наша территория, половину потеряли мы уже.

Здесь были наши земли, а они все отрезали. Кладбище было здесь, где кресты, на этой территории. Там на месте можно увидеть, какую границу они сделали, и здесь тоже наша территория была. Они все забрали. Тут росли пшеница, кукуруза. Вот на этой территории рядом с Цхинвали росли деревья, яблоки, груши, тут был наш сад. А вот здесь, посмотрите, у меня было целых девять гектаров, точно я знаю, яблочные сады были, все это погребли.

© Наталья Никуленкова

Илия, 33 года: Я рисую стрелы, которые летят из России, попадают прямо в сердце Грузии, и оно истекает кровью.

© Наталья Никуленкова

ГЕОРГИЙ, 26 лет: Когда была война, мы жили в Тбилиси, мы, как и все, туда уехали. После войны, когда мы сюда вернулись, тут начались работы, стали делать забор. И наши огороды остались за сеткой. У нас там росли яблоки, груши, пшеница тоже.

© Наталья Никуленкова

Над номером работали

Главный редактор: Глеб Напреенко

Соредактор: Александра Новоженова

Дизайн: Анастасия Шенцева

Авторы текстов и переводов номера

(включая участников опросов) —

Хубертус ван Амелюнксен,

Франко «Бифо» Берарди, Илья Будрайтскис,

Алексей Гусев, Ольга Житлина, Олег Журавлев,

Амир Низар Зуаби, Маша Ивасенко,

Фридрих Киттлер, Лена Клабукова,

Мерьем Кобани, Борис Колоницкий,

Николай Кононов, Павел Кудюкин,

Иван Курилла, Артемий Магун, Илья Матвеев,

Николас Мирзоев, Алла Митрофанова,

Глеб Напреенко, Иван Напреенко,

Игорь Нарский, Наталья Никуленкова,

Александра Новоженова, Андрей Олейников,

Тимофей Раков, Марина Симакова,

Кирилл Соловьев, Влад Тупикин,

Павел Фельгенгауэр, Хито Штейерль,

Татьяна Эфрусси.

Расшифровка аудиозаписей: Наталия Лебедева

Фоторедактор: Сергей Новиков

Литературный редактор: Ирина Тимашева

Ответственный редактор: Лиза Лерер

Выпускающий редактор: Катерина Манько